

common place

Игорь Подшивалов

Анархия в Сибири

Ангарск
2015

УДК 329.14(100)+316.723
ББК 66.62 (0+7105)
П44

П44 Подшивалов, Игорь
Анархия в Сибири [сб. статей] – М.: Common
place, 2015. — 302 с.
ISBN 978-99970-0114-6

Сборник статей историка и публициста Игоря Подшивалова (1962–2006), одного из основателей Конфедерации анархо-синдикалистов, исследователя русского анархизма и других низовых движений. Главные герои книги — не «апостолы» анархизма Бакунин и Кропоткин, а простые люди, революционеры, ссыльные, казаки, старообрядцы, беглые крестьяне, те, в честь кого не вешают памятных досок, но кто в действительности творит историю.

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое воспроиз-
ведение со ссылкой на источник

Оглавление

Часть первая. XV-XIX века

1. Волк, Пенда и бородатые люди	9
2. Побег и разбой — формы протеста	17
3. Невольники вольной Сибири	25
4. Большой Сибирский тракт	33
5. Армия генерала Кукушки	41
6. Защитник русских революционеров	49
7. «За нашу и вашу свободу»	57
8. Нравы Соколиного острова	65
9. В начале было слово	73
10. Сибириада Михаила Бакунина	81
11. Сибирские похождения князя Кропоткина	91
12. Патриарх свободной Сибири	101
13. В Сибирь за землей и волей	115
14. В поисках Беловодья. Пути и судьбы русского старообрядчества	123
15. Лев Толстой и его поклонники из Иркутска	135
16. Мирное братство	143

Часть вторая. XX век

1. Сибирская махновщина	153
2. Первый губернатор	185
3. Эпопея «сибирского генерала»	199
4. Сибирский дедушка	211
5. Партизанская война Дмитрия Донского	223
6. Заговоренный атаман	233
7. Конец неуловимого главаря	239
8. Последний поход поручика Чернова	243
9. Жанна д'Арк сибирской контрреволюции	249
10. Пугачевщина в Братском районе	255
11. Конец забайкальского казачества	263
12. Бунтующий ГУЛАГ	281

Леонтьев Я. Последний анархист Сибири	289
--	-----

Часть первая
XV-XIX века

1. Волк, Пенда и бородатые люди

Всего за полтора века русские люди проделали огромный путь по территории от Урала до Тихого океана. Что стало с русскими людьми, которые покинули родные места и через горы и дебри, степи и ледяные пустыни рванули на восток? Да как рванули! За какие-нибудь 100 лет перевалили Каменный Пояс — Урал, поднялись по Енисею и Ангаре до Байкала, вышли в Якутию и на Амур, а еще через полвека достигли берегов Тихого океана, обосновались на Курилах, добрались до североамериканского континента и создали там свои поселения — Русскую Америку, включавшую в себя даже Калифорнию.

От Байкальских гор до Студеного океана широкой лентой протянулась одна из величайших рек Азиатского материка — Лена, которую не грех было бы величать Великой. Волга Великая длиной 3500 километров, а Лена — четыре тысячи с лишним, и на всем ее протяжении располагаются густые леса с ценным пушным зверем, по берегам и островам — неисчислимы завалы дорогого «рыбьего зуба» — моржовых клыков, бивней мамонта. Честь открытия Лены приписывают казачьему вожаку Васке Бугру и сотнику Петру Бекетову — основателю Якутского и Нерчинского острогов. На самом деле были на Лене-реке и раньше вольные люди. Только вот имена их не на географических картах и даже не в трудах ученых мужей остались, а в легендах и преданиях народных.

Вольные атаманы

Сохранили сказания имя человека, пришедшего с ватагой на Нижнюю Тунгуску в самом начале XVII века. Звали его Волк. Прозвище само за себя говорит. К волкам на Руси весьма неплохо относились, не раз они в сказках всяких Иванов — и дураков, и царевичей — из беды выручали. Воистину волчьим бесстрашием нужно было обладать человеку, чтобы пуститься в опасное путешествие без всякой государственной поддержки. Скорее всего был Волк атаманом разбойничьей шайки из беглых

крепостных. Дошел он до притока Лены — реки Куты, по имени которой город Усть-Кут назван. Откуда он появился и куда потом исчез, история умалчивает. Пробежал рыскающим волком по нашей истории этот вольный человек, которого по праву можно считать первопроходцем великой Лены.

Писатель Сергей Марков в своей книге «Земной круг» пишет: «В ту пору (1611 год — И.П.) в жарко натопленной пустозерской избе сидел русский человек по прозвищу Волк — один из первых исследователей Мангазеи, успевший побывать там дважды, “Никто не ездил дальше него на восток”, — писали о нем английские разведчики. Этот землепроходец однажды пустился в плавание по Енисею и шел вверх по реке недели три. Он из Мезенской земли ходил в страну тунгусов и на реку Гету. Путешествовал Волк не один, а с целым отрядом важан и почернев, которые остались жить на берегах Геты». По мнению Маркова, летописная Гета — это река Кута, впадающая в Лену. Это неведомое русское поселение было основано в первом десятилетии XVII века. В то время был открыт грандиозный путь от Мезени через Печору, Ямал, Мангазею, Туруханск, Нижнюю Тунгуску и далее к верховьям реки Куты. О «личном составе» ватаги Волка ничего не известно. Сохранилась лишь строчка из Важской летописи от 1626 года, в которой сказано: «Десятник Якушко Амосов сын Мангазеин сказал отец де ево з Двины Важского уезду пришел в Сургут гулящим числом...» Отец этого Якушки был «конным казаком Амоско Гордеевым сыном Мангазея», так что либо Амоско, либо его отец Гордей Мангазей вполне могли быть «волчатами» и побывать в местах, входящих сегодня в пределы Иркутской области. Фамилия Мангазеевы весьма распространена на территории Кузбасса.

Вскоре после Волка появился другой искатель приключений, так же несправедливо забытый и обойденный вниманием историков. Звали его Пенда, он же Пянда,

он же Пантелей Демидов сын. О нем сведений побольше сохранилось, чем о Волке. Историк Сибири Б. Н. Полевой даже раскопал подлинную «кабальную запись», из которой следует, что Пантелей Пянда взял у енисейского казака Кирилла Терентьева сына Ванюкова аж «десять рублей денег московских ходячих прямых без приписки июля в десятый день до срока до Петрова дня заговения 151 года без росту...», то есть в 1643 году. Стало быть, долгую жизнь прожил Пантелей Пенда, потому что на Лене он появился не позже 1620 года.

Фантастическая одиссея

Пенда — такая же кличка, как и Волк, и происходит от немецкого слова «панд» — часть облачения самоедов, опушка из собачьего меха на верхней одежде из оленьих шкур. Легенды об этом человеке передавали из поколения в поколение мангазейские казаки, гордившиеся своим героем.

Исследователь И. Фишер в своей «Сибирской истории» пишет: «Сибирские промышленные оказали в объисканиях на Лене немалые успехи. Сии отваги, которые сами от себя таскались повсюду, так что и не могла утратить никакая опасность, когда они могли где-нибудь получить себе корысть... Сказывают о некоем, именем Панда, что с сорока человеками, собранными из Туруханска, проводил три года на Нижней Тунгуске прежде, нежели пришел к Чечуйскому волоку. Перешед его, плыл он рекою Леною вниз до того места, где после построен город Якутск, откуда продолжал свой путь сею же рекою до устья Куленги, потом Бурятскою степью к Ангаре, где, вступив на суда, чрез Енисейска прибыл паки в Туруханск. Единственная надежда прибыти побудила сих людей к такому путешествию, какого чаятельно никто ни прежде, ни после их не предпринимал».

Откуда было знать скрупулезному немцу, что шли вольные люди в неизведанный край не только за добычей — пушниной, которую непочтительно называли

«мягкой рухлядью», и не затем, чтобы присоединить к Царству Московскому новые земли. Подальше от бояр и воевод уходили они в поисках свободы.

Другой историк, Иван Гмелин, объясняет подвиг Пенды отнюдь не жаждой наживы: «Пенда, некий гуляющий человек, хотел с сорока человеками частью с России, частью с Сибири собравшегося народа искать свое счастье в Сибири, ибо он так много о захвате земель слышал, и свое имя тоже, как и другие, о чьих больших делах рассказывали, хотел сделать знаменитым».

Пенда готовился основательно, расспросил о пути «к соболу и славе» аборигенов-тунгусов и с самим Волком, возможно, переговорил. Он пришел на Енисей во главе своих «сорока разбойников», построил в Мангазее несколько судов и в первое лето дошел до речки Нижней Кочомы, где тунгусы преградили ему путь, завалив реку множеством деревьев. Тогда он построил там зимовье, которое до сих пор называется Нижне-Пендинским, и всю зиму отбивался от тунгусов огнестрельным оружием.

Весной полая вода снесла преграду, и маленький отряд двинулся дальше, но проплыл недалеко — досаждали воинственные тунгусы. Пришлось зимовать второй раз в устье Средней Кочомы. Занимались ватажники соболиной охотой и отгоняли тунгусов огненным боем. Второе зимовье называется Верхне-Пендинским, и через несколько лет оно уже было опорным пунктом ясачного сбора. На третий год тунгусы от Пенды отстали, и он добрался до Чечуйского волока, где построил третье зимовье и провел третью зиму. О том, насколько труден был путь этой ватаги, говорит то, что между верхним и нижним зимовьями расстояние всего 100 верст. Зато, добравшись до Лены, Пенда со товарищи четвертым летом на судах доплыл до того места, где сейчас стоит Якутск, а потом вернулся назад до реки Куленги, степью пришел на Ангару и вернулся в Туруханск. Эта «кругосветка» составила более 3000 километров. Это при том, что по Че-

чуйскому волоку ватажники несли корабли буквально на себе, постоянно отбиваясь от тунгусов.

Пенда не только соболя бил, он, по выражению Гмелина, «решается идти вверх по этой реке (Лене. — И.П.) и всю страну исследовать». А придя в Енисейск, «он о своих открытиях письменное известие составил и через то дал повод к заселению помянутых областей». Стало быть, грамотен был вожак гулящих людей и думал не только о наживе, но и о славе.

Сведения о нем есть и в «Истории Сибири» Г. Миллера, который записал их по рассказам старожилов, передававшихся из уст в уста целое столетие. До сих пор историки называют одиссею Пенды «фантастической», «невероятной», «легендарной». Имя смелого землепроходца было возвращено из небытия выдающимся сибирским историком Алексеем Окладниковым во второй половине минувшего столетия. До этого времени о человеке, пришедшем на Лену за несколько лет до Васьки Бугра, просто забыли. А ведь сведения о нем сохранились даже в якутском фольклоре о знаменитом вожде Тыгыне. В последние годы жизни Тыгына в его владениях появились пришельцы — русские люди, которые покорили сердце вождя своим умением работать и мудростью и исчезли так же неожиданно, как и пришли. Кстати, в преданиях о Пенде много свидетельств о его борьбе с тунгусами, но нет ни одного слова о стычках с якутами или бурятами.

Легенда о бородачах

Позже появились легенды о «земле бородатых людей» на неизвестных островах Ледовитого океана. Люди эти отличались высоким ростом, обладали длинными бородами и густыми бровями. Были они морскими охотниками-зверобоями и жили целыми поселками. Ездили «бородатые» на санях, запряженных огромными собаками, похожими на волков.

Однажды, уже в середине XIX века, некий зверо-промышленник попал на один из арктических островов и набрел на поселение «бородатых». Островитяне продержали промышленника в запертом доме шесть недель, зла ему не чинили, а потом, взяв с него клятву молчать об увиденном, завязали глаза и проводили далеко от селения, одарив на прощание белыми песцами и красными лисицами. Во время своего вынужденного заточения этот человек слышал колокольный звон и песнопения в молельне, из чего заключил, что попал в раскольничий скит.

Предание говорит, что бородачи на том острове жили уже лет четыреста. Эти легенды стали одной из причин поиска в конце XIX века загадочной земли Санникова.

Легенда о «земле бородатых» — это крестьянская мечта о вольной земле без государства и власти. К сожалению, за вольным человеком следом всегда идет «служивый», «государев человек», а потом и чиновник со своими законами. Но помнит народ первого, а не последнего. О чиновниках легенд и песен не слагают. XVII век без всякого преувеличения можно назвать героическим. Странное это было время! Историки до сих пор не могут объяснить все, что произошло тогда на территории Восточной Сибири.

Известный сибировед прошлого столетия С.В. Бахрушин однажды написал: «Служивых людей охватила какая-то горячка. Внешне это проявилось как некое наваждение, порою в событиях проявлялась как бы полная анархия». Как тут не вспомнить теорию Льва Гумилева, охарактеризовавшего этот период русской истории как «пассионарный перегрев». Солнечная энергия была через край, и рвались люди на восход солнца.

2. Побег и разбой — формы протеста

В 1747 году Кольвано-Воскресенские горные заводы, ранее принадлежавшие богатейшим промышленникам Демидовым, были переданы в собственность царской династии, и местные крестьяне превратились в пожизненных рабов. Вместо отдачи в солдаты их приписывали к заводам в качестве мастеровых, отрывали от семьи и хозяйства. Зарплата рабочих составляла в среднем 16 рублей в год.

Жили они в бараках под охраной солдат и казаков, не имели права уходить с заводов — виновного подвергали наказанию. Любое насилие рождает сопротивление, и побег стал самой распространенной формой протеста.

Бежать, чтобы не мучиться

За 50 лет было зафиксировано 2619 побегов. В судебных материалах второй половины XVIII века сохранились показания пойманных беглецов. Например, горные работники Неупокоев и Яренский в 1784 году «сговорились бежать, чтоб не мучиться», служитель Барнаульского завода Казанцев заявил, что «лучше в киргизы уйти пасти коней, а не работать в руднике», а 17-летний Иван Карпов, работая у плавильной печи, «стосковался по матери своей и с глупости в ночное время бежал». Кнут, пытка, ссылка на Нерчинские заводы и казнь способствовали увеличению числа беглых.

Длительный побег был редкостью, но даже неудачная попытка вырваться на волю вдохновляла на тот же поступок многих мастеровых. Беглецы-«рецидивисты», неоднократно уходившие с заводов, становились почти фольклорными персонажами. Еще в прошлом веке на Алтае сохранялись легенды о беглецах Сороке (Иване Сорокине), Криволуцком, Селезневе, братьях Белоусовых. Большинство беглецов находились на воле меньше года, но иным удавалось скрываться по 10, 12, а девятерым счастливым — 17 лет.

Один из историков XIX века писал: «Воровская слава беглецов привлекала к ним сподвижников, возвращала

крестьян возможностью легкой наживы». Действительно, часть бежавших ради пропитания и мести угнетателям становились разбойниками. В 1826 году в тюрьму Змеиногорского рудника были заключены «Кольванского завода каменоломцы» Прокопий, Константин, Степан и Ерофей Белоусовы, которые с девятью своими товарищами обвинялись «в побеге, воровствах и грабеже у людей разного звания 3000 рублей».

Великий сибирский историк Афанасий Шапов считал разбойников «особым многозначительным в народной массе типом беглых». По его убеждению, «разбойничество», как и бродяжничество, являлось свойством русского и в частности сибирского характера. Его начало он видел в мифических русских богатырях, новгородских ушкуйниках, сподвижниках Степана Разина и Емельяна Пугачева. «Солдатчина, крепостной гнет и произвол начальства вызывали мщение и разгул могучей физической силы, направленные на богачей, дворян-помещиков, начальников», — писал Шапов.

Беглецы-труженики

Документы свидетельствуют, что подавляющее большинство и в побеге вели трудовую жизнь. Крестьяне не только не выдавали их, но с удовольствием брали в работники. Разумеется, это объяснялось не одной лишь добротой сибиряков, но и материальной выгодой. Беглец готов был вкалывать на благодетеля ради крова и хлеба.

В 1772 году поймали дочь посадского из Екатеринбурга Наталью Степанову. Много лет она находилась в Тобольске «по некоторому секретному делу», потом попала в ссылку в Томск. Оттуда, «не желая быть четвертым браком по принуждению», бежала в Тобольск, в надежде найти защиту у губернатора, и была сослана на Нерчинские заводы. Здесь местный умелец написал ей паспорт на имя ее брата, и она, переодевшись в мужское платье, бежала в Барнаул. Долгое время женщина жила у разных

крестьян, называясь то внуком, то племянником очередного хозяина, работала в домовом хозяйстве, шила платья и обувь. Крестьяне принимали ее не только как работницу, но и как «волшебницу»: Наталья лечила их детей «от сумасбродной болезни». Поскольку сибирский крестьянин обладал относительной личной свободой и контроль властей за ним был меньше, чем в центральной части России, он мог месяцами и годами укрывать беглецов, используя себе во благо их труд.

Многие скрывались в труднодоступных местах, строили избы и жили, «питаясь рыбою и сеянным собою хлебом и овощем». Семена пшеницы беглецы выменивали у тех же крестьян на ягоды, орехи, рыбу и продукты звериного промысла. Один такой «пустынник» Яков Лубягин в 1762 году бежал, инсценировав самоубийство (оставил свою одежду на берегу реки), и направился в Кулундинскую степь. Нищенством он «набрал хлеба с пуд» и немного денег, купил топор, нож и огниво. У озера «сделал земляную избушку и прожил в одной три года», обменивая у крестьян хлеб на рыбу. Для совершения торговых операций Яков уходил от своей избушки верст за двадцать и более. В Касмалинской степи он прожил еще три года, а последние четыре года провел в Мунгатских вершинах. Побег Лубягина длился 10 лет.

В сибирских лесах и горах жило много старообрядцев, скрывавшихся от преследований. В их скитах беглецы находили приют. Нередко мастеровые покидали родные места с единственной надеждой: «сискать каких ни на есть стариков».

В побеге иногда даже семьи создавались. Беглая жена поселщика Пименова обитала в лесной избушке с беглецом Захаровым. Двое их детей, родившихся в лесу, были крещены «одним погружением в воду».

Большая часть беглых скрывалась на заимках, куда хозяева тайком приносили еду, а те на них работали. Случалось, что хозяин выдвигал неприемлемые условия,

и этим людям оставалось либо заняться воровством, либо явиться с повинной. В 1796 году крестьянин Быков из деревни Стрельной Верхотомского острога прятал на замке беглецов Ушакова и Балахнина. Они отказались от его предложения «убивать чужих коров», остались без хлеба и вынуждены были вернуться на рудник.

Беглецы-разбойники

Четверть от общего числа беглых предпочитала не сеять и пахать, а свистеть кистенем на большой дороге. В эту категорию входили бежавшие из тюрем колодники, каторжные и солдаты. Они сбивались в «артели» и меняли награбленное на хлеб и порох.

Шесть лет находились в побеге братья Полковниковы. Сколотив шайку на озере Карасук, они занялись конокрадством, охотой и рыболовством. Для продажи зверя и рыбы выезжали в Тобольск. В 1761 году Полковниковых поймали, но один из них, Степан, после телесного наказания и перевода с Барнаульского на Томский завод вновь скрылся.

В 1760 году группа каторжных направилась в деревню Шадрин, чтобы «убить до смерти» иркутского крестьянина Мелентьева, у которого, по их сведениям, «имелось денег сот с пять». Вел отряд Василий Мурзинцев, «битый кнутом за многие его побеги, воровство и смертоубийство».

Знаменитый разбойник Афанасий Селезнев много раз бежал из Кузнецкой тюрьмы, вместе с братьями ушел на реку Бахтарма, чтобы «жить свободно». Ему оказывали поддержку не только многочисленные родственники, но и все население округи. Еще при жизни он стал легендой. На Алтае память об Афанасии Селезневе сохранялась в течение двух столетий.

Сибирские разбойники нередко вели себя как Робин Гуды. В 1771 году «беглые воры и злодеи» Петр Бочаров и Егор Алымов на Красноярской дороге «грабили иркуц-

ких купцов, а деньги и товар раздавали живущим по той дороге заводским крестьянам». Летом 1798 года партия беглых во главе со Степаном Тюленевым ограбила дворы богатых крестьян, а также скупщика Захарова, у которого было отнято имущества на сумму 2400 рублей.

Беглецы-бунтари

В 1774 году в Змеиногорскую тюрьму были привезены сподвижники Пугачева: «полковники» Тюрин и Филинков, «атаман» Лошкарев, «есаул» Григорьев, Никитин, Андреев и другие. Они замыслили побег. В заговоре приняли участие 28 человек: к пугачевцам примкнули горнорабочие и каторжные. Михаил Андреев мечтал уйти в киргизские степи, собрать войско, вернуться на Колывано-Воскресенские заводы, «разграбля ружья, артиллерию, разбить Змеиногорскую крепость, начальство перевешать», рабочих увести с собой. Несмотря на помощь местных мастеровых, побег 15 сентября 1775 года окончился провалом.

Бывший участник пугачевского движения, ялуторовский крестьянин Петр Хрипунов в 1783–1786 годах объявил себя либо императором Петром III, либо Пугачевым и «ходил в каменные горы к живущим в лесах беглым людям для разглашения, что государь Петр Федорович жив». Он распространял слухи, что в степи около Барнаула, верстах в ста от озер Чаковских, а от озера Карасук в 25 верстах стоит лагерем великая команда, при коей и государь Петр Федорович». Хрипунов агитировал крестьян «сделать кампанию», набрать около 500 мастеровых и беглых, выручить сидевших в Змеиногорской тюрьме «по пугачевскому делу шесть человек», которые могли в задуманном деле стать «великими помощниками». Пойманный в 1786 году Петр Хрипунов сказал на допросе, что в Алтайских горах у него имеется огромное войско из беглых людей. Судьи не нашли ничего лучшего, как объявить «разгласителя» умалишенным.

Анархия в Сибири

Это уже «разбойничество» особого рода. Групповой побег и самозванство ради нового восстания не на шутку перепугали горное начальство. Было спешно приказано «казаков привести в готовность, батальон с артиллериею освидетельствовать и содержать в исправности», а донесения об этих событиях отправили в Петербург.

3. Невольники вольной Сибири

Освобождение крестьян, возвещенное манифестом 19 февраля 1861 года, касалось лишь одной тысячной населения Сибири, так как крепостного права в тех масштабах и формах, в каких оно было в России, в Сибири не существовало. Закрепощенными людьми здесь являлись горнозаводские рабочие и крестьяне, приписанные к казенным горным разработкам. Такие заводы имелись в Нерчинском уезде, в Прибайкалье же не было ни одного. Поэтому событие, давшее императору Александру II прозвище «Освободитель» в Сибири прошло незамеченным.

Работорговля по-сибирски

По десятой народной переписи, проведенной незадолго до 1861 года, во всей огромной Сибири насчитывалось всего 36 помещиков, владевших имениями, и 70 дворян, у которых были дворовые люди. Общее число крепостных не превышало 3701 человека мужского и женского пола, из которых было до 900 дворовых. На долю Восточной Сибири приходилось лишь два помещика с имениями и девять дворян, крепостных же было 297 человек. Сибирские помещики жили только в двух имениях, остальные управляли старосты, которые иногда даже не знали о местоположении своих господ.

Отношения между крестьянами и помещиками были иными, чем в остальной части России. Там землепашец находился в полной зависимости от барина, а у нас при обилии свободной земли мужики всегда были готовы покинуть помещичью землю и переселиться куда душа пожелает. В некоторых имениях крестьяне, пользуясь отсутствием помещиков, даже не отбывали в их пользу повинностей.

Государственные или пашенные крестьяне, ясачные и разночинцы Сибири признавались законом свободными людьми, поэтому здесь была распространена эксплуатация наемной, а не подневольной рабочей силы. Пашенный крестьянин мог брать батраков и сам наниматься

к более богатому соседу. В первой половине XVIII века еще существовало такое явление как продажа людей, и сведения об этих сделках заносились в крепостные книги. Самым ходовым товаром были дворовые девки, обычно представительницы местных народов, которые шли по пять рублей. Мужчины стоили дороже. Случаев продажи крепостных крестьян не зафиксировано, так как они были прикреплены к земле, а земля в Сибири не продавалась и не покупалась.

При найме свободной рабочей силы чаще всего не было никаких бюрократических формальностей. Многие сделки проходили мимо крепостной конторы и нигде не регистрировались. Пока хозяин платил, батрак трудился, и обе стороны могли расторгнуть отношения в любое время. Зачастую хозяин выдавал работнику деньги вперед при условии, что последний будет работать на него определенное время.

В архиве Илимского уезда сохранились крепостные книги, из которых можно узнать, что хлебный обротчик Петр Попов нанялся к илимскому посадскому человеку Петру Оглоблину «идти в работе до Якуцка». Гулящий человек Карп Потапов «нанялся в работу к крестьянину Антону Лукину, денег взял 21 рубль». Илгинский обротчик Чекотеев продал иркутскому служилому человеку Фролу Иванову «и жене и детям и внучатам ево дочь свою, девку Марину, возрастом 15 лет в вечное холопство. А денег взял за нее три рубли».

Крепостники в рясах

Упомянутого в крепостной книге крестьянина Антона Лукина не существовало. Под этим именем скрывался сын священника Луки Афанасьева, впоследствии сам священник Илгинского острога Антон Лукин. Духовные пастыри этой фамилии полвека эксплуатировали население Илимского уезда и стыдливо маскировались под крестьян.

Священник Лука начал службу в Илгинском остроге в 1717 году. Тогда на него горбатились четыре батрака. Поп благополучно пил кровь из своих работников и жителей окрестных деревень 23 года, пока с ним не произошло несчастье. В приказной избе появился его «извет» о том, что «сего 1740 году ноября на 18 число, в ночи, в третьем часу, неведомо от чего в моей горнице загорелось». Лука сам спасал деньги, находившиеся в деревянном ящике, «в котором было пять сот золотых двою-рублевых. И отдал их неведомо какому человеку и велел прихранить. А кто тот был человек, того я не узнал. А голосу он не объявил и унес неведомо куды».

Скорее всего, это был поджог, совершенный людьми, имевшими зуб на вероучителя. Во всяком случае, при пожаре никто не помог священнику, напротив, какие-то люди, действуя согласованно, сделали все, чтобы умножить его потери. В огне и от похитителей было потеряно ценностей на несколько тысяч рублей. Это происшествие показало, что у священника были крупные накопления.

Лука не только выжимал доходы из наемных работников, но и скупал землю и покосы, арендовал их через подставных лиц. Дело об обезземеливании крестьян дошло до иркутской воеводской канцелярии, и четыре мужика, отдавшие по сути казенные земли в аренду попу, были биты батогами.

Лука умер в 1761 году, и три его сына унаследовали не только профессию отца, но и его предпринимательские способности. Антон стал священником Богоявленской церкви, Яков — пономарем, Афанасий — дьячком. Сыновья Луки пошли дальше родителя и занялись торговлей хлебом. Однажды казак Галашев по распоряжению губернской канцелярии конфисковал у отца Антония Лукина барку с тысячью пудов муки. Светские власти неоднократно пытались отнять у священника незаконно захваченные им земли, которых насчитали 289 десятин. Государству за эти земли поп не платил.

Антоний не мог простить покушения на свою собственность и явился с ватагой в приказную избу, вытащил на улицу приказчика Илгинского острога Николая Березовского и избил «на смерть, от чего оной прикащик едва может ли жив быть». Несчастному чиновнику священнослужитель выдрал на голове половину волос, растоптал спину и грудь и разбил череп. Березовский смог давать показания только через два месяца.

Антония Лукина удержали крестьяне, иначе приказчик был бы убит. После расправы над Березовским Лукин «вдруг без лошадей утащил к себе в дом четыре воза сена». После этого случая крестьяне поставили у приказной избы караул, опасаясь, что пастырь пожелает разгромить учреждение.

Антоний во главе шайки из 10 работников производил лихие набеги на крестьянские хозяйства. У крестьянина Захарова его люди увезли с Петковского луга сено «на 20 священниковых лошадях», потом отобрали восемь возов у крестьянина Баева.

Отец Антоний был силачом, не знавшим равных в драке, и крупным мироедом, имевшим много батраков и десятки лошадей. Он владел двумя мельницами и драл за помол втридорога. Наконец дело о священнике Антонии взялся разбирать сам губернатор Вульф. Из документов следует, что еще в 1753 году Лукин со всей своей семьей привлекался по делу о краже из илгинского винного подвала 2654 рублей и что следствие прервалось из-за самовольного выезда попа в Иркутск. Губернатор приказал арестовать всех участников дебоша в приказной избе, кроме духовных персон, и, забив их в колодки, прислать в Иркутск. Самого же Антония рекомендовали предать суду духовной консистории, на него пришли указы даже из Синода и Сибирского приказа.

Попа Антония спасла российская волокита. Его дело кочевало из канцелярии в канцелярию целых шесть лет, пока он не скончался. После его смерти илимский вое-

вода Черемисинов, негативно относившийся к священникам, объявил, что крестьяне освобождаются от уплаты за землю потомству Антония Лукина.

Эта семья не была исключением. Многие кулаки в Сибири происходили из духовного сословия, и независимость от мирских властей открывала предприимчивым натурам священнослужителей благоприятные возможности для обогащения.

Проводы губернатора

Как же встретили отмену крепостного права в Иркутске? Попросту не заметили. В известной «Иркутской летописи» Нита Степановича Романова этому событию посвящено всего две строчки: «Высочайше учреждены дополнительные правила: о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости в Сибири». Внимание иркутян было приковано к другой новости: как раз 19 февраля 1861 года генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Муравьев-Амурский согласно собственному прошению был уволен императором от должности по состоянию здоровья. Он был назначен членом Государственного Совета и пожалован орденом святого Владимира 1-й степени с мечами.

Муравьев стоял во главе огромного края 13 лет. При нем к империи были присоединены земли по Амуру, налажены отношения с Китаем и Японией, заложены основы гражданского благоустройства и промышленности, расширилась торговля. В своем последнем приказе Муравьев писал: «Спасибо вам, казаки, солдаты и матросы, за вашу верную и неутомимую службу, благодаря которой возникла русская жизнь в Амурском крае! Я горжусь, что командовал вами именно в то время, когда так много выпало на долю вашу сделать полезного для России. Прощайте, честные амурские труженики, служите, как служили доселе, и помните, что Россия ждет от вас пользы для нового края».

Утром 17 февраля в доме генерал-губернатора собрались все военные и гражданские чины, депутаты иностранных ведомств, прибывшие даже из-за Байкала. После молебна в соборе толпа двинулась в Благородное собрание, где была «устроена закуска». После завтрака помощник Муравьева генерал-майор Корсаков, вскоре занявший кресло своего начальника, произнес речь и предложил тост в его честь. Зала огласилась долгими криками «ура». Толпа кинулась к графу, подняла на руки и вынесла к экипажу. Потом в Иннокентьевском монастыре вновь прошел молебен перед мощами святого Иннокентия. Когда Муравьев наконец сел в экипаж, бурятский тайша протянул в окно руки и сказал: «Прощай, граф! Мы тебя не забудем, ты нас не забудь».

Примерно в те же дни в Иркутске была открыта подписка на сооружение в Царском Селе памятника Александру Сергеевичу Пушкину.

4. Большой Сибирский тракт

«По Большому Сибирскому тракту далеко-далеко за Байкал с двору, от дому в Акатуй-тюрьму по этапу кандальник шагал.» Это слова из песни Александра Розенбаума, а из песни слова не выкинешь. Как ни боролись за отмену ссылки в наш край сибирские областники еще сто с лишним лет назад, Сибирь была и остается уголовной свалкой империи.

Граница Европы и Азии

На Урале, между деревнями Марково и Тугулинской, в позапрошлом столетии стоял кирпичный столб высотой в три с половиной метра. На одной его стороне был изображен герб Пермской губернии, на другой — Тобольской. Не было между Петербургом и побережьем Тихого океана места более печального, чем эта лесная прогалина со столбом. Сотни тысяч людей обоего пола от князей до простых мужиков навсегда прощались здесь с родной, семьей, со всем, что было им дорого. Едва ли в стране есть другой такой пограничный пост, через который прошло столь великое множество людей с разбитыми судьбами.

До постройки Сибирской железной дороги арестанты шли к месту заключения пешком и достигали границы Сибири после долгих месяцев тяжелого пути по пыльным и разбитым дорогам, под палящим солнцем, под дождем и снегом, в трескучий мороз. Между последним российским и первым сибирским этапами партии ссыльных останавливались возле пограничного столба, чтобы сказать последнее «прости». На этом месте происходили душераздирающие сцены. Арестанты, особенно женщины, давали волю своему отчаянию, выли и рыдали, другие становились на колени и целовали землю, брали ее горсть с собой в изгнание, третьи целовали пограничный столб с европейской стороны.

По команде унтер-офицера «Стройся! Марш!» отдых прекращался, и серая толпа ссыльных, звеня кандалами,

переходила границу Сибири. Пограничный столб был покрыт множеством выцарапанных и сделанных карандашом кратких надписей. Ссылные писали свои имена и пожелания оставшимся на родине. Здесь они в последний раз оглядывались назад и шли в неизвестность. Путешественник Джордж Кеннан, видевший этот столб, вспоминал надпись «Прощай, Мария!» — он сорвал несколько цветов и положил букет к его подножию.

Дорога смерти

Пешие партии в 300–400 человек еженедельно отправлялись из Томска в Иркутск и преодолевали расстояние в полторы тысячи верст за три месяца. Этапы располагались в 40–60 верстах друг от друга, и на каждом ждала сменная конвойная команда в 40 солдат с офицером и двумя–тремя унтер–офицерами. Так как расстояние в полсотни верст да еще в кандалах за день пройти невозможно, по дороге строили полуэтапы для ночлега. Партия проходила в месяц 500 верст, отдыхая каждые третьи сутки.

Арестанты получали на пропитание по 10 копеек в сутки и покупали провизию у крестьян. Многие деревни, расположенные возле Сибирского тракта, жили этой торговлей. Между уголовными и политическими преступниками различий не делали, но если последние принадлежали к дворянскому сословию, им выдавали 15 копеек и позволяли ехать на телегах.

До конца XIX века ссылных не делили по половому признаку, но потом стали отделять холостых от семейных. В семейные партии включали одиноких женщин и детей. Эта реформа не сильно изменила ситуацию, поскольку и между семейными процветал разврат.

Партия проходила не более трех верст в час в туче пыли, поднимаемой множеством ног, закованных в кандалы. В нескольких верстах от Томска арестанты проходили мимо часовни, и многие снимали шапки и крести-

лись, бормоча молитвы. В то время даже закоренелые разбойники и убийцы вспоминали о Боге.

Первый привал делали верст за пятнадцать до Томска. Сюда приходили сельские старухи и девушки с провизией: молоком, квасом, хлебом, салом, крутыми яйцами и пирогами с рыбой. Арестанты раскупали продукты, питались группами или в одиночку и часа два отдыхали, растянувшись на земле. Пройти 15 верст непросто и для здорового человека, даже налегке, а для арестанта, несколько месяцев просидевшего в тюрьме и скованного кандалами, это очень тяжелое дело.

Смертность среди кандальников в зимний период доходила до 45%, а среди детей, идущих со своими матерями, — до 70%. Больных и ослабевших по распоряжению офицера везли на телегах, но транспорта на всех не хватало. Писатель Константин Станюкович, сам бывший ссыльный, недаром называл тракт «адской дорогой», «убийственной дорогой», а Антон Чехов писал, что это «самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете».

В пути опытные бродяги инструктировали новичков. Старые каторжники знали Сибирский тракт как свои пять пальцев, и не только дорогу, но и характер каждого конвойного офицера между Томской тюрьмой и Карийскими рудниками. Они не раз бежали с каторги и с этапов, и пережитые ими в тайге опасные приключения, решительный и смелый характер делали их вожаками арестантских партий. Вожак с гордостью говорили: «Острог — мой отец, а тайга — моя мать!» Вся их жизнь проходила в переходах от одного «родителя» к другому.

Народное кандалное творчество

Под дождем и пронизывающим ветром, в мокрый снег идет голодная усталая партия. Грязь на дороге по колено. Несмотря на холод, многие сняли с себя неудобную обувь и месят слякоть босыми ногами. Женщины с грудными детьми и больные едут на телегах. Когда колонна

подходит к деревне, артельный староста просит конвойного офицера разрешения спеть «милосердную» для сбора милостыни. Проходя через населенный пункт, сотня кандалников затягивает песню, похожую на рыдание и стон:

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте нас, невольников,
Заклоченных, Христа ради!
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте нас, бедных заключенных!
Сожалейтесь, наши батюшки,
Сожалейтесь, наши матушки,
Заклоченных, Христа ради!
Мы сидим во неволюшке,
Во неволюшке, в тюрмах каменных,
За решетками за железными,
За дверями за дубовыми,
Распростились мы с отцом, с матерью,
Со всем родом своим, племенем.

Под аккомпанемент звякающих цепей эта песня производит неизгладимое впечатление на публику. Бабы и дети выходят на улицу и кладут в мешки нескольких арестантов, назначенных артелью сборщиками, хлеб, мясо и другие продукты. На привале кандалники делят провизию, и это хороший приварок к тому, что они могут купить на свои 10 копеек.

На этапе арестантам устраивают переключку и на ночь запирают в холодных, неотапливаемых камерах. Правительство так мало заботилось о здоровье каторжников, что расходы на их одежду и питание были меньше, чем средства, затрачиваемые на их похороны.

Карийские рудники

Работа в руднике зимой продолжалась с семи часов утра до пяти часов вечера, а летом — с пяти утра до семи

вечера. Немалая часть этого времени уходила на дорогу от тюрьмы и обратно. Ежегодная добыча золота на Каре составляла 11 пудов, которые полностью шли в частную казну царя. На самом деле золота добывали гораздо больше, но многие арестанты из вольной команды прятали драгоценный песок и продавали его контрабандистам за водку и табак, а те увозили его за китайскую границу.

В награду за хорошее поведение в каторжных тюрьмах были созданы так называемые вольные команды. Благодаря этому новшеству в сибирское население каждое десятилетие вливались три–четыре тысячи уголовных преступников. Женам и детям арестантов разрешалось жить в этих командах. Они получали пособие от правительства, которое надеялось, что семейная жизнь окажет благотворное влияние на преступных отцов, но результат был противоположным.

Жены и девушки в каторжных поселениях неизбежно впадали в разврат, а сами арестанты не стремились создавать или сохранять семью и заниматься хозяйством. Они знали, что их в любой момент могут отправить в еще более отдаленный уголок Сибири, вплоть до Сахалина, и все их труды пропадут даром. Поэтому в вольной команде расконвоированный каторжник старался поменьше работать и побольше получать удовольствия, то есть предавался разврату и пьянству.

За удовольствия надо платить, и валютой была «золотая пшеница» — так арестанты называли песок. Торговля золотом считалась тяжким преступлением, но сами каторжники говорили, что «золото Божье» и что каждый праве добывать его для себя. По свидетельству современников, содержание карийских рудников ежегодно обходилось казне в 500 тысяч рублей, а царский кабинет каждый год получал со всех золотых приисков Восточной Сибири 3600 фунтов чистого золота.

В 1857 году начальник карийской каторги по фамилии Разгильдеев решил выслужиться перед царем

и добыть для него 100 пудов золота. При нем на рудниках от цинги, тифа и переутомления умерли свыше 1000 каторжников. Это происходило во время царствования Александра Освободителя, который, конечно, и не думал потратить часть золота, добытого ценой тысячи жизней, на улучшение карательной системы.

В конце позапрошлого века на Каре содержалось 2507 человек, из них 600–800 женщин и детей. В середине столетия каторжан было меньше, и получается, что Разгильдеев уморил больше половины своих подопечных.

5. Армия генерала Кукушки

Словом «варнак» на сибирском жаргоне называли ссыльнопоселенцев или каторжников. Оно происходит от существовавшего в былое время обычая клеймить разбойников буквами «ВРНК», что означало «вор, разбойник, наказанный кнутом». Отношения между варнаками, беглыми каторжниками, и коренным сибирским населением можно назвать войной.

Арестантский профсоюз

Первым сибирским ссыльным был знаменитый угличский колокол, сосланный в Тобольск в 1593 году по приказу царя Бориса Годунова за то, что он ударил в набат в Угличе, призывая жителей к восстанию по случаю убийства царевича Дмитрия. В Тобольске опальный колокол «очистился» от своей вины, был заново освящен и 300 с лишним лет призывал православных к молитве. В XIX веке жители Углича пытались вернуть его себе, сочтя, что колокол достаточно наказан за свою политическую неблагонадежность тремя веками изгнания и может уже возвратиться домой. Но городской голова Тобольска утверждал, что колокол приговорен к пожизненной ссылке и что срок ее не истек. Кроме того, за давностью нахождения колокола в Тобольске первоначальные владельцы утратили на него все права, и он должен оставаться там, где находится. Вопрос этот даже пытались разрешить в судебном порядке.

Как писал Федор Михайлович Достоевский, только за 60 лет Сибирь приняла в свои объятия около 700 тысяч ссыльнокаторжных, а с женами и детьми эта цифра достигает миллиона человек.

В одиночку у арестанта почти не было шансов выжить, поэтому каторжники на первом же этапе организовывались в артель. Они выбирали старосту и создавали майдан — артельный фонд из взносов от всех своих ссыльных. Он представлял собой склад запасов, где узники могли покупать чай, сахар, белый хлеб, а тайно — табак, карты и водку.

Но главная цель артели — сопротивление произволу тюремной администрации и конвойной команды. Артель как организация с одной стороны поддерживала солидарность внутри уголовного сообщества, с другой — обманывала и подкупала взятками офицеров и солдат конвоя. Артель составляла планы побегов, изобретала способы добычи запрещенных водки и карт. Она нанимала в дороге у крестьян телеги или сани и продавала или даровала своим привилегию ехать в них часть дороги. Она же подкупала палача, чтобы он легче сек наказуемых, санкционировала все сделки и договоры между своими членами. Словом, артель — это тайная организация в преступном мире, такая же, как мир или община в жизни крестьян.

В тюрьме и на этапе артель имела абсолютную власть, неписанные, но строго соблюдаемые законы, свой кодекс чести. Неповиновение или измена артели карались смертью. Арестант мог лгать, грабить, убивать, лишь бы его поступки не вредили интересам артели. Если же он выдавал тайны артели тюремному начальству, хотя бы под страхом кнута, то мог считать себя мертвым. Во всей Сибири и в России не было уголка, где изменник мог бы избежать возмездия.

Арестанты, приговоренные к смерти тайными трибуналами, с разрешения начальства годами жили в строжайшем одиночном заключении, но приговор приводился в исполнение даже спустя долгое время и далеко от места, где была совершена измена.

История тюрем знает случаи, когда предатель был задушен ночью на море, на арестантском пароходе, шедшем на Сахалин. В другом случае осужденный был найден с перерезанным горлом на кавказском этапе.

Кодекс чести

Тюремное начальство знало о существовании артелей, но никогда не могло их уничтожить, поэтому мирилось с их существованием и старалось извлекать из них макси-

мальную пользу. Например, конвойному офицеру выгодно рапортовать начальству, что у него не сбежал ни один ссыльный. Он зовет к себе старосту артели и предлагает: «Скажи своим ребятам, что если у меня никто не сбежит, я буду смотреть сквозь пальцы, если кто-нибудь из вас скинет свои кандалы». Староста передает это предложение артели, и та его принимает, после чего арестанты колотят камнями по обручам кандалов и сбивают их.

Конвойный офицер идет на должностное преступление, но он знает, что артель его не обманет. Если после заключения сделки кто-нибудь из ссыльных убежит из партии, то беглец будет отвечать за это перед артелью и рано или поздно поплатится жизнью за то, что нарушил кодекс чести. Офицеры даже делали взносы в артельный фонд, чтобы обезопасить себя от побегов. Обещания, данные артелью, свято соблюдались, и если вопреки запрету арестант бежал, то артельные вожаки, называвшиеся бродягами, сами брали на себя обязанность изловить беглеца или ловили вместо него другого беглого, тем самым спасая честь артели.

Держа слово и карая за измену, артель поддерживала дисциплину в своем кругу и сберегала свое собственное существование.

Она знала, что при некоторых обстоятельствах честность — лучшая политика, но если обстоятельства менялись, то артель санкционировала обман и вероломство, не руководствуясь благородными мотивами. Каждая арестантская партия делилась на преступников, приговоренных к каторжным работам, и ссыльнопоселенцев. Каторжники старались избежать своей участи и часто менялись именами со ссыльными. Делалось это просто. Партия насчитывала около 400 человек, и конвой менялся через два дня на третий. Никакой конвойный офицер не мог за три дня запомнить в лицо 400 арестантов, поэтому если на переключке Иван Петров отзывался вместо Петра Иванова, то никто не замечал подлога.

В каждой партии имелись пьяницы, сосланные крестьянской общиной на поселение. Такой забулдыга, проиграв в карты одежду и паек, готов был за бутылку водки или за 5–10 рублей продать свою душу. Каторжник, обычно смелый и опытный рецидивист, у которого водились деньги, предлагал голодному, мечтающему о водке ссыльному: «Сменяйся со мной именем и иди за меня на каторгу, а я дам тебе шубу, пять рублей и штоф водки. Ты недолго будешь в рудниках. Пережди, пока я не дойду до места поселения и не сбегу оттуда, а потом объяви начальству свое настоящее имя. Твое дело посмотрят, убедятся, что ты не я, и сошлют тебя на поселение, и все закончится хорошо». После этого разговора опасный преступник, приговоренный к пожизненной каторге, отправлялся на поселение в какую-нибудь деревушку и вскоре оттуда сбежал, а мелкий мошенник и пьяница шел в норчинские или карийские рудники.

Пешком вокруг света

Каждое лето арестанты убегали в тайгу, и на протяжении двух–трех месяцев от Кары к Байкалу тянулась непрерывная череда беглых. Сигнал к этой ежегодной эмиграции подавала кукушка. Первые звуки кукования давали знать, что жить в лесу уже можно. Армия «генерала Кукушки» доходила в Сибири до 30 тысяч человек. Большинство беглых осенью возвращались на прииски под другими именами и проводили зиму в кандалах. Зато они три летних месяца дышали свежим воздухом среди лесов, гор и степей.

У многих арестантов страсть к бродяжничеству переходила в настоящую манию. Они вряд ли рассчитывали навсегда уйти из тюрьмы и хорошо знали, какова жизнь беглого бродяги, которому приходится месяцами питаться ягодами и кореньями, спать на сырой земле и каждый час глядеть в лицо смерти. Но, несмотря на это, они не могли спокойно слушать кукования и испытывали страстное желание бежать.

Один чиновник тюремного управления на Каре рассказывал: «Был у меня слуга из арестантов, неисправимый бродяга, убежавший каждое лето единственно ради удовольствия вести бродячую жизнь. Он претерпевал ужасные страдания, не имел никакой надежды убежать из Сибири и рано или поздно возвращался обратно в кандалы и строго наказывался. Но ничто не могло отучить его от побегов. Наконец, когда он уже состарился и поседел, однажды он пришел ко мне весной и говорит: “Барин, сделайте милость, посадите мене в тюрьму”. “В тюрьму? Зачем? — спросил я. — В чем ты провинился?” “Ни в чем, но вы знаете, что я бродяга. Уж сколько раз я сбежал, и если меня не запрут, то я опять убегу. Сделайте милость, велите запереть меня в тюрьму. Теперь я стар, не выдержу жизни в тайге и не хочу бежать. Но как только услышу, что генерал Кукушка зовет меня, так непременно опять убегу. Сделайте милость, велите запереть меня в тюрьму, чтобы я не мог уйти!”».

Чиновник исполнил желание арестанта и продержал его в тюрьме большую часть лета. Его выпустили, когда жажда побега миновала, и он стал спокойным и покорным, как всегда. Было что-то трогательное в этой невозможности для старого бродяги устоять перед соблазном свободной, богатой приключениями жизни, когда он слышал голос кукушки. Подобно Одиссею, который велел привязать себя к мачте корабля, чтобы не соблазниться пением сирен, этот старый каторжник просил запереть себя в тюрьму, чтобы кукушка не будила в нем воспоминание о свободе.

Американский путешественник Джордж Кеннан во время своего пребывания в Сибири встретил седобородого арестанта, который сознался, что уже четыре раза бегал с каторги и возвращается из пятого побега. Другими словами, этот человек восемь раз прошел пешком расстояние в 3000 верст. Были бродяги, которые в кандалах проходили эту дорогу 16 раз и столько же раз опять

убегали через тайгу и степи. Пройти Восточную Сибирь 32 раза — это то же самое, что дважды обойти вокруг земного шара по экватору.

Согласно статистике, число ссыльнопоселенцев в Иркутской и в Енисейской губерниях и в Забайкальской области составляло в 1886 году 110 тысяч человек, из которых бежало 48 тысяч, то есть 42%. В Западной Сибири количество беглых было еще больше: в Тобольской и Томской губерниях в том же году исчезли 67% ссыльных.

Тысячи беглецов гибли от голода и холода или от пуль обокраденных ими крестьян. Варнаки не только просили милостыню и крали, но и нападали на торговые караваны, убивали путников. В некоторых губерниях число уголовных преступлений, совершенных беглыми, в пять раз превышало среднее число преступлений в европейской России.

В небольшом городе Минусинске в одну ночь беглые совершили четыре убийства, в Балаганске в 1887 году беглецы убили 61 человека. В Томске шайки преступников разъезжали по улицам в санях и ловили острыми крючьями запоздавших прохожих. Сибирские крестьяне платили беглым той же монетой. Близ Иркутска ежегодно находили по 60 и более трупов беглых каторжников, убитых крестьянами. Поджоги, грабежи и убийства, совершаемые ссыльными, доводили сибиряков до такого неистовства, что они поступали с ними с варварской жестокостью. В Мариинском округе крестьяне поймали беглого ссыльнопоселенца, укравшего у них лошадей и совершившего другие грабежи, связали ему руки и насыпали в глаза битого стекла, приговаривая: «Вот тебе, варнак! Не найдешь больше к нам дороги».

Именно поэтому не только интеллигенты-областники, но и четыре сибирских генерал-губернатора — Казнаков, Анчутин, Игнатъев и Корф — требовали отмены уголовной ссылки в этот край.

6. Защитник русских революционеров

В мае 1885 года американский путешественник Джордж Кеннан вместе с художником Джорджем Фростом отправился из Петербурга в Сибирь. Его целью было изучение российской системы тюрем и ссылки. До знакомства с политическими ссыльными он был уверен, что все «нигилисты» — безумные фанатики из полуграмотных семинаристов и срезавшихся на экзамене студентов. Путешествие по царским острогам в корне изменило его взгляды.

Путевые откровения

Первую тюрьму американцы захотели посетить в Перми. Знакомые сибиряки сетовали: «Какое здание прежде всего бросается в глаза при въезде в любой сибирский город? Острог! При въезде в село? Этап!» Здесь произошел и первый контакт иностранцев с полицией. Их арестовали на улице, когда они рассматривали пермскую тюрьму. В участке, где они предъявили не только паспорта, но и письмо министра внутренних дел, предписывающее местным властям оказывать путешественникам всяческое содействие, полицейские сказали, что приняли их за двоих давно разыскиваемых немецких (!) преступников. После этого инцидента путешественники стали гораздо осторожней. Они поняли, что Россия — не Америка.

В Тюмени их, наоборот, ждал радушный прием. Местный тюремный исправник Борис Красин оказался либералом, показал американцам тюменскую тюрьму и даже позволил фотографировать заключенных. При беседе с Кеннаном присутствовал 15-летний сын исправника Леонид, в то время ученик реального училища, а в будущем видный деятель партии большевиков.

Наконец, в Семипалатинске Кеннан познакомился с политическим ссыльным, который снабдил его рекомендательными письмами к своим товарищам в других городах. В то время человек, странствующий без таких писем, не увидел бы ничего, кроме клопов в гостиницах.

Дальнейшее путешествие Кеннана — сплошная цепь интереснейших знакомств.

В Томской губернии его встретил ссыльнопоселенец Аполлон Карелин, ставший впоследствии известным анархистом, после Октября — членом ВЦИК Советской республики, а еще позже — магистром мистического ордена тамплиеров — культурной оппозиции большевистскому режиму.

Еще одна яркая личность — морской офицер Константин Станюкович, сын адмирала, после освобождения ставший знаменитым писателем, автором «Морских рассказов». Мало кто знает, что писал он их уже в эмиграции. Здесь же Кеннан встретился с еще одним писателем — Владимиром Короленко, отбывавшим третий срок.

Но самым выдающимся человеком, с которым американец подружился в Томске, был князь Александр Кропоткин — старший брат теоретика анархизма Петра Кропоткина. После подавления восстания польских ссыльных на Кругобайкальской дороге братья Кропоткины, служившие офицерами в Иркутске, подали в отставку и уехали в Петербург. Там оба окончили университет. Петр уехал в Швейцарию, где стал революционером, вернулся в Россию, был арестован за пропаганду и бежал из заключения. Он прожил за границей 40 лет, намного пережив старшего брата.

Александра Кропоткина сослали только из-за Петра, по обвинению в политической неблагонадежности. Он долго жил в Минусинске, где собрал прекрасные ботаническую и геологическую коллекции для краеведческого музея, очень нуждался и ждал окончания ссылки. Но ему постоянно продлевали срок и грозили вместе с семьей сослать в Туруханск. Вскоре после отъезда Кеннана он застрелился. «Я скажу от всего сердца, — писал Кеннан, — что в Кропоткине Россия потеряла безукоризненно честного человека, истинного патриота и широко образованного ученого».

Познакомившись с такими людьми, путешественник, ранее бывший противником революционеров, сделал вывод: «Не терроризм вызывал в России административную ссылку, а беспощадная строгость и незаконный суд вызвали терроризм».

Две недели в Иркутске

В разных сибирских городах Кеннан получил от новых знакомых список 700 политических ссыльных, с которым прибыл в Иркутск. Путь из Томска до Иркутска американцы проделали вместе с каторжной партией. Иркутский полицмейстер Христофор Маковский первым нанес им визит и предложил свои услуги. «Вот полицмейстер, какого должен был бы иметь всякий благоустроенный сибирский город», — подумал Кеннан.

Маковский провел «туристов» в тюрьму, которая была построена в 1861 году и рассчитана на 450 заключенных. Но даже в то время в ней содержалось 743 человека, а временами доходило до 1500 человек. Кеннана провели в камеру, где находился народоволец Фердинанд Люстиг, бывший офицер, вскоре после убийства Александра II приговоренный к четырем годам каторги. В присутствии полицмейстера разговора не получилось.

Маковский презрительно говорил о революционерах, но признавался, что ему жаль многих из них. Людей ссылали в Сибирь за то, что они по просьбе знакомых хранили пакеты с прокламациями и динамитом, помогали подпольщикам деньгами, и даже просто за то, что вели переписку с неблагонадежными и были с ними знакомы. В 1881 году многим ссыльным продлили сроки за отказ присягать на верность Александру III и отправили их в Якутию, как это случилось с писателем Короленко. Демократ Кеннан не мог понять, как можно наказывать человека за отказ давать ложную клятву, заранее зная, что он против власти.

«Было бы странно, — пишет он, — если бы губернатор Иллинойса пошел бы к анархистам, приговоренным

к каторжным работам в этом штате, и потребовал от них клятвы, что они не анархисты, а если бы они отказались, тотчас повесил бы их. Это совершенно аналогично действиям русского правительства».

Вскоре американцев принял генерал-губернатор А.П. Игнатъев, который, как и большинство сибиряков, признавал вред ссылки для нашего края и несовершенство тюремной системы. Супруга губернатора сама нередко посещала иркутскую тюрьму и даже пробовала пищу, которой кормили арестантов.

Кеннану все же удалось встретиться с политссылными без свидетелей. Среди них были молодые супруги Чернявские, потерявшие на этапе годовалого ребенка, который умер от холода. Несколько лет они потом прожили в якутском улусе посреди тундры.

«Если бы я был царем, — сказал Кеннан своему попутчику Фронту, — и имел за спиной целую армию солдат и полиции и все-таки боялся бы девочек-подростков, и не мог бы спокойно спать, пока они не сосланы в Сибирь, я отрекся бы от власти в пользу более сильного и мужественного человека».

В мире отверженных

Главной задачей для Кеннана было попасть в Забайкалье, на Карийскую каторгу. В своей книге «Сибирь и ссылка» он подробно описал свое путешествие на рудник, и эта глава достойна приключенческого романа.

На Кару американцы явились незваными гостями, тем не менее, начальник каторги майор Потулов посетил их в своем доме и сопровождал во время экскурсии по уголовным тюрьмам. Кеннан вскоре понял, что любезный хозяин не собирается знакомить его с политкаторжанами и что его гостеприимство сродни контролю.

Кеннан терпеливо ждал удобного момента и дождался. Начальнику пришлось на сутки уехать по служебным делам, и американец под покровом темноты навестил

Наталью Армфельд, находившуюся в так называемой «вольной команде» и жившую в отдельном домике. Она была первой женщиной, приговоренной царским судом к смертной казни за участие в вооруженном сопротивлении полиции. Виселицу ей заменили каторгой. Армфельд оповестила своих товарищей, и следующим вечером оба путешественника встретились с группой народовольцев, которые снабдили их материалами о положении политкаторжан на Каре и письмами к своим родным.

Таким образом, недавний противник революционеров стал их связным. «Я вполне сознавал опасность и все же не мог отказаться и не взять этих писем», — вспоминал Кеннан. За время своего путешествия американец стал настоящим конспиратором — он зашил письма в пояс и изготовил чемодан с двойным дном. Когда над ним возникла угроза обыска, Кеннан решил сжечь компрометирующие материалы прямо в доме майора Потулова, чтобы не отягчать участь доверившихся ему политкаторжан.

В то время на Каре умирал от чахотки доктор Орест Веймар, герой русско-турецкой войны, бывший раньше другом императрицы Марии Федоровны и генерала Гурко, с которым он переходил Балканы. В 1876 году Веймар участвовал в подготовке и осуществлении побега из тюремного госпиталя Петра Кропоткина, с братом которого Кеннан познакомился в Томске. В 1880 году Веймара осудили на 15 лет каторги. Кеннану не удалось встретиться со смертельно больным человеком, и он сумел лишь передать весточку его семье.

Отважному путешественнику удалось спасти большую часть своего сибирского архива и переправить его в Лондон. На обратном пути его спутник Фрост от полученных впечатлений психически заболел, у него развилась мания преследования. Но когда в Америке вышла книга Кеннана о сибирской ссылке, ее украсили рисунки, сделанные несчастным художником с натуры.

Джон Кеннан, по словам современников, вернулся из Сибири «адвокатом русских революционеров». «Если эти люди, — писал он о политических ссыльных, — живут изгнанниками в сибирской деревне вместо того, чтобы жить на родине, служа государству, — тем хуже для государства!» Убежденный противник насилия заявил, что удивляется не тому, что некоторые честные и благородные люди в России становятся террористами, а тому, что весь народ в этих условиях не стал террористом.

Русское издание книги «Сибирь и ссылка» вышло в разгар Первой русской революции, в 1906 году. Обложку к книге нарисовал знаменитый художник Иван Билибин.

7. «За нашу и вашу свободу»

Култук — одна из станций Кругобайкальского отрезка железной дороги. Когда-то, еще до железки, здесь проходил почтовый тракт с одноименным названием. Он лежал у подножия высоких гор, которые круто спускались к Байкалу. Ущелья и потоки пересекали дорогу на каждом шагу. Зимой в Забайкалье переправлялись по льду, летом — на пароходах, а весной и осенью добраться до Читы и Кяхты можно было только окружной горной тропой, пересекая хребты по старой Кругобайкальской дороге. Даже у такого опытного путешественника, как Петр Кропоткин, 12 верст пути через хребет Хамар-Дабан заняли 17 часов.

В 1861 году по предложению генерал-губернатора Михаила Корсакова Главное управление Восточной Сибири постановило проложить постоянный тракт вдоль самого берега Байкала от селения Култук до Посольского монастыря, взрывая окрестные скалы и перекидывая мосты через горные потоки. Строительство началось в Култуке, и выполнить эту работу должны были польские ссыльные.

Вернуться на родину

После восстания 1863 года в Восточную Сибирь было сослано 19, а по другим данным — 22 тысячи польских повстанцев, в основном студентов, бывших офицеров, художников и музыкантов, а также ремесленников — лучших представителей варшавского пролетариата. Большая часть их находилась на каторжных работах, остальных расселили по деревням, где они не могли найти средств для пропитания и едва не умирали от голода.

Поляки работали в Чите на строительстве барж, в чугнолитейных мастерских Тельмы и под Иркутском, а также на соляных варницах в Усолье и Усть-Куте. Непривычный сибирский климат и тяжелый труд привели к тому, что множество ссыльных умерли от чахотки.

На строительстве Кругобайкальского тракта трудилось более 700 поляков. Работы велись на протяжении 200 верст — от Култука до станции Лихановской — под

руководством полковника Шаца. Каторжане вели разведку дороги, строили помещения. Поляки были разделены на партии по 50–100 человек и находились под охраной нескольких офицеров и 140 конвойных солдат и казаков. Повстанцы не пожелали смириться со своим жребием и умирать медленной смертью на чужбине.

Летом 1866 года они устроили настоящее восстание. Шансов на успех не было, но они все же восстали. Впереди был Байкал, позади возвышались горы и простирались пустыни Северной Монголии. Поляки решили обезоружить конвой, захватить лошадей, выковать страшное оружие повстанцев — пики, пробиться через горы Монголии в Китай, дойти до океанского побережья в надежде, что их примут английские корабли. По замыслу вождей восстания, их должны были поддержать все находившиеся в Восточной Сибири поляки. На кораблях английской эскадры поляки и намеревались добраться до Америки, чтобы потом вернуться на родину.

Восстание польских пикадоров

Вождами Кругобайкальского восстания были 48-летний Нарцисс Целинский, бывший прежде офицером русской армии, и 30-летний пианист Густав Шарамович — умный и энергичный красавец, блестящий и пылкий оратор. Их ближайшими сподвижниками стали Владислав Катковский, осужденный за убийство полицейского чиновника в Варшаве, и Яков Рейнер.

25 июня 1866 года 50 поляков отняли у конвойных оружие и, захватив лошадей, отправились на почтовую станцию Амурскую, где также разоружили солдат, испортили телеграфное сообщение с Иркутском, а далее двинулись в Мурино. На следующий день в Иркутске стало известно о восстании, по тревоге были подняты казаки и три отряда пехоты.

Ночью 27 июня повстанцы во главе с Рейнером и Катковским пришли на станцию Лихановскую, что в 25 верстах

от Посольска, и здесь произошел первый бой. Солдаты, охранявшие станцию, забаррикадировались в станционном доме и отстреливались через окна. Им на выручку шел отряд в 80 человек под командованием майора Рика, переправившийся через Байкал на пароходе. По приказу Катковского повстанцы подожгли станцию и отступили. Пожар уничтожил не только дома, но и 2000 пудов хлеба — провиант для поляков, работавших на строительстве.

Солдаты преследовали поляков до Мишихи, где у моста через речку Быструю вступили в рукопашную схватку с конными повстанцами. В отряде Рика был молодой поручик Николай Порохов, добровольно присоединившийся к экспедиции в надежде отличиться в боевых действиях. Перед походом он написал в своем дневнике: «Иду против поляков. Интересно было бы вернуться легко раненным». С револьвером он бросился в чашу, где наткнулся на нескольких «пикадоров», выпустил все заряды, убив и ранив несколько человек, но был проколот пикой и умер на месте. Поляки скрылись в лесу и три недели блуждали в дебрях, стремясь пробиться к границе.

В восстании приняли участие несколько сот человек, которые называли себя сибирским легионом вольных поляков. На подавление были посланы войска не только из Иркутска, но и из Селингинска, казачьи отряды из других селений были срочно отправлены в приграничные районы. Уже в первых числах июля с Байкала на двух баржах доставили большую партию повстанцев, среди которых было немало раненых. Их разместили в тюрьме и казармах на Преображенской улице (ныне ул. Тимирязева). Следующая схватка произошла 9 июля, затем 14 июля в урочище Урбантуй. И наконец, 25 июля в долине реки Темник был последний бой.

Расстреляв все боеприпасы, последние повстанцы сдались превосходящим силам казаков. В иркутскую тюрьму привезли свыше 600 поляков, несколько десятков повстанцев погибли в боях.

Иркутяне сочувствовали казненным

Объективно выступление ссыльных повстанцев на Кругобайкальском тракте было изначально обречено на провал. В нем отчетливо проявились черты, типичные для польской общественной среды того времени: разнородность, противоречивость позиций приверженцев какого-либо из двух основных течений — так называемых белых и красных. Наряду с этим всех повстанцев объединяли чувства горячего патриотизма и самопожертвования во имя защиты погрязших свобод и справедливости не только собственного польского отечества, но и всех иных, страдавших под ярмом царского деспотизма. Эти настроения находили емкое отражение в лозунге польского освободительного движения «За вашу и нашу свободу!».

С 29 октября по 9 ноября в Иркутске проходил военно-полевой суд. Семь человек были приговорены к расстрелу, 60 повстанцев осуждены на каторжные работы на 12 лет, 95 избавлены от наказания, остальные отправлены на поселения в отдаленные места Сибири. Командующий войсками утвердил приговор четырем смертникам — Целинскому, Шарамовичу, Рейнеру и Катковскому. Первые двое были признанными вожаками восстания, а Рейнер и Катковский — предводителями отрядов, причем именно они сожгли станицу Лихановскую.

15 ноября 1896 года за Якутской заставой (в Знаменском предместье) Иркутска казнили приговоренных. Сохранились свидетельства очевидцев, присутствовавших на казни. «На месте казни, на площадке, были вкопаны в недалеком расстоянии друг от друга четыре столба, а около них ямы. Место это было окружено войсками, а далее стояла многотысячная толпа. Весь Иркутск собрался смотреть эту казнь, тут был и стар и млад. По Знаменской улице (ул. Баррикад) происходило громадное движение пешеходов и экипажей. Все ждали с сердечным замиранием, скоро ли поведут из тюремного замка приговоренных к смерти. Вдруг народ заволновался —

вдали показалась позорная колесница, в ней стояли осужденные. Встретив колесницу, толпа пошла вслед за ней».

Красавец Шарамович сошел с позорной колесницы первым, и к нему подошел ксендз Шверницкий — сам бывший ссыльный. Ксендз был бледен, и руки его дрожали.

«Отец! — сказал Шарамович. — Вместо того чтобы подкрепить нас словом Божьим и придать нам мужества в последние минуты, ты сам упал духом и нуждаешься в поддержке. Успокойся и молись не за нас, а за будущее Польши. Нам все равно, где погибать за свое отечество — у себя ли дома или в изгнании. Мечта, которая всегда была нашей путеводной звездой, не умрет и после нас. Вот что нас подкрепляет и утешает». Произнеся экспромтом эту речь, Шарамович обнялся с товарищами и пошел к одному из врытых в землю столбов. Когда стали надевать на него саван, он сорвал с головы шапку, швырнул ее вверх и крикнул по-польски: «Еще Польша не погибла!» — первые слова польского национального гимна.

Казнь была произведена утром при большом скоплении народа. Если первые известия о восстании вызвали в Иркутске переполох, а похороны погибшего поручика Порохова превратились в траурную демонстрацию (отпевали несчастного офицера в кафедральном соборе в присутствии генерал-губернатора, громадная толпа сопровождала похоронный кортеж на Иерусалимское кладбище, где Порохову были отданы воинские почести), то суд и казнь, а особенно мужественное поведение приговоренных, поколебали общественное мнение. Через месяц после расстрела из Петербурга прибыл запоздалый ответ на просьбу генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова о смягчении приговора — ему предоставлялось право «поступить по собственному благоусмотрению». Четверо были уже казнены.

Служивший в то время в Иркутске молодой казачий офицер Петр Кропоткин, в будущем знаменитый анархист и крупный ученый, вспоминал, что именно это вос-

стание и его трагический финал привели его к решению оставить военную службу. Между тем поступок горстки храбрых повстанцев не остался незамеченным. О бунте стало известно за границей, казни вызвали сильное волнение в Австрии. Австрийское правительство заступилось за галичан, принимавших участие в революции 1863 года и сосланных тогда в Сибирь, и некоторые из них были возвращены на родину.

Вообще после восстания положение всех ссыльных поляков улучшилось. И этим они обязаны были тем, кто взялся за оружие, тем мужественным людям, которые были расстреляны в Иркутске. Ни в Иркутске, ни в Култуке нет не только памятника польским повстанцам, но даже мемориальной доски.

8. Нравы Соколиного острова

В позапрошлом столетии Сахалин в просторечии называли Соколиным островом, а его вольных и невольных обитателей — соколинцами. У В.Г. Короленко есть рассказ под названием «Соколинец». Самый известный бытописатель Сахалина — Антон Чехов, но был еще один талантливый журналист, сумевший проникнуть в самое сердце каторжного острова. В то время он был не менее популярен, чем его знаменитый коллега. Звали этого журналиста Влас Дорошевич.

Репортер меняет профессию

В 1897 году 33-летний репортер Дорошевич, известный своими скандальными очерками и фельетонами в Москве и в Одессе, успевший побывать в творческих командировках в Европе, США, Китае, Индии и Японии, решил повторить путь Чехова. Вместе с партией каторжан, плывших на пароходе «Владивосток», он прибыл на Сахалин почти нелегально. Главное управление тюрем Российской империи, напуганное общественным резонансом после публикации чеховской книги «Остров Сахалин», отказало Дорошевичу в праве посетить остров.

Репортер решил во что бы то ни стало своими глазами увидеть сахалинскую каторгу и ради этого намеревался в ближайшем приморском городке выдать себя за бродягу. По закону за бродяжничество полагалось полтора года каторжных работ. Проникнув таким образом на каторгу, Дорошевич хотел изучить быт и нравы каторжников, а затем, назвав себя, выйти на свободу.

К счастью, ему не пришлось прибегать к столь рискованному способу добывания материала для своего «Одесского листка». Спасли явления, неискоренимые на Руси — волокита и бюрократизм. Сахалинское начальство не было вовремя осведомлено о запрете тюремного управления и разрешило, хотя и без особой охоты, осмотреть каторгу.

Результатом этой поездки стала книга «Сахалин», которую нередко сравнивают с «Записками из мертвого

дома» Федора Достоевского и книгой Чехова, а автор завоевал репутацию защитника униженных и оскорбленных. После публикации первых очерков бывший сахалинский начальник А. Фельдман подал на Дорошевича в суд, обвиняя его в клевете. Журналист рассказал о зверствах этого тюремщика, которые были свежи в памяти каторжников. Суд длился четыре года, и Дорошевич был оправдан. Единственное, чего добился истец — прекращения публикации в «Одесском листке», издатель которого оказался трусом. Дорошевич уехал в Петербург и стал печатать свою книгу в газете «Россия».

Тюремные «воспитатели»

Смотрителями сахалинских тюрем были в основном ничтожные типы, выслужившиеся из надзирателей и фельдшеров. Они имели над каторжниками бесконтрольную власть и ею, что называется, объедались. В любой момент смотритель имел право назначить до 30 розг или до 10 плетей. Наказания доходили до утонченного издевательства. «Я тебе царь и Бог!» — орет на кандальника ничтожество с нашивками на шинели.

— Что теперь наказания! — говорили смотрители. — Прежде, бывало, выпорют арестанта, и он должен идти смотрителя благодарить: «Благодарю, ваше благородие, за то, что поучили меня, дурака!» Теперь уж этого нет. Распущена каторга! Все гуманности пошли.

Дорошевич красочно описывал смотрителя по прозвищу Железный Нос, который не признавал непоротых арестантов. У него была завидная память. На утренней проверке он высматривал арестанта, который еще не подвергался наказанию, и, если не к чему было придаться, говорил: «Что это ты, братец, стоишь не по форме? Ножку оставил, а? Поди-ка, ложь!» Если арестант начинал артачиться: дескать, за что, ваше благородие? — Железный Нос от этого только во вкус входил: «И-и, голубчик, как нехорошо. Тебе начальник говорит: “ложись!” —

а ты не слушаешься. Еще пяток розог прибавим. Ложись, братан! Палач, дай-ка ему, голубушке, горяченьких, взбрыкни как следует!»

Арестантов он называл «братанами», «братиками», «родненькими», «голубчиками», «милыми людьми», и без «Божьего слова» — никуда. Если арестант вопил от боли, Железный Нос успокаивал: «Ничего, потерпи, родненький! Христос терпел и нам велел». Опытные арестанты ложились на скамью, называемую «кобылой», без пререканий, зная, что каждое слово будет только прибавка, а зритель умилялся: «Душа радуется! Братики меня с одного слова понимают. Живем душа в душу с миленькими!»

Встречал Дорошевич и другого зрителя, из бывших фельдшеров, который заведовал страшной на Сахалине Воеводской тюрьмой. Этот по утрам приветствовал арестантов: «Здорово, мерзавцы! Здорово, варнаки!» В ответ каторжники хохотали, видели, что зритель нынче веселый. Если же он был не в духе и не называл их мерзавцами, то все трепетали. Самодур приказывал принести не только розги, но и лопаты и велел кандалникам рыть себе могилу.

«В ужасе надо каторгу держать! — говорил он. — Сказано в Писании: страх спасителен».

Зритель Корсаковской тюрьмы, напиваясь, кричал: «Доктора — вот бельмо на глазу! Гуманность разводят. Я — разгильдеевец! Разгильдеевские времена на Каре помню! Я прирожденный тюремщик. Мой отец смотрителем тюрьмы был, и сам я под нарами вырос. Мы не баре, чтоб гуманности разводять!» Этот потомственный тюремный пес вспоминал зрителя карийской каторги Разгильдеева, при котором за один год погибло свыше тысячи арестантов.

Правда, на старых каторжников порки не действовали. Иной за свою жизнь 3000 розог получал, хоть каждый день дери.

Экзамен на Ивана

Каждое утро на сахалинской каторге начиналось с порки. Посреди двора ставили «кобылу», и надзиратель выкликал фамилии приговоренных к наказанию. Палач наказывал провинившегося, а каторга смотрела и... смеялась: «Ишь, баба! Заверещал, как поросенок! Не любишь?»

Иногда каторга экзаменовала своих товарищей, стремившихся попасть в Иваны — каторжные авторитеты. На «кобылу» клали строптивного арестанта, клявшегося, что он ни за что не покорится начальству, и каторга с интересом ждала, как соискатель почтенного звания будет вести себя под розгами. Он лежал на «кобыле», стиснув зубы и до крови закусив губу. Только дико вращавшиеся глаза да надувшиеся на шее жилы говорили, чего стоило его молчание перед лицом всей каторги. Палач бил реже, клал розгу крепче, и несчастный издавал невольный крик или стон. Каторга отвечала взрывом хохота: «Не выдержал, срезался!» Смотритель чувствовал себя победителем: «Сломал!»

Иногда кандалные наблюдали за поркой, как за театральным представлением. Какой-нибудь «жиган», продувшийся в карты, вынужден был питаться крохами с арестантского стола и разыгрывал за это роль шута. «Смотрите, братцы, какие я завтра курбеты буду выкидывать, как меня драть будут, — похвалялся он. — Приставление!».

И каторга ждала этого «приставления». «Жиган» падал перед зрителем на колени, просил пощадить его, сироту, ради деточек малых, хотя детей у него никогда и не было. Клоун вопил, когда плач только замахивался, и подбирал самые «смешные» восклицания: «Ой, бабушка моя милая! Родители мои новопреставленные!» Так он расплачивался перед каторгой, доставляя ей «довольствие». После наказания «жиган» подходил к своим и получал одобрение: «Повко!»

В нарушение закона смотрители приказывали дать арестанту не 30, а 50 и даже 80 плетей, что было равносильно смертному приговору. Разумеется, ни сам смотритель, ни палач не несли за это никакой ответственности.

Каторжное сопротивление

На Сахалине каторжники обязаны были работать от 7 до 11 часов в сутки в зависимости от времени года, но это правило никогда не соблюдалось. Когда в порты приходили пароходы Добровольного фронта, арестанты вкалывали до тех пор, пока не перетаскивали весь груз. Они превращались в крепостных господ капитанов, работая с 5 часов утра до 11 часов вечера.

Каторжане часто поднимали бунты, которые подавлялись с большой жестокостью. Дорошевич посетил Рыковскую тюрьму, в которой сидели участники бунта. Они отказывались работать, и их несколько недель держали «на параше», то есть взаперти. На вопрос «Почему не идете на работу?» тюрьма отвечала ревом: «И не пойдем! Пускай всех переморят!»

Когда партию ведут под конвоем, арестанты издеваются над солдатами, как только могут — рассказывают анекдоты про солдатскую глупость, тупость, хохочут над внешностью конвоиров, да еще приговаривают: «А ты слушай!» Замолкнет на минуту один шутник, тут же подключается другой: «Какие, братцы вы мои, эти самые солдаты — дурни, уму непостижимо!». И опять все сначала.

На Александровском посту служил лакеем бывший конвойный Николай, убивший арестанта и сам осужденный на каторгу. «Прежде конвойным был, а теперь, слава Богу, в каторгу попал, — рассказывал он. — Работы те же самые, так же бревна таскаем. Да еще за ними, за чертями, смотри. Всякий тебе норовит подлость сделать, издевку какую учинить. Того и гляди, влетишь за них. Гляди в оба, чтобы не убежал, да поглядывай, что-

бы самого не убили. Нет, в каторге оно поспокойней. Тут смотреть не за кем. За мной пусть смотрят!»

Каторжные совершали побеги даже с Соколиного острова, так что песня «Бежал бродяга с Сахалина» основана на реальных событиях. В рассказе «Сахалинец» В.Г. Короленко правдиво описал историю беглого каторжника Василия, который с дюжиной товарищей убил семерых конвойных и переправился на материк, где нашел пристанище в Якутии. Конечно, большинство побегов заканчивались поимкой или убийством арестантов.

Срок за побеги прибавлялся в арифметической прогрессии. Были каторжники, которым предстояло отбыть 70 лет и более. Часто человек, попавший на остров на шесть лет, наживал себе 40. Бежали даже из лазарета, почти умирающие. Сквозь непроходимую тайгу пробирался не человек, а полутруп с ужасом в гаснущем взоре.

Наследники Гиппократ

Единственной надеждой каторжников были доктора. Дорошевич приводит характерный диалог между тюремным эскулапом и арестантом, приговоренным к порке. Врач, узнав, что несчастному полагается 80 плетей, пытается его спасти:

— Ты здоров?

— Так точно, здоров, ваше высокоблагородие.

— Гм... Может, у тебя сердце болит?

— Никак нет, николи не болит.

Доктор со злостью бросил свой молоточек на стол.

— Кашель хоть у тебя бывает иногда?

— Никак нет, ваше высокоблагородие. Кашля у меня никогда не бывает.

Доктор взбешен. Он садится и пишет «порок сердца».

— От телесного наказания освобожден. Ступай! В пот меня вогнал, анафема! «Здоров!». Дьявол! А что поделаешь? 80 плетей! Ведь это же смертная казнь! Разве можно? Если б они видели, к чему приговаривают!

Правы Соколиного острова

Благодаря репортеру история Сахалина сохранила имена докторов Лобаса и Чердынцева, спасших жизнь не одной сотне арестантов. Среди палачей тоже попадались любопытные фигуры. Когда Дорошевич сообщил палачу Комлеву, лично повесившему 13 человек, что скоро телесные наказания отменят, тот сказал: «Дай-то Бог... Скорей бы все это кончилось!» — и перекрестился.

9. В начале было слово

Зимой 1895 года тройка запряженных в возок лошадей увозила из Иркутска высокого густобородого старика. Когда-то он, московский студент, написал прокламацию, которая вызвала переполох во всей империи и стала известна за рубежом. С тех пор минуло 33 года. Наконец закончился последний срок. Звали старика Петр Заичневский, и было ему от роду 54 года.

Молодая Россия

Петр Заичневский, начитавшись Луи-Блана, Леру, Прудона, Лассаля, Герцена и других социалистов, уже в 17 лет был убежденным «карбонарием». Поступил в университет, где на юридическом факультете верховодил красавец Перикл Агриропуло, племянник греческого посланника. Был он старше Петра лет на пять, но единомышленники сошлись быстро.

Все началось весной 1861 года, после расстрела крестьянского выступления в селе Бездна. В Казани бакалавр Афанасий Шапов произнес речь на панихиде по жертвам трагедии и был сослан в Иркутскую губернию. А год спустя в Москве за организацию студенческой манифестации были арестованы несколько человек. Среди них оказались Агриропуло и Заичневский.

Обоих приговорили к каторге. Грек умер в тюремном лазарете, а Заичневский в камере написал прокламацию «Молодая Россия». «Императорская партия! — обращался 20-летний студент. — Своею кровью заплатят Романовы за бедствия народа, за долгий деспотизм. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых! Мы требуем, чтобы кроме Национального собрания из выборных всей земли Русской были и другие областные собрания».

Позже, в Иркутске, Заичневский встретил сепаратистов, областников, которые таили юношескую мечту о Сибирской федерации, заплатились за это тюрьмой и ссылкой, но помнили о мечте, как помнят всю жизнь безвременно погибшую невесту. Преданность Сибири

сделала их великими знатоками: зоологами, химиками, землепроходцами, этнографами, экономистами, металлургами. Их имена золотились на корешках научных фолиантов. Петр Заичневский был централистом, но уважал и ценил этих людей.

«Мы твердо убеждены, что революционная партия должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка, если они останутся живы. Мы издадим крик: “В топоры”, — и тогда бей императорскую партию не жалея! Помни, кто будет не с нами, тот против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами. Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!» В конце стояла подпись: «Центральный революционный комитет».

Прокламация разлетелась по Петербургу и далеко за его пределами. Одни восхищались, другие возмущались. Молодой писатель Лесков опубликовал в «Северной пчеле» фельетон, в котором намекнул, что автором прокламации является Чернышевский, но Николай Гаврилович тут же открестился от авторства.

Через три дня после появления зажигательной прокламации столица Российской империи вспыхнула не словесным, а самым настоящим пламенем. Горели Охта и Садовая, Шукин и Апраксин дворы, полыхало Министерство внутренних дел. В поджогах обвинили студентов-социалистов.

Спустя год, в 1863 году, недоучившийся студент, а ныне политический преступник Заичневский впервые попал в Сибирь.

Усольская каторга

Варничный остров тянется вдоль Усоляя, отрезанный мелкой водицей. С другой стороны глубокая ангарская

протока отделяет его от Спасского острова. На Варничном стоят каменные варницы, печи с котлами, в которых испаряющийся рассол оставляет белую, как снег, соль. Островок этот и есть каторга.

Напарником Заичневского оказался разжалованный подпоручик Ярослав Усачев, приговоренный военным судом к расстрелу за чтение солдатам прокламации «Молодая Россия». Казнь заменили каторгой. Усачев тоже считал, что автором воззвания был Чернышевский.

Заичневский недолго варил соль.

Управитель солеваренного завода Герасим Некрасов в нарушение циркуляра взял каторжника в заводскую контору. Несколько месяцев Петр провел в Александровском центре, но режим там был настолько либеральный, что каторжник часто отлучался в Иркутск.

Когда в Усолье на короткое время привезли Чернышевского, мнимый и настоящий авторы прокламации встретились, но к согласию так и не пришли. Властитель дум шарахался от радикализма «младороссов» и предпочитал лить не кровь, а чернила. Заичневского вскоре отправили на поселение в Витимскую волость Киренского округа, где он прожил более трех лет. Наконец в 1869 году ему разрешили вернуться в Европейскую Россию.

Закончился его первый — шестилетний — сибирский этап. Перед отъездом Петр навестил Щапова. Бакалавр, отслуживший панихиду по вождю восстания в Бездне Антону Петрову, погибал. Большой, изломанный, он существовал не плотью, а высоким духом и сгорал огнем, который не способен выдержать человек.

Жизнь под надзором

Петр Заичневский 20 лет жил под надзором в Пензе, Орле, Костроме, затем снова в Орле, и всюду возле старого якобинца спланировалась радикальная молодежь. Он создавал кружки так называемых централистов, видя в них костяк будущей революционной партии, и его ученики,

повзрослев, уходили в «Народную волю». Народовольцы, по сути, взяли на вооружение идеи Заичневского. Они сформировали жесткую, строго законспирированную организацию, во главе которой стоял исполнительный комитет, и начали охоту на царя.

В Пензе Петр жил на квартире статского советника Мигунова, отца двоих сыновей и дочери Ольги. Оказалось, что они составляли подпольный кружок. Молодые люди читали Бакунина, Лаврова, Берви-Флеровского и, вдохновленные их проповедью, «пошли в народ». Юношей вскоре схватили и упрятали в тюрьму, а Ольга приехала к Заичневскому в городок Повенец и стала его гражданской женой. Их брак длился недолго — Ольгу сослали в Иркутск, больше они не увиделись.

Заичневский держал связь со смоленскими, курскими, орловскими, московскими кружками, где были гектографы, типографии, бомбовые мастерские. Уже прозвучали выстрелы Каракозова, Березовского, Соловьева, прогремел взрыв на Московско-Курской железной дороге, и поезд с государевой свитой сошел с рельсов. Краснодеревщик Степан Халтурин взорвал царскую столовую в Зимнем дворце, но самодержец остался невредим.

1 марта 1881 года Александр II был убит. Патриархальный Орел был усыпан листовками, и жандармам не пришлось тратить усилия на поиски автора. После царевбийства по всей стране прокатились аресты, «Народная воля» была обескровлена. В Бутырской тюрьме, перед ссылкой в Иркутск, Заичневский читал товарищам лекции о разделении труда, мануфактурах, пролетариате. Он жалел молодых, кладущих свои жизни на алтарь террора, и все с большим вниманием присматривался к первым рабочим кружкам.

Вторично Заичневский оказался в Иркутске в 1890 году, когда ему исполнилось 48 лет.

Это был уже другой город — прежний сгорел дотла в 1872 году. В том страшном пламени, словно повторив-

шем пожар в Петербурге, погибла его невенчанная жена Ольга Мигунова. Он всю жизнь призывал к огню, и огонь отнял у него самого дорогого человека.

Последняя ссылка

Петр Григорьевич поселился на Пестеревской улице и получил место приказчика в торговом доме А.И. Громовой. Миллионное дело купчихи было знаменито тем, что давало пропитание политическим ссыльным. Громова хоть и являлась дамой верноподданной, но считала самодержавие препятствием для развития торговли и промышленности, даже запрещенные брошюры почитывала. В 1891 году Иркутск посетил наследник престола Николай Александрович. Город ликовал. Анна Громова была представлена цесаревичу, но, вернувшись из губернаторского дома, сказала: «Жидковат ваш выюноша!»

Заичневский сотрудничал в газете «Восточное обозрение», редактором которой был ссыльный народовец Иван Попов, а авторами — многие политические. Большую колонию ссыльных, неоднородную по составу, объединяла только судьба. Попов в своей книге «Забывтые иркутские страницы» с подзаголовком «Записки редактора» вспоминал, как в город приехал Леонид Красин — «первая ласточка социал-демократической весны в Иркутске». «Особенно частые и горячие споры бывали у него с якобинцем Заичневским», — пишет Попов. Интересно, почему старый народник и будущий большевик стали оппонентами? Заичневский вообще недолюбливал «марксидов», и они платили ему той же монетой.

Старый якобинец прожил в Иркутске пять лет и в 1895 году получил разрешение вернуться в Россию. Он прожил недолго и умер в Смоленске через несколько месяцев после отъезда из Сибири. Проще простого сказать, что 20-летний автор «Молодой России» заблуждался, ошибался, чего-то не понимал и был не прав. Эта прокламация стала главным делом его жизни, восклицательным

Анархия в Сибири

знаком его бытия, но после нее он прожил еще 34 года и остался верен идеалам молодости и своему слову. Меняющие свои убеждения, как дырявые носки, никогда не поймут подвига этого человека.

10. Сибириада Михаила Бакунина

Ранней весной 1857 года из каземата Шлиссельбургской крепости вывели высокого человека богатырского телосложения, бородатого, с львиной гривой уже изрядно поседевших волос. За его спиной были восстания в Париже, Праге и Дрездене, два смертных приговора и восемь лет, проведенных в австрийских и российских тюрьмах. Теперь царь Александр II повелел сослать его в Сибирь навечно. Местом ссылки Михаилу Бакунину определили город Томск. Узнику было 43 года, но годы тюрьмы его не успокоили. Вскоре он отправил в Лондон письмо к Герцену и Огареву: «Я жив, я здоров, я крепок, я счастлив, я вас люблю и вам, как равно и себе, остаюсь неизменно верен».

«Саксонский король» из Шлиссельбурга

Сибирский период жизни Бакунина мало изучен и более всего загадочен. Большинство историков считает, что после многолетнего заточения ветеран европейской революции решил отдохнуть, восстановить силы, устроить свою личную жизнь и подготовиться к побегу за границу. Между тем последние исследования доказывают, что уже с 1857 года великий бунтарь разрабатывал план вооруженного восстания в Сибири, и именно здесь сформировались основы его народническо-анархистской идеологии. Здесь он впервые узнал будничную жизнь русской провинции. «В продолжение тридцати лет я прожил всего четыре года, от 1857 до 1861, на свободе в России, то есть в Сибири, — писал он, уже находясь вдали от родины. — Это дало мне возможность ближе познакомиться с русским народом, с мужиками, с мещанами и с купечеством, и то специально сибирским».

Уже на следующий день после выхода из Шлиссельбурга Бакунин заочно познакомился с недавно возвратившимся из Сибири декабристом Иваном Пушным — лицейским другом Пушкина. Пущин передал ему свое благословение и рекомендации для сибирских

политссылных. «По правде это наше дело, — считал Пущин, — мы, старожилы сибирские, должны новых конкриптов сколько-нибудь опекать, беда только в том, что не всех выдают». Старый декабрист дал Бакунину немало ценных советов. В конце марта 1857 года Бакунина привезли в Омск, через который ехали тогда освобожденные из ссылки декабристы и петрашевцы. Героя Дрезденского восстания публика называла «саксонским королем», с ним даже пожелал встретиться начальник края генерал Гасфорт. Вчерашний узник, по свидетельству очевидца, держался «с достоинством, беспримерным в зале генерал-губернаторского дворца». Приехав в Томск, Бакунин сошелся с декабристом Г.С. Батеньковым, который передал ему свою библиотеку с наказом поступить так же — или подарить книги какому-нибудь сибирскому общественному учреждению, или продать какому-нибудь сибирскому жителю. Батеньков был единственным сибиряком среди декабристов и понимал разницу между своей родиной и Российской империей.

План Черносвитова

Из петрашевцев Бакунин сблизился с Толлем, который рассказал ему о плане восстания в Сибири, предлагавшимся в 1848 году Р.А. Черносвитовым — единственным сибиряком среди петрашевцев. Личность Черносвитова до сих пор представляет собой загадку. Он предполагал, что «бунт мог бы начаться с Нерчинских заводов, потом на Алтае и на Урале и, наконец, в России, в Петербурге». Горные рабочие и приписные крестьяне Алтайского и Нерчинского округов, по его мнению, «всегда готовы подняться». План основывался на том, что «местные восстания, начиная с самых отдаленных мест государства, заставят удалить войска из центра. Сначала надо, чтобы вспыхнуло возмущение в Восточной Сибири, тогда пошлют корпус. Едва он перейдет Урал, как встанет Урал, и посланный корпус весь в Сибири останется,

а с 400 тысячами заводских можно кинуться на низовые губернии и на землю донских казаков. На потушение этого потребуются все войска, а если к этому будет восстание в Петербурге и Москве, так и все кончено». Бакунин решил воплотить в жизнь план Черносвитова и взялся за работу. Он тоже считал, что будущая революция должна разгореться на окраине империи и что Сибирь — самый подходящий район для начала освободительного похода в центр страны.

В Томской губернии жили тысячи мастеровых и приписных крестьян Алтайских горных заводов. Бакунин первый развеял миф о том, что в Сибири крепостного права не было. «Это крепостные, — писал он, — в десять раз более угнетенные и несчастные, чем самые бедные помещичьи крестьяне. Они платят подати и несут все прочие повинности, рекруты их поступают не в солдаты, а на 25-летнюю каторжную работу в серебряных рудниках. Они несут барщину, и какую еще барщину! Во всякое время, во время работ, в распутицу они должны по приказанию, по чистому произволу горного начальства возить лес, дрова, уголь, руду за 100, за 200, иногда за 300 верст. Они обязаны продавать свой хлеб исключительно на заводы отнюдь не дороже 28 копеек за пуд ржаной муки».

Таких крепостных на Алтае было 130 тысяч человек. Доведенные до предела угнетением и произволом, горнорабочие не останавливались даже перед убийством наиболее ненавистных представителей горного начальства. Но наиболее распространенной формой протеста были массовые побегии. В 1857 году в бегах находилось 282 человека, в 1858 — уже 389. Многие убегали по шесть-семь раз, невзирая на жестокие наказания.

Вольные каменщики

С традицией побегов связано радикальное крыло сибирского старообрядчества — бегунство (странничество). Алтай тогда являлся «старообрядческой Меккой». Бе-

гуны были убеждены, что «всякая власть — от дьявола» и что «истинные христиане для спасения своей души должны на брань вступить против антихриста».

Будущего теоретика анархизма восхищало наличие у бегунов превосходно организованной системы конспиративных связей и так называемых «пристаней» — тайных мест, где бегуны могли скрываться от преследований. Бегуны не желали работать ни на помещика, ни на государство, отказывались служить в армии, платить подати, иметь паспорта и вели активную антицаристскую пропаганду. Бакунин называл их «бездомной, странствующей церковью свободы». Религиозные бунтари создавали на Алтайских горах вольные земледельческие и торгово-промышленные поселения, куда и бежали крепостные крестьяне, недовольные службой казаки, горнорабочие и каторжане. Весь этот люд сложился в общество «каменщиков» или «горцев» со своими особыми порядками и неписаными, но строго исполняющимися законами. Житейские конфликты разбирались «лучшими людьми» общины, которых избирали на мирском сходе. Суд «каменщиков» был по-настоящему народным, скорым и справедливым. Приговор сводился к битью палками либо плетью — по важности проступка. В особых случаях применялась исключительная мера наказания. Так, однажды неисправимого вора, неоднократно битого ранее за кражу имущества у членов общины, посадили на бревенчатый плот, ноги заколотили в две выдолбленные дыры, дали немного пищи, а также шест, которым он мог управлять плотом, и пустили вниз по реке Белой с тем, «что если де может выплыть, то и счастлив, а если потонет, того будет достоин». Община «каменщиков» просуществовала около 30 лет. Связанные одной участью, жители этой «республики русского духа» успешно решили проблему самоуправления, создали некое братство, несмотря на различные верования. Они были надежными товарищами, во всем помогали друг

другу, особенно неимущим, — припасами, семенами, сельскохозяйственными орудиями, одеждой. В 1791 году «каменщики» обратились к Екатерине II с просьбой о прощении из-за «анархии» в своем обществе и о возвращении в российское подданство. Императрица приняла условия «каменщиков» — они вступали в подданство на льготных правах инородцев с уплатой ясака, не были приписаны к заводам и сохраняли относительную независимость от местной администрации.

Сведения об «Алтайской Руси» Бакунин почерпнул у Григория Потанина, который побывал в Алтайских горах незадолго до их встречи. Неудивительно, что важнейшую роль в будущей революции он уделял религиозным бунтовщикам. В Томске же Бакунин встретился и с большой группой ссыльных поляков, в том числе с ныне канонизированным католической церковью Кастусем Калиновским и с соратником декабриста Лунина Петром Высоцким. У поляков тоже не раз возникали мысли о восстании в Сибири. Они хотели «путем восстания в Сибири и отделения ее от России избавиться от изгнания и помочь освобождению Польши и даже самой России». Бакунин тоже считал, что «мы должны для нашего обоюдного спасения помириться, побратоваться», что национально-освободительное движение в Польше отвлечет большую часть царских войск, и тогда можно будет поднять восточные губернии России, откуда новая пугачевщина распространится на всю территорию страны.

В Томске 44-летний Бакунин женился на 17-летней Антонии Квятковской, которой давал уроки французского языка. Посаженым отцом на свадьбе был родственник Бакунина по матери, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, прозванный Амурским за присоединение к империи огромного края. Семья Квятковских впоследствии играла заметную роль в революционном движении. Двоюродные братья бакунинской жены Александр и Тимофей стали активными членами партии «На-

родная Воля», причем Александр входил в Исполнительный Комитет, был соратником Желябова и Перовской и в 1879 году был казнен за террористические акты. Братья с детства помнили Батенькова и Бакунина, которые были частыми гостями в их доме, и их вдохновлял факт близкого родства с «апостолом разрушения», которым они гордились и которому стремились подражать.

«Бакунинская партия»

Тогда же Бакунин сблизился с кружком сибирской молодежи, позднее названным «областниками». Прежде всего он познакомился с будущим лидером «областников» Григорием Потаниным — офицером Сибирского казачьего войска, и даже помог ему деньгами и рекомендациями, чтобы тот мог уехать в Петербург и поступить в университет. «Областники» стремились освободить Сибирь от колониальной зависимости со стороны России. Идея эта была столь популярна, что в широких кругах говорили о том, будто даже губернатор Муравьев-Амурский скоро «объявит себя независимым».

Но Бакунин отнюдь не разделял стремления «областников». Он считал, что революция несомненно должна разрушить централизованную империю для того, чтобы на ее месте воссоздать союз народов России на основе самоопределения и самоуправления. «Автономия провинций, — писал он, — будет только административная, юридическая, а не политическая. Если ту или иную провинцию оставить в ее капризном уединении, то побуждаемая логикой вещей, своими интересами, своими материальными, интеллектуальными, политическими и социальными потребностями, она сама и очень скоро вернется в союз». Вместо создания независимой Сибири Бакунин мечтал о славянском единстве, основанном на федерализме. А пока для осуществления своего плана — восстания в Сибири — он добился перевода в Иркутск, куда выехал с женой и ее родителями в марте 1859 года.

К тому времени в Сибири уже сложилась целая «бакунинская партия». На Нерчинских горных заводах, в госучреждениях, в редакциях газет — всюду работали его друзья и единомышленники. Редактором «Иркутских губернских ведомостей» стал его сторонник Модест Масловский, «Енисейские губернские ведомости» редактировал его друг И.А. Богданов, единомышленниками Бакунина были редактор газеты «Амур» М. В. Загоскин и редактор «Томских губернских ведомостей» Д.Л. Кузнецов. В Иркутске Бакунин сразу обратил внимание на кружок, группировавшийся в библиотеке М.П. Шестунова и пользовавшийся репутацией «якобинского клуба». Его завсегдаями были А.А. Белоголовый, М.В. Петрашевский, Ф.Н. Львов, Н.Н. Пестерев. Он предложил им создать тайное общество, но иркутские «демократы» оказались к этому не готовы. К борьбе против царизма этот кружок никогда не стремился, ограничиваясь надеждами на предоставление сверху монопольного права на «самоуправление» купеческой верхушке Иркутска. Это понимали представители другой общественной группировки города — областник С.С. Шашков и историк А.П. Щапов, с которыми Бакунин не успел познакомиться, так как они прибыли в Иркутск позже. Они были подлинными демократами, и жаль, что их пути не пресекались с бакунинским. «Первый социалист России» Михаил Петрашевский тоже оказался человеком, любящим «проливать не кровь, а чернила», помешанным на легальной работе по усовершенствованию российского законодательства. Гораздо ближе Бакунин сошелся с петрашевцем Николаем Спешневым, о котором слышал еще за границей. Вместе они обсуждали возможность создания Сибирских Соединенных Штатов.

В первых числах июня 1859 года Бакунин, получивший возможность свободно передвигаться по огромному краю, отправился в долгую поездку по Забайкалью. Там он встречался с декабристами Михаилом Бестужевым, Михаилом Кюхельбекером, Николаем Басаргиным

и Владимиром Раевским, которые остались в Сибири после амнистии. Они, по крайней мере Бестужев, сочувствовали его планам. Бестужев утверждал, что власти опасались общего бунта всей Сибири. Другие декабристы тоже считали восстание вполне осуществимым.

Предательство

Нерчинский горный округ был таким же взрывоопасным, как и Алтайский. Здесь тоже была жестокая эксплуатация и столь же сильно было влияние старообрядцев. За полгода своего пребывания в Забайкалье Бакунин расширил круг своих сторонников из числа разночинской молодежи, политических ссыльных (в основном поляков) и молодых кяхтинских купцов. Именно кяхтинский купец В.Н. Сабашников вскоре субсидировал и обеспечил документальным прикрытием побег Бакунина из Сибири. Через Кяхту была налажена транспортировка в Россию «Колокола» и «Полярной Звезды» из Лондона. Кяхтинские купцы перечисляли деньги Герцену и Огареву на нужды Вольной Русской типографии.

События приобрели неожиданный поворот. В конце декабря 1859 года в Иркутске появился политссыльный А. Розенталь, с которым Бакунин встречался еще в Томске. Он знал, что «гениальный сумасброд действительно подготавливает революцию и сильно действует на умы молодежи, неопытной и горячей», и прибыл в Иркутск, чтобы «остановить пожар». Розенталь явился в Иркутское жандармское управление. Далее провокатор передал письмо генерал-губернатору, призывая «остановить сумасбродство Бакунина» и предостерегая о его последствиях. Это наделало большой переполох в Иркутске, многие испугались и отошли от Бакунина, дело стало расклеиваться. Бакунин был вынужден свернуть пропагандистскую деятельность.

Но перспектива тихого гниения в Сибири не устраивала великого бунтаря. Крушение его замыслов и измене-

ние общей ситуации в стране, поворот царского правительства к реакции подтолкнули Бакунина к побегу, который он и осуществил летом 1861 года. Его побегу содействовали многие, в том числе новый генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, именем которого назван город на Сахалине. Об этом знаменитом побеге через три части света написано достаточно много, и повторяться незачем.

«Сибирь — благословенный край, — с воодушевлением писал Бакунин в эмиграции, — хранящий в себе богатства неиссякаемые, необъятные, свежие силы, великую будущность и представляющий ныне для умственных, равно как и для материальных интересов предмет неистощимый».

Еще есть надежда, что эти слова апостола Анархии сбудутся.

**11. Сибирские
похождения князя
Кропоткина**

Товарищи по революционному кружку шутили, что у него — потомка Рюрика в тридцатом колене — больше прав на российский престол, чем у династии Романовых, однако еще в Пажеском корпусе он упорно отказывался ставить перед своей фамилией титул «князь». Окончив корпус первым выпускником, он, вместо того чтобы остаться в гвардии, записывается в Амурское казачье войско и уезжает в Сибирь.

Аристократ в Сибири

«Пять лет, проведенных мною в Сибири, были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера, — писал Петр Кропоткин. — Я приходил в соприкосновение с различного рода людьми, с самыми лучшими и самыми худшими, с теми, которые стоят на вершине общественной лестницы, и с теми, кто прозябает и копошится на последних ее ступенях: с бродягами и так называемыми неисправимыми преступниками... Что за дивная, богатая страна Сибирь, я еще еду не самым югом. Что же на юге, если и здесь так богато! Вот где со временем образуется самостоятельное государство, кто знает, может быть на новых началах. Богатейшая страна...»

Он прибыл в Иркутск в сентябре 1862 года, когда «перестройка», объявленная Александром II, в России уже заканчивалась — царь топил в крови крестьянские бунты, расстреливал демократически настроенных офицеров, а в следующем году уже давил восстания в Польше и Литве. Именно поэтому молодой офицер не захотел остаться в столице. Он надеялся, что в провинции ему больше удастся сделать для осуществления реформ, столь необходимых России.

«Стоит побыть в Иркутске два-три дня, чтобы убедиться, что этот город не похож на любой из великорусских губернских городов. Иркутск — столица самостоятельной части Восточной Сибири, которая в высшей степени

своеобразна: своеобразность страны должна была, конечно, обозначиться и на столице».

В своих мемуарах Кропоткин отмечал, что в то время высшая сибирская администрация была «гораздо более просвещенной и, в общем, гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России».

Кропоткина назначили чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Корсакове, который заявил, что очень рад видеть возле себя людей либерального образа мыслей. Губернатор думал, что молодой аристократ сослан в Иркутск за какую-нибудь провинность. Кропоткин стал секретарем двух комитетов — реформы тюрем и системы ссылки и выработки проекта городского самоуправления. Было ему всего 20 лет.

Вскоре он отмечает в Иркутске присутствие многих молодых деятельных людей, жизнь которых придает обществу особый колорит, не забывает о влиянии, оказанном на Восточную Сибирь политическими ссыльными. К темным сторонам сибирской жизни Кропоткин относит «класс загулявшего военного люда, который, к сожалению, довольно многочислен... Попав в эту маленькую столицу, эти люди начинают пить и под конец обращаются в героев гостиниц, бильярда, карт и водки. В другом месте они безвредно коптели бы небо, а тут безлюдье и одиночество заставляет их выкидывать разные штуки».

В Иркутске существовало тогда две библиотеки: казенная и частная. Казенная приходила в упадок — подписчиков почти не было, книги растеряны, средства исчерпаны. Совсем другое впечатление производила частная библиотека местного литератора М.П. Шестунова. «Браво, Иркутск! Какая здесь публичная библиотека!» — восклицает Кропоткин. Библиотека Шестунова представляла своего рода клуб: здесь не только читали, но и оживленно спорили по поводу прочитанного. Многие редакции безвозмездно присылали сюда экземпляры журналов, кроме того, фонд пополнялся частными лицами. «И с этой

стороны Иркутск опередил многие города в России», — с удовлетворением отмечает Кропоткин. К сожалению, эти слова трудно применить к нашему времени.

Он с увлечением принялся за работу, вскоре увлекся географическими экспедициями. Близко познакомился с Читой, с Байкалом, с бурятской степью, с забайкальскими реками Шилкой и Ингодой, с городами и селениями, с Качугом, Кабанском, Верхнеудинском... Совершил путешествия по Амуру, через Большой Хинган и Сунгари проник в Маньчжурию, исследовал Саяны и Патомское нагорье. По заданию Сибирского отдела географического общества Кропоткин взялся найти кратчайший путь с Ленских приисков в Забайкалье. За годы исследований он проделал более 70 тысяч верст на перекладных, на пароходах, на лодках, и, главным образом, верхом. Именно в Сибири зародилась его ледниковая теория, разработку которой он закончил в Петропавловской крепости. Именно в Сибири начали формироваться его философские и политические воззрения.

«Воспитанный в помещицкой семье, я вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в сношения с людьми, я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания. В Сибири я утратил всякую веру в государственную дисциплину: я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом».

Тюрьма и чужбина

Последующие пять лет своей жизни Петр Алексеевич Кропоткин посвятил науке. Учился в университете, стал секретарем Русского Географического общества, но чистая наука перестала его удовлетворять, и в 1872 году 30-летний ученый едет в Швейцарию для знакомства с деятельностью Международного Товарищества Рабочих.

Интернационал переживал в ту пору сложный период. Юрская федерация восстала против Генерального Совета, стремившегося сосредоточить руководство мировым революционным движением в своих руках, то есть в руках Маркса и Энгельса. Признанным идеологом Юрской федерации был знаменитый революционер Михаил Бакунин, за год до приезда Кропоткина бежавший из Иркутска после девяти лет тюрьмы и четырех лет ссылки. История распорядилась так, что два великих анархиста так ни разу и не встретились, хотя пути их неоднократно могли пересечься. Во время приезда Кропоткина в Швейцарию Бакунин жил в Италии, а когда через четыре года Петр Алексеевич бежал из тюрьмы и вновь появился за границей, Бакунин уже умер. Зато в первый свой приезд в Швейцарию Кропоткин познакомился с участниками Парижской Коммуны и ближайшими соратниками Бакунина, после чего решил отдать свою жизнь делу освобождения трудящихся. «Они борются, — думал он, — мы им нужны, наши знания, наши силы им необходимы — я буду с ними!»

Вернувшись в Россию, он быстро вошел в дружную семью чистых и нравственно выдающихся людей, вошедших в историю под названием кружка «чайковцев». Среди них были Софья Перовская, Сергей Кравчинский, Дмитрий Клеменц, Марк Натансон. Одних ждал эшафот, других — ссылки, тюрьмы, каторга. Не минула чаша сия и Кропоткина. Весной 1874 года князь Кропоткин попал в Трубевцкой бастион, где провел два года. «Мои мысли останавливались на Бакунине, который, хотя и прожил шесть лет в Алексеевском рavelине, однако вышел из тюрьмы более энергичным, чем многие его товарищи, которые все это время пробыли на свободе. Он выжил все это, — говорил я самому себе, так и я не поддамся тюрьме».

На исходе второго года заключения Кропоткин дерзко бежал из тюремного госпиталя и вновь оказался за границей, на сей раз на целых 40 лет. Были и участие

в европейском рабочем движении, и научные изыскания в области истории, географии и социологии, и три года заключения во французской тюрьме. Автор романа «Овод» Э.Л. Войнич считала его, Кропоткина, и итальянского анархиста Энрико Малатеста «двумя единственно действительно святыми людьми», которых она знала. Так думала не только она. Английский писатель Оскар Уайльд называл Кропоткина «белым Христом из России», что крайне смущало самого Петра Алексеевича.

Гуманизм Кропоткина был неразрывно связан с его восприятием мира, природы, с его идеалами анархии. Власть, насилие присутствуют и в общественном хаосе, и в насильственных беспорядках, и в банде грабителей. Анархия пробивает себе дорогу лишь там, где отступает власть человека над человеком, и означает лишь одно: свобода человека не должна ущемлять свободы других людей. Зачатки анархии — во всяком творчестве, в самоуправлении. Кропоткин сформулировал свой биосоциологический закон взаимной помощи, основанный на учении Дарвина и гласивший, что жизнь основана на взаимной поддержке, а борьба плодотворна лишь тогда, когда разрушает старые, отжившие формы и утверждает новые, основанные на принципах солидарности, справедливости и свободы. Идеал анархии действительно опасен. Он опасен для любой элиты, которая пытается сохранить себя с помощью лжи и насилия. Основой же систематического насилия является государственная власть.

«Анархия ведет свое происхождение не от какого-нибудь научного открытия и не от какой-нибудь системы философии... Анархизм родился среди народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу до тех пор, пока будет оставаться народным».

Утраченные иллюзии

В марте 1917 года он вернулся в Россию. На вокзале ему устроили грандиозный прием — тысячи людей, запро-

дившие привокзальную площадь, десятки трепещущих на весеннем ветру красных и черных знамен. Эти минуты были наградой за десятилетия. О последнем периоде жизни Кропоткина до последнего времени старались не писать — дескать, вернулся на Родину и умер. А между тем, годы, прожитые по возвращении из эмиграции, являются самыми трагичными в его жизни. Безуспешно призывал он отвергнуть террор как большевиков, так и тех, кто клялся его именем — анархо-коммунистов. Его беда заключалась в том, что матрос Анатолий Железняков и ему подобные никогда не читали его трудов и не задумывались над его словами: «Всякий имеет право на жизнь. Избиение буржуа ради триумфа революции — это безумие». Террор выгоден новым якобинцам для того, «чтобы наименее добросовестный из них добился власти», террор «служит лишь для того, чтобы ковать цепи для народа». Анархо-коммунисты поддержали большевиков и помогли их восхождению к власти, большинство из них вскоре поплатились за это. Кропоткин не раз пытался вмешаться в события, писал много писем в органы новой власти, около 20 из них адресовал лично Ленину. Старого анархиста привели в ужас методы, используемые большевиками — аресты семей политических противников, расстрелы заложников, пытки.

«Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие методы представляют возврат к худшим временам Средневековья и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах. Даже короли и папы отказывались от таких варварских методов самозащиты, как заложничество. Как же могут проповедники новой жизни прибегать к такому орудью? Озлобление, вызванное в рядах Ваших товарищей после покушения на Вас и убийства Урицкого, вполне понятно. Но что понятно для массы, то непростительно для “вожак” вашей партии. Их призывы к массовому красному

террору, их приказы брать заложников, массовые расстрелы людей, которых держали в тюрьмах специально для этой цели — огульной мести... Это недостойно руководителей социальной революции!»

Кропоткин писал Ленину, что «Россия стала Советской Республикой лишь по имени. Правят в России не Советы, а партийные комитеты. Людми, никогда не знавшими действительной жизни, на каждом шагу совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов. Если теперешнее положение продлится, то самое слово «социализм» обратится в проклятие».

«Самый человечный человек» ответил на взволнованный призыв апостола анархии презрительной усмешкой: «Как устарел! Вот бедность идей анархистов и всех других мелкобуржуазных реформаторов, которые в момент массового творчества, в момент революции никогда не могут дать ни правильного плана, ни правильных указаний, что делать и как быть. Ведь если только послушать его на одну минуту — у нас завтра же будет самодержавие, и все мы, и он, между нами, будем болтаться на фонарях, а он только за то, что называет себя анархистом».

Кропоткин умер 8 февраля 1921 года. По просьбе его дочери большевики выпустили под честное слово семерых видных анархистов, сидевших в Бутырской тюрьме, для того, чтобы они смогли проводить в последний путь своего патриарха. 10 февраля тысячи людей прощались со старым революционером. Первыми за траурной колесницей шли анархисты под черными знаменами, следом — под красными — колонны трудящихся Москвы. На Новодевичьем кладбище был организован траурный митинг, где произносили речи анархисты Швейцарии, Франции, Бельгии, Америки, члены толстовских коммун, деятели Советского правительства. А у гроба в почетном карауле стояли анархисты России. Вечером они все до единого вернулись в тюрьму.

Анархия в Сибири

Некоторые вскоре погибли, некоторые дожили до конца 1920-х годов и, вопреки репрессиям, вели мирную пропаганду и профсоюзную работу, пока навсегда не исчезли в ГУЛАГе.

В честь 150-летия П.А. Кропоткина ЮНЕСКО объявил 1992 год годом его имени.

12. Патриарх свободной Сибири

Этого седобородого старца
Не все еще в Сибири знают,
Этого отца Сибири
Не все еще почитают...

Эту песню алтайский шаман посвятил Григорию Николаевичу Потанину — вождю сибирского областничества. Этого человека и сейчас знают далеко не все сибиряки, не все почитают, хотя улицы некоторых сибирских городов, в том числе Иркутска, носят его имя. Рожденный в казачьем поселении на Иртыше, он всю свою долгую жизнь отдал служению Родине. Родиной для него была не Российская империя, а свободная Сибирь. «Да не покидайте своими чувствами нашей Родины — Сибири, — писал он своему знакомому, казачьему офицеру, отправлявшемуся слушать лекции в Петербургский университет. — Возвратиться и стать в ряды ее патриотов да будет Вашей неотразимой мечтой».

Необычный казак

Григорий Потанин родился 4 октября 1835 года в семье есаула Сибирского казачьего войска Николая Потанина. Есаул Николай Потанин в 1829 году сопровождал кокандское посольство, возвращавшееся из Петербурга, и написал отчет о путешествии в Кокандское ханство. Его записки были опубликованы в «Военном журнале», а позже перепечатаны в «Вестнике Императорского Русского Географического общества». Так что страсть к путешествиям и научным изысканиям была у Григория в крови. Любимой книгой его детства был «Робинзон Крузо», и он мечтал о морских путешествиях, но жизненный путь сословного казака predetermined с рождения — в 11 лет Гришу Потанина отдали в Сибирский кадетский корпус в Омске.

Потанин не был лихим рубакой, по традиционным меркам он являлся весьма плохим казаком — шашку и нагайку ненавидел и ни разу не пустил их в дело. Зато

преуспел в верховой езде и после окончания корпуса совершил свое первое путешествие. 18-летний хорунжий Потанин вызвался сопровождать в пограничный китайский город Кульджу жалованье для русского консульства в виде серебряных слитков. В нем проснулся инстинкт кочевника. В дороге он вел путевые записи и собирал растения для гербария. Молодой казачий офицер мечтал оставить службу и заняться наукой, но «казаки — крепостные государства», и ему всю жизнь предстояло провести в войске. К счастью, о необычном казаке услышал известный путешественник Петр Семенов-Тянь-Шанский, хотя в то время он еще не получил знаменитой приставки к своей фамилии. Будущий председатель Географического общества нашел в Омске Потанина и убеждал его поступать в Петербургский университет. Пришлось симулировать болезнь — грыжу, и в 1857 году сотник Сибирского казачьего войска Григорий Потанин вышел в отставку.

Весной следующего года он приехал в Томск и пришел к политссыльному Михаилу Бакунину, привезенному недавно из Шлиссельбурга. Будущий великий анархист приветил отставного казака, давал ему книги из своей библиотеки, которую купил у декабриста Батенькова, а на дорогу в столицу выпросил для него у местного богача 100 рублей и снабдил рекомендательными письмами к издателю «Московских ведомостей» Михаилу Каткову и к своим двоюродным сестрам. «Милые сестры, посылаю и рекомендую вам сибирского Ломоносова, казака, отставного поручика Потанина, оставившего службу для того, чтобы учиться. Он — молодой человек, дикий, наивный, иногда странный и еще очень юный, но одарен самостоятельным, хотя еще и неразвитым умом, любовью к правде, доходящей иногда до непристойного донкихотства, говорит и делает странные дикости, но все со временем оботрется. Главное, у него есть ум и сердце. Потанин так горд, что ни за что в мире не хотел бы жить

за счет другого. В нем три качества, редкие между нами, русскими: упорное постоянство, любовь к труду и, наконец, полное равнодушие ко всему, что называется удобствами и наслаждениями материальной жизни. Надеюсь, что он не пропадет в Петербурге и в самом деле станет человеком. Приласкайте его, милые сестры, не откажите ему ни в совете, ни в рекомендации».

Так встретились вождь мирового анархизма и вождь сибирского областничества. Потанин много вынес из бесед с Бакуниным, и прежде всего идею федерализма, противостоящую государственной централизации. Вместо государства с единым центром анархизм предлагает союз областей, городов, общин, который в конечном счете должен упразднить государство и власть. Потанину всю жизнь везло на необычных людей, и прозорливый Бакунин в нем не ошибся.

Высылка из Сибири

Потанин поступил на физико-математический факультет Петербургского университета и с увлечением слушал лекции по ботанике. Студенты-сибиряки создали свое землячество и жили в одной квартире. Выходец из Томска Николай Ядринцев, однокашник Потанина по кадетскому корпусу, отпрыск ханского рода Чокан Велиханов и поэт Щербина в студенческие годы делили с Потаниным хлеб, сыр и бутылку баварского пива. Вместе слушали лекции украинского автономиста Костомарова и читали статьи сибирского областника Щапова. Молодые патриоты Сибири были уверены, что их Родина — колония, причем штрафная колония. Из Сибири в Россию — золото, мех, лес, рыба, а из России в Сибирь — уголовники.

Университета Потанин не окончил. На третьем курсе он принял участие в студенческих волнениях и угодил в Петропавловскую крепость, где провел два месяца. После освобождения решил вернуться в Сибирь, чтобы служить ее просвещению и процветанию. Приехав в Омск,

он принял участие в «казачьем деле» — вместе с несколькими молодыми офицерами составил проект нового Положения Сибирского казачьего войска и даже провел казачье депутатское собрание. Потанин стал чем-то вроде казачьего народного трибуна. Вскоре он пришел к выводу, что казачье войско — «не тот материал, из которого можно создать правильный общественный организм», и из «казачьего патриота превратился в патриота всей необъятной Сибири».

К тому времени уже сложился круг единомышленников, живших в Томске, Омске, Красноярске и Иркутске, которых потом называли сибирскими сепаратистами. Читали публичные лекции, создавали детские пансионаты, публиковались в газетах, ходили в экспедиции. «Мы никакой организации для пропаганды наших идей не основывали, — вспоминал Потанин, — но при случае мнения свои высказывали откровенно и с задором. Когда Бог пришел к мысли, что Сибирь в будущем должна отделиться, он вызвал меня к существованию». В 1865 году в сибирских городах и в Петербурге арестовали 44 человека и свезли их в Омский острог. Началось «дело об отделении Сибири от России и образовании республики подобно Соединенным Штатам».

На следствии Потанин отверг обвинения в возбуждении казачьего войска и в составлении прокламации «Патриотам Сибири», но признал, что его деятельность заключалась «в воспитании в сибирском юношестве местного патриотизма посредством идеи о будущем Сибири как независимой республики и в разработке этой же идеи в литературе и науке». В остроге он познакомился с польским повстанцем Яном Черским, который служил в омском батальоне, и навещал арестанта в его узилище. Ссылный поляк в офицерской библиотеке читал европейских философов и естествоиспытателей и в будущем стал знаменитым исследователем Восточной Сибири. Через три года заключения сепаратистам

вынесли приговор. Потанин как главарь получил 15 лет каторги, но срок скостили до пяти. Остальные получили ссылку и поселение. Ядринцев вспоминал, что Потанин, узнав о приговоре, продолжал спокойно читать немецкую книгу. Он сам добивался сурового приговора, который был основан лишь на его «откровенном признании». Много лет спустя он объяснил свое поведение: «Я заявил, что я распространял сепаратистские идеи, что я убедил своих товарищей разделять мои мысли, что все к этой идее были увлечены мной. Своим признанием я набросил сепаратистский плащ на всю компанию и дал окраску всему делу. Если бы я не сделал “откровенного признания”, могло бы кончиться так, что мои друзья Ядринцев, Шашков и другие потерпели бы больше меня, а между тем я считал себя коноводом».

15 мая 1868 года над Потаниным была совершена гражданская казнь, как раньше поступили с Чернышевским, — ввели на эшафот и привязали к позорному столбу, затем заковали в кандалы и отправили в Свеаборгскую крепость. Ядринцева сослали в Архангельскую губернию. Сибирских патриотов выслали из Сибири. На 33-м году жизни отставной сотник Потанин оказался в Свеаборге и провел там пять лет «от звонка до звонка». В крепости он за все годы не написал ни одного письма, отказался от права переписки. Осенью 1871 года его каторжный срок закончился, и Потанина сослали в Вологодскую губернию, откуда он написал первое письмо ссыльному Ядринцеву.

Ненаписанный учебник

В течение нескольких лет друзья развивают в письмах областнические идеи. Потанин обращает внимание Ядринцева на швейцарскую конфедерацию. «Я хочу написать статейку, чтобы показать, как хорошо бывает в маленьких государствах, где все общественные деятели знают друг друга, где масса близко стоит к домашней жизни своих вождей, где общественный деятель действует

не как теоретик, часто далекий от жизни, а как участник местной жизни, где для каждого в общественных делах существует самый пронизательный контроль».

В ссылке Потанин пришел к окончательному выводу, что бюрократическая централизация есть великое зло, что имперское сознание нивелирует все местные особенности и интересы. Пробудить любовь к малой родине может только педагогика, и Потанин начал работать над учебником родиноведения. Сначала ребенок должен узнать и полюбить свой город или село, затем область и лишь потом страну. Причем для каждой области должен быть свой учебник, чтобы ребенок, родившийся на Камчатке, не наткнулся на первой же странице на описание тушканчиков и бизонов, а степняк Херсонской губернии — на рассказ о белом медведе. Учебник родиноведения должен прежде всего описывать окрестности того города, в котором он написан, близлежащее озеро, леса, поля, животных и птиц в соседнем бору, пристань, лесопилку, винокуренный завод, фабрику и местную общественную жизнь. 130 лет прошло, но учебников родиноведения до сих пор нет, и живем мы, как иваны не помнящие родства, потому по сей день и остаемся колонией, платим Москве ясак, какой и монгольским ханам не снился.

За спиной Потанина и Ядринцева было уже по девять лет тюрьмы и ссылки, когда они решили подать на высочайшее имя прошения о помиловании. Для них в этом не было ничего зазорного. Не только декабристы и народники, даже Александр Ульянов просил о смягчении своей участи, а сибирские областники и революционеры в обычном смысле этого слова не были. Они были реформаторами, просветителями, либералами и никогда не стремились к вооруженному захвату власти. В августе 1874 года Потанин получил помилование и уехал в Петербург. Уехал не один. Его товарищем по ссылке был студент Лаврский, и Потанин женился на его сестре Александре, часто навещавшей брата. Прожили Потанины

вместе до ее смерти, не расставаясь даже в многомесячных путешествиях по Монголии, Алтаю, Китаю и Тибету.

Самый закоснелый сепаратист — климат

Потанин совершил шесть экспедиций, и его имя стоит в одном ряду с именами Пржевальского, Козлова, Кропоткина, Черского, Цыбикова и других. Пржевальский и Потанин делали одно дело, но по-разному. Первый был военным человеком до мозга костей, недаром монгольские кочевники прозвали его «толстым строгим генералом». Он воплощал собой дух вооруженного первопроходца, колонизатора, был сродни героям Киплинга с их имперским сознанием. Это искренний патриот Отечества, лояльный к режиму и стремящийся к славе и мощи своей страны. Пржевальский ходил в экспедиции во главе хорошо вооруженного отряда. Потанин же любил Отчизну «странною любовью», находился в оппозиции к власти и ставил интересы человека выше интересов империи. Ему претили шовинизм и насилие во имя лучшего будущего. Эту гуманистическую традицию потом продолжил Рерих.

За своими научными изысканиями Потанин не забывал областнических идей. Он активно сотрудничал с «Сибирской газетой» и «Восточным обозрением», являвшимся трибуной областников. В них, к примеру, публиковались такие шутки: «Изречения Сибирского Диогена. Почему то, что в России называется уездом, в Сибири носит название округа? Потому что из первого цивилизаторы уезжают, дабы во втором округлить свои животишки». Изучая природу Сибири, Потанин образно выразился, что «самый упорный и самый закоснелый сепаратист — климат». Газету «Восточное обозрение» начал издавать в Иркутске Н.М. Ядринцев. В первом номере, вышедшем 1 апреля 1882 года, было открыто заявлено: «Область — вот девиз, с которым мы выходим среди других органов русской печати». Областники добивались введения в Сибири земского самоуправления, свободы слова и печати,

свободы личности и прекращения ссылки в свой край.

Когда Потанины переселились в Иркутск, это был один из самых просвещенных городов Сибири. Здесь появилась первая в крае частная газета, открыта первая картинная галерея, отсюда на запад поставляли золото, соболей, чай, на начальное образование Иркутск тратил больше, чем Москва и Петербург. Потанин говорил, что Иркутск был «самым музыкальным городом Сибири», и не случайно его называли «сибирскими Афинами». В Сибирском отделе Географического общества работали многие политссылные: геологи Чекановский и Черский, исследователи фауны Байкала Гордлевский и Дыбовский, известный народник-земледелец Дмитрий Клеменц. Потанин стал душой Сибирского отдела.

В 1893 году во время экспедиции в Китай скончалась жена и друг Потанина Александра Викторовна. Летом следующего года в Барнауле погибает Николай Ядринцев. Еще раньше ушли из жизни другие областники — Николай Шукин, Афанасий Шапов, Серафим Шашков, казачий офицер Федор Усов. Потанин остался один. Не найдя общего языка с новым редактором «Восточного обозрения» Иваном Поповым, он в конце 1901 года уезжает из Иркутска в Красноярск, затем в Томск, где стараниями его покойного друга Ядринцева был открыт первый в Сибири университет. В Томске он заводит знакомства среди политических, эсеров и кадетов, и даже живет на квартире юриста Петра Вологодского, в то время члена партии социалистов-революционеров, а в будущем — премьера сибирского правительства. 12 января 1905 года в сибирских городах отмечался Татьянин день — 150-летие Московского университета. Накануне пришла весть о Кровавом воскресенье — расстреле рабочих в Петербурге. На банкете выступили социал-демократы и эсеры, и банкет превратился в митинг, принявший резолюцию о всеобщей политической забастовке и свержении самодержавия. Потанин как председатель

ствующий на банкете-митинге был арестован. Арестован через 40 лет после своего первого ареста и накануне своего 70-летия. Через месяц старый областник был освобожден и отдан под негласный надзор полиции.

Автономия казалась возможной

Областничество было очень влиятельным течением в Сибири, хотя никогда не было организовано и идеологически оформлено. Потанин многократно заявлял, что областники — не партия, а союз партий. Они были противниками державы с ее сверхцентрализацией, и среди них были представители разных политических сил — социалисты-революционеры, конституционные демократы. Потанин поначалу даже к социал-демократам относился сочувственно, но не к российским, а к сибирским. 28–29 августа 1905 года в Томске на квартире Вологодского состоялся съезд Сибирского областного союза, большинство на котором составляли эсеры. Отделения союза существовали в Томске, Красноярске, Омске, Иркутске, Мариинске. А 20–22 октября в Томске произошел черносотенный погром. Городское «быдло» во имя «Веры, Царя и Отечества» сожгло здание управления железной дороги вместе с забаррикадовавшимися там людьми, разграбило Народный дом и общественную библиотеку. Газеты много дней печатали списки погибших, пропавших, неопознанных. Потанина, к счастью, в эти дни не было в Томске. Он позже писал, что «руководители томских вандалов вдохновились ненавистью к просвещению и науке».

Отношение Потанина к царю и Отечеству известно. Как же он относился к вере? Григорий Николаевич был убежденным противником духовных миссий, их деятельности среди «инородцев». Он считал, что государственная религия стесняет культурное развитие народа, не принимает насаждения любой веры — христианства, ислама или буддизма, ибо это заглушает языческую культуру,

обладающую самоценностью для создавших ее народов, для их языка, обычаев, письменности.

Патриарх Сибири жил в Томске в большой нужде. За свою научную работу он получал пенсию в 25 рублей в месяц. Кроме этого, он жил на скромные гонорары от газеты «Сибирская жизнь». А ведь в руках первого почетного гражданина Сибири бывали немалые суммы. После поражения революции 1905 года в Сибирь было сослано около 100 тысяч человек, и Потанин собирал и передавал им деньги. При этом одинокий старец в залатанной шубе кочевал с квартиры на квартиру, и у него часто не было даже куска хлеба. Честная бедность — удел многих достойных людей.

Он не уставал проповедовать свою идею. Желанная автономия Сибири казалась такой возможной. Империя с сотнями миллионов подданных неспособна обеспечить развитие каждой личности, нужно преобразовать крупные централизованные государства в союзы регионов, областей, общин, создать конфедерацию свободных земель. У него было немало последователей. В Третьей Государственной Думе интересы Сибири представляли 14 депутатов во главе с Н.В. Некрасовым. Для сравнения, только Киевская губерния была представлена 15-ю депутатами, а ведь ее масштаб и население не идут с Сибирью ни в какое сравнение. Депутаты-сибиряки пришли к выводу, что их Родине нужен собственный парламент.

В 1915 году Сибирь отмечала 80-летие своего вождя. Томск и Красноярск избрали его почетным гражданином. Он был провозглашен также почетным гражданином Сибири вместе с томским городским головой А.И. Макушиным и эсером-юристом П.В. Вологодским. Восьмой сибирский врачебно-санитарный отряд, уходивший на германский фронт в день рождения сибирского патриарха, был назван Потанинским. Его именем называли улицы в Томске и Новониколаевске (Новосибирске).

Под бело-зеленым флагом

В феврале 1917 года пала монархия. Революция была праздником. В Томске прошел военный парад, и знаменосцы склоняли войсковые знамена над головой Потанина, внесенного офицерами вместе со стулом на портик в центре Соборной площади. В эти дни Потанин напоминает обществу о необходимости увековечить память борцов за свободу и процветание Сибири. Она буквально усеяна заброшенными могилами декабристов, петрашевцев, польских повстанцев, нечаевцев, народовольцев, эсеров, социал-демократов. Да только ли могилы революционеров запущены? В Иркутске забыта могила бурятского просветителя Доржи Банзарова, в Тюмени потеряно место захоронения путешественника по Камчатке Георга Стеллера.

1 мая 1917 года в Томске среди красных знамен впервые взвилось бело-зеленое знамя областнической Сибири. Временное правительство унаследовало от царизма великодержавные амбиции и было напугано призраком сибирского сепаратизма. Активно выступили против сибирской автономии и большевики. Потанин быстро разглядел в большевиках злейших противников свободы. «Будет в столице одна палата из 600 членов (конечно, большевиков), которая и будет править государственным кораблем, — пророчески пишет Потанин. — А нам, как обладающим “несовершенным умом”, большевики скажут: ваша автономия не простирается дальше тротуаров и уличных фонарей. Большевики ставят доктрину выше человеческой жизни». Он заявлял, что идеальный государственный строй — это тот, при котором все люди станут «вполне развитыми индивидуальностями», а «большевизм не доверяет анархии жизни». Никакая власть не имеет права превращать одну из частей государства в отвал нечистот и отбросов, накопившихся в другой его части. Борьба за интересы одного класса, которую ставят своей целью большевики, не может быть, по мнению Потанина, названа долгом человека. Большевики хотят дать

каждому рабочему на обед «курицу в супе», забывая при этом все другие потребности человека.

8 октября 1917 года в Томске открылся Первый областной сибирский съезд. В университетской библиотеке висело бело-зеленое знамя с надписью «Да здравствует автономная Сибирь!», на съезд прибыло 183 делегата из 17 городов и двух сел. Здесь были кадеты, эсеры, меньшевики, народные социалисты, члены алтайской инородческой партии «Алаш» и даже по одному представителю от большевиков и бундовцев. В зале сидели рабочие и крестьяне, солдаты и офицеры, чиновники правительственных учреждений и интеллигенция, промышленники и священники, торговцы и скотоводы. Эсеров было больше других — 70 человек. Съезд был представлен русскими, поляками, украинцами, татарами, казахами, евреями, немцами, бурятами, алтайцами и телеутами. Григорий Потанин открыл съезд. Советы, комитеты местного самоуправления и земские организации поддержали автономию Сибири, а вот меньшевики ушли со съезда. У них были свои планы устройства страны, хотя было и исключение — иркутский меньшевик Алексеев заявил, что «социал-демократы со своей стороны поддерживают стремление к областной автономии Сибири». Съезд решил создать Временный Сибирский областной совет и объявить Сибирь автономной областью Российской республики. Вскоре была создана Сибирская областная Дума — тот самый местный парламент, о котором много лет мечтал Потанин. Но в январе 1918 года большевики разогнали в Петрограде Учредительное Собрание, а вскоре и Сибирскую Думу. Они захватили Временный областной совет, и Потанин в знак протеста вышел из его состава.

Свобода Сибири была неудобна любой власти. Когда эсеры-областники при поддержке чехов свергли большевиков, пришел Колчак, установивший военную диктатуру. Сибирское правительство было разогнано. Колчаку не нужны были ни областники, ни эсеры, ни члены Уч-

редительного Собрания. Одних убили, других посадили в тюрьмы, третьи ушли в подполье. Старик Потанин тихо жил в Томске, он был уже очень болен. Он с болью следил за событиями, ведущими к гибели его мечты. Две государственнические силы терзали его родину. Когда в августе 1919 года Красная Армия подошла к Томску, в «Сибирской жизни» появилось обращение: «К оружию, граждане! Банды большевистские у ворот! Сдержат или умереть! Иного выхода нет! Я дряхлый старик, но я с радостью пойду туда, куда признают возможным меня взять. Г. Потанин».

В марте 1920 года чекисты расстреляли редактора газеты «Сибирская жизнь» Александра Адрианова, друга Потанина и его спутника по монгольской экспедиции. Ему было 67 лет. Потанина спасла от той же участи смерть. Он скончался 30 июня 1920 года, не дожив до 85 лет трех месяцев. Большевики не могли игнорировать это событие и посвятили великому сыну Сибири такой вот некролог:

«Вчера утром умер Г.Н. Потанин. Он был в стане наших врагов. Как общественный деятель Потанин может лишь вызвать чувство отвращения, негодования рабочих и крестьян. Он являлся орудием в руках белой своры. И мы говорим о нем не как об общественном деятеле, а как об ученом, исследователе и путешественнике. И теперь, когда мы получили известие о его смерти, мы отбрасываем прочь тот вред, который он принес рабочему классу».

Потанин встретил смерть в полном сознании. Вот его последние слова: «Вот я умираю. Жизнь кончена. А мне жаль. Хочется еще жить. Интересно очень. Хочется знать, что будет дальше с милой Россией».

Как хорошо, что он этого не увидел.

13. В Сибирь за землей и волей

С развитием путей сообщения и укреплением связей между Сибирью и метрополией «край каторги и ссылки» утратил свое устрашающее воздействие. Многие россияне, раньше боявшиеся Сибири, отправляются сюда на заработки не потаенными тропами, а с законным паспортом за пазухой. После завершения строительства Транссибирской железнодорожной магистрали за Урал хлынул поток вольных переселенцев, и пиком этого великого кочевья явилась столыпинская аграрная реформа, которую историки постсоветской формации превозносят до небес.

Надежды и разочарования

Всплеск переселенческого движения произошел после отмены крепостного права. Отбыв после крепостной неволи обязательную девятилетнюю повинность, мужики десятками тысяч двинулись из безземельной России на вольную волюшку. Один исследователь европейской колонизации сказал: «Право переселения есть право жизни». Даже правительство понимало, что в стране, где не хватает земли, переселение является средством против роста численности пролетариата. Однако колонизация проводилась, как и любое дело в Российском государстве, топорно и бестолково.

Сумма расходов, которая ложилась на переселенца, превышала все средства, которые он выручал от продажи имущества. Одна дорога в ближайшие сибирские губернии обходилась в 50–100 рублей за повозку, а для того чтобы прожить в сибирских условиях, крестьянину мало было одной лошади, их требовалось от трех до пяти. Переселение было доступно только богатым крестьянам, имеющим фонд не менее 500 рублей серебром.

Вот что писал об этом выдающийся исследователь Владимир Обручев в своей книге «В старой Сибири»: «По совету доброжелательных, но мало осведомленных друзей или соблазненный бессовестными агентами крестьянин продает двор и избу, сбывает за бесценок домаш-

ную утварь и пускается в путь-дорогу к “цветущим полям Сибири”». Более осторожные ищут счастья в губерниях Томской и Тобольской, стремящиеся дальше едут на плодородные земли, орошаемые Енисеем. Забайкалье с его металлами и благородным пушным зверем манит корыстолюбивых, и только утописты едут в легендарную чудесную страну — бескрайний Амурский край. Разумеется, новый пионер цивилизации не имеет представления о жизненных условиях вновь избранной родины. Правда, для осведомления людей кое-где созданы переселенческие комитеты. Такие комитеты имеются в Томске, Иркутске, Тюмени и Чите. Но какой с них толк? Когда бедный беспомощный переселенец обращается в такой комитет с просьбой о совете и указании дороги, ему отвечают: «Вперед, вперед, мой драгоценнейший! Там на месте все увидишь». Никаких указаний маршрута, никаких сведений о том, где можно запастись провиантом и получить медицинскую помощь. Все это не из-за злого умысла, а просто потому, что для господ чиновников этих комитетов цель переселения — такая же *terra incognita*, как и для самих переселенцев.

Караваны переселенцев двигались в повозках по сибирским дорогам по 100 и более семей. Они нигде не имели крова, ночевали под открытым небом. Путешествуя по рекам на пароходах, люди жили прямо на палубе и, прибыв в Томск, располагались под открытым небом, так как барачных не хватало. Бедолаги часто напоминали ходячие скелеты, а их дети мерли в дороге как мухи. Придя в Сибирь, сразу начинали просить милостыню у местных жителей, так как средств на пропитание у большинства уже не было. Нищенство становилось профессией переселенца, и все расходы на его содержание ложились на старожилов.

Поначалу пришлые были гостеприимно встречены сибирскими крестьянами, охотно принимавшими их в свои общины, но большая часть пришельцев не могла освоить-

ся с новыми условиями жизни. Вместо сказочной страны, где прямо в рот летят жареные голуби, они находили горы, пади, тайгу и невозделанную землю. В реках текли не молоко и мед, а обыкновенная студеная вода, поля давали урожай только при напряженном труде, дома не росли сами, как грибы. Переселенцы рассеивались, возвращались назад нищими и озлобленными либо становились поденщиками, влача жалкое существование. Они даже песни унылые слагали:

Как в чужбину я шел, как в чужбину я шел,
Был тяжел мой мешок большой.
А домой пришел, а домой пришел
Я с пустой сумой.
За солнцем и счастьем я гнаться был рад,
Порочным и нищим пришел я назад.

«Для Сибири счастье, что такие скверные элементы как лентяи, корыстолюбцы и пессимисты, не задерживаются здесь надолго, а отряхают сибирский прах с ног своих и поскорей удирают обратно, — отмечал Владимир Обручев. — Но мы живем в период великого переселения народов, и вышедший из берегов поток неудержим».

Терпение и труд все перетрут

Наиболее стойкая, инициативная и трудолюбивая часть переселенцев все же сумела закрепиться в Сибири. В архивах Заларинского краеведческого музея сохранилась запись воспоминаний Степана Коконова, ветерана Первой мировой войны, кавалера двух Георгиевских крестов. Он родился в Могилевской губернии в 1890 году. Его старший брат Влас был на японской войне в 1904–1905 годах и, возвратившись в Белоруссию, начал рассказывать односельчанам о Сибири, ее просторах и воле. Отец Спиридон Коконов внимательно выслушал сына и стал обговаривать со стариками поездку в Сибирь.

«В июле 1908 года отец, Наваренко Самуил и Харлампий Ключиков прибыли в Тулун, предъявив ходаческие документы, — рассказывал Степан Коконков, — переселенческий чиновник направил их в Братскую волость. Четверо суток шли мужики пешком в Братск. А там на них как навалилась мошка. Решили: нет, тут нам не жить. Посмотрели и назад в Белоруссию вернулись.

В 1909 году снарядили вторую группу ходоков. Прибыли они в Заларинскую волость, где им определили местом поселения Черемшанку и Метелкино. 10 марта 1910 года 18 семей покинули Могилевскую губернию. На железной дороге погрузили свой скарб, сели в вагоны-теплушки, где были сплошные нары из досок, маленькая печь да один чайник. Поехали в Сибирь.

В Залари прибыли 9 апреля. Остановились на частных квартирах, потом сходили в Черемшанку. Всюду тайга. Ночью выпал снег, а мы в ботинках, сапогах, лаптях. Ноги мокры. Настроение у всех — возвращаться в Белоруссию. Переселенческий чиновник Адам Адамович Райнерт, выслушав наш отказ заселять Черемшанку, разговаривать с нами больше не стал и выгнал. Его писарь сказал: «Такого участка, что вы просите, у нас нет. Вам надо ехать к переселенческому начальнику в Черемхово»».

В Черемхово им посоветовали обратиться с просьбой о выделении земли в Министерство земледелия или даже к царю. Бедолаги собрали деньги и отбили телеграмму Николаю II. Сейчас в это трудно поверить, но на шестой день из Петербурга пришел ответ: «Просьбу переселенцев удовлетворить». От нынешних властей порой годами не дождешься ответа. Странники пришли на Аляты и распахали 42 десятины.

«Участок был богатый, хлебный. На следующий год у всех был уже свой хлеб. Семена привезли с собой. Понасадили здесь овощей — и свеклу, и репу, и картофель. Ни у кого из бурят и понятия садить огороды не было. Земли откупили у них по три рубля за десятину. Здесь много

было ясашных бурят — обрусевших, осевших на земле, за которую они платили дань. За годы империалистической войны мы смогли обработать еще около 400 десятин земли, у всех стало по три коня, зажили неплохо».

Степан Коконев воевал в Карпатах в армии генерала Брусилова, служил в разведке. В 1915 году при выполнении боевого задания был ранен, и сам генерал вручил ему Георгиевский крест. Степан Спиридонович прожил долгую жизнь и умер в возрасте 96 лет. Про то, что довелось пережить ему и его односельчанам в годы Гражданской войны и коллективизации, он не рассказывал.

Сибирские немцы

В 1910 году к заларинскому переселенческому начальнику Адаму Райнерту прибыли четверо ходоков: Андрей Гиньбург, Иван Гильдебрант, Иван Бытов и Петр Кунц. Это были доверенные лица из Волынской и Гродненской губерний. Переселенцам полагались льготы: бесплатный проезд по железной дороге, освобождение на несколько лет от налогов, отсрочка от призыва в армию, денежные ссуды. Ходокам предоставили Пихтинский участок в Саянских предгорьях.

В губерниях, откуда они прибыли, издавна существовали немецкие колонии; Забужские Голендры, Свержовские Голендры, Замостече, Новины и Нейбров-Нейдорф. В Заларинской волости переселенцы назвали свои поселки по-старому. Так здесь появились Замостече (сейчас Пихтинск) и Новины (Средне-Пихтинск).

В 1912 году на Пихтинском участке уже поселились 200 человек из 36 немецких семей. Из Иркутска приехал пастор лютеранской церкви Вольдемар Сиббуль, который изыскал средства для строительства молитвенного дома. В апреле 1911 года у переселенца Иоанна Зелента и его жены Розалии родилась дочь Бронислава — первый ребенок Пихтинска. В последующие три года появились на свет еще 15 детей. Колонисты женились только

на своих — голендрах, поэтому нынешние жители Пихтинска — Людвиги, Гильдебранты, Кунцы, Бытовы, Зеленты, Бендики, Гиньборги — являются друг другу близкими и дальними родственниками.

Существует несколько версий происхождения этих людей. Согласно одной, их предки родом из Голландии, выписанные Екатериной II как хорошие специалисты: плотники, столяры, токари, ткачи. В Петербурге их записали как немцев, а они не стали возражать. Другая версия состоит в том, что бужские голендры прибыли из Пруссии. Жили они в низовьях Рейна, потом переехали в район Данцига, а затем часть этих людей пригласил к себе на Западный Буг граф Лещинский. По-немецки слово «голанд» означает участок земли, полученный в результате вырубki леса, а голендры — жители таких земель, то есть лесорубы.

В 1941 году их как «лиц немецкой национальности» депортировали в трудовые лагеря. Из Пихтинска вывезли 65 человек и отправили в Краслаг на лесоповал. Позже часть из них перевели на Урал, в Пермскую область, в Усольлаг. Немало пихтинцев погибли от голода и непосильного труда. Интересно, что в лагерях немецкие военнопленные и даже немцы Поволжья не считали их за своих.

Бужские голендры из Заларинского района находились на положении заключенных и спецпереселенцев до начала 1950-х годов и, даже вернувшись домой, до 1955 года ходили отмечаться в спецкомендатуру.

Вместо эпилога

В начале прошлого века была бестолково проведена и загублена столыпинская реформа. Сотни тысяч людей были сорваны со своих клочков земли и наобум двинулись в бескрайние просторы Сибири в поисках земли и воли. Тем, кто приехал раньше, повезло: им достались и правительственные льготы, и плодородные участки.

В Сибирь за землей и волей

Но пряников, как известно, никогда не хватает на всех. Чуть не половина стольпинских переселенцев, оставшихся без государственной помощи, не смогла обустроиться на новом месте и вернулась в родные края разоренной и озлобленной массой, а остальные в большинстве своем составили в Сибири класс деревенского пролетариата. Правительство заложило под себя мину замедленного действия, зажгло фитиль будущей гражданской войны на селе.

**14. В поисках Беловодья.
Пути и судьбы русского
старообрядчества**

Раскол — самое трагическое по своим последствиям событие XVII века, а может быть и всей российской истории. Если даже из Великой Смуты народ вышел сплоченным, государство — окрепшим, Церковь — незыблемой, то после Собора 1666 года, подтвердившего правоту реформы патриарха Никона, страна как единое религиозное тело была разорвана. Это повлекло за собой многие беды. Пало древнерусское благочестие. Церковь была полностью подчинена государству, в широких слоях народа появилось недоверие, а затем равнодушие к официальной церкви, и, наоборот, проявился рост религиозного чувства на сектантских путях. Из лона Церкви и из общества была насильственно вырвана та часть народа, которая составляла ядро православия. «Последними верующими на земле» назвал старообрядцев философ Василий Розанов. «Если на всемирном суде русские будут когда-нибудь спрошены: “Во что же вы верили, от чего никогда не отреклись, чему вы пожертвовали?” — быть может, очень смутясь, попробовав указать на реформу Петра, на “просвещение”, на то и другое еще, они окажутся в конце концов вынужденными указать на раскол: “Вот некоторая часть нас верила, не предала, пожертвовала...”» (В.В. Розанов «Психология русского раскола»).

Сожжение Аввакума и гибель других вождей старообрядчества не привели к концу движения, а подхлестнули его. Кострам, застенкам, плахе, кнуту и ссылке старообрядцы противопоставили страшную силу — силу отрицания. Как писал знаток старообрядчества П.И. Мельников-Печерский, «непреоборимая эта сила, единственная сила, которую выработал русский народ под гнетом московской централизации, воеводских притеснений и крепостной зависимости, сила, заменившая в нашем народе энергию, заснувшую с тех пор, как сняты были вечевые колокола и вольное слово самоуправления замолкло перед лицом Москвы» (П.И. Мельников-Печерский «Письма о расколе»). Хотя старообрядцы быстро поняли, что го-

сударства им не одолеть и не вернуть Русь к старой вере, это их не смутило. Если святая Русь попала под власть сатаны, если государственные чиновники и никонианские попы — слуги антихристовы, значит, для христиан наступила великая проверка. И речь идет уже не только об обрядах — двумя или тремя перстами креститься, а об отрицании сатанинского государства, продавшей ему церкви и всего нового уклада жизни. Недаром царь Петр, которого староверы официально объявили антихристом (патриарх Никон — богоотступник и слуга антихриста, но все же не сам антихрист), назвал их «лютыми неприятелями государю и государству, непрестанно зло мыслящими». Не плати сатане податей, не иди в его войско, не исполняй его обрядов, не подписывай его бумаг, беги в леса, горы, пустыни, а нет возможности — сжигайся! Мученическая смерть Аввакума и его соратников на пустозерском костре, мужество боярыни Федосьи Морозовой — русской Жанны д'Арк, которая, вися на дыбе над огнем, стыдила бояр и церковников: «Эти ли христианство, чтобы так людей мучить?» — все это привело к тому, что огромное число людей отринули государство как таковое. Раскол достиг такой степени, что для его уничтожения нужно было истребить несколько миллионов человек, а это было не под силу даже такому царю-тирану, как Петр.

И царь был вынужден узаконить старообрядчество, позволить староверам легально проживать в пределах русского государства. Для этого нужно было только открыто объявить себя старообрядцем — «записаться в раскол», не говорить ничего плохого о «сатанинском» государстве и церкви, не «хулить» власть и платить подать за ношение бороды. На Руси брадобритие считалось признаком содомии, поэтому этим своим европейским нововведением Петр восстановил против себя подавляющее большинство народа. «Руби наши головы — не трогай наши бороды!», «Брить бороду — портить образ Христов!»,

«Не водись со щепотником (крестящимся тремя перстами), табашником и скобленным рылом» — такими вот пословицами ответил русский народ на царскую придурь. Конечно, лучше заплатить за бороду, чем идти за нее на костер. Многие староверы взяли грех на душу — «записались в раскол». Царь понимал, что хозяйственная деятельность староверов приносит пользу России, поэтому предоставил льготы поморским раскольникам, которые в Олонецкой губернии построили горные заводы и открыли золотые рудники. Все выдающиеся русские купцы и промышленники — Демидовы, Мамонтовы, Третьяковы, Сапожниковы, иркутские Сукачевы и Баснины — происходили из старообрядцев. Первые герои российской коммерции — заросшие бородой до самых глаз старообрядцы — не были прожигателями жизни. Миллионы достались им не даром: надо было быть умным и хищным, чтобы вырвать свой кусок из-под пыльного сукна самодержавной власти. Чего стоит только основатель гигантской волжской рыбной империи Петр Сапожников, отец которого был повешен за участие в Пугачевском бунте. Про таких говорили: «Его дед по лесам с кистенем ходил». Сын раскольника-бунтовщика завалил черной икрой всю Европу, построил на Волге целый торговый флот, а его внук учился живописи у Тараса Шевченко и «по случаю» приобрел картину Леонардо да Винчи «Мадонна Бенуа», которую правнучка рыботорговца подарила Эрмитажу.

Таким образом, часть староверов прижилась в «царстве антихриста» и немало сделала для его укрепления. Старообрядческие священники, жившие до никонианской реформы, либо погибли, либо умерли естественной смертью, а где взять новых? Идти в официальную церковь к никонианскому попу? Или крестить ребенка, отпевать покойника и венчать молодых самим? И начался раскол среди самих старообрядцев. Те, кто выбрали первое, остались на отцовских гробах и примирились, стали на-

зваться «приемлющими священство». Другие, непримиримые, предпочевшие уйти в дальние дали, за Уральский Камень, на Ильмень-озеро, в Алтайские горы и далее на Байкал и Амур, стали «беспоповцами» и разделились на множество толков и согласий, часто получавших названия по именам основателей: никитовщина, авраамиевщина, досифеевщина и даже акулиновщина — глава этого течения стрелецкая вдова Акулина проповедовала среди своих сподвижников сексуальную революцию. Позже пошли калиновцы, рябиновцы, нетовцы — зависит от того, чему молиться — калине, рябине или дыре в крыше, ведь иконы старого, дореформенного письма — большая редкость, а новым молиться — грех. В Сибири очень популярно было поморское согласие, на Кавказе — духоборы и молокане, испытывавшие сильное влияние европейского протестантизма и трансформировавшиеся в минувшем веке в баптистов.

Часть крепких староверов в поисках обетованной земли пришла на Алтай. 100 лет назад сибирский писатель Александр Новоселов создал повесть «Беловодье». Отец главного героя, умирая, завещает сыну довести до конца его дело — «вывести народ православный из царства антихристового».

— Беловодье, оно от всех стран отличительно, — говорит старый кержак сыну. — Найдешь небось... Вдоволь там воды, вдоволь черной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу... Трудись только во славу Божию, как прародитель наш Адам трудился. Не смотри, что хорошо сама земля родит. Потом поливай ее. Угодья там разные высмотри, да не забудь и душу... Не должно там быть власти, от людей поставленной... Тем и свято оно, Беловодье. Ни пашпорта тебе там, ни печати антихристовой — ничего... Правой вере простор... Живи, как хочешь... Управляйся стариками... Клянись, что по гроб, по конец своей жизни не смиришься духом, пока не сыщешь землю Восеонскую!

Легенда о месте, где существуют неиспорченная церковь, государство, община, исповедующие «древнее благочестие», появилась сразу после раскола. Сначала им считалась Антиохия в Сирии, затем легенда перенесла его в Сибирь и на Дальний Восток. В XVII веке было написано письмо инок Марка из обители в Архангельской губернии, якобы побывавшего в Опоньском царстве, находящемся на 70 островах моря-океана Беловодья. В эпическом произведении П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» игумен Аркадий, посылая на поиски Беловодья своих иноков, говорит: «Есть в крайних восточных пределах за Сибирью хриstopодражательная древняя церковь асирского языка. Тамо в Опоньском царстве, на Беловодье, стоит 180 церквей, да кроме того российских древнего благочестия церквей сорок. Имеют те российские люди митрополита и епископов асирского поставленья. А удалились они в Опоньское государство, когда в Москве изменение благочестия стало. Тогда из честные обители Соловецкой да изо многих иных мест много народу туда удалилось. И светского суда в том Опоньском государстве они не имеют, всеми людьми управляют духовные власти».

Ясно, что под Опоньским государством подразумевается Япония, а Беловодье — Тихий океан. Архангелогородский инок Марк тоже приписал жителям Японии христианскую веру, «асирский язык» (видимо, ассирийский), 40 русских церквей. Русские, по его словам, добрались туда из Соловков через Северный Ледовитый океан. Жизнь там праведная. «Татьбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеют. Управляют народы и всех людей духовные власти».

Один из посланных игуменом Аркадием иноков в романе Мельникова-Печерского рассказывал, что за 20 с лишним лет поисков обетованной земли побывал у казаков-некрасовцев за Дунаем, перешлыл Мраморное море со стороны Царьграда (Константинополя-Стамбула),

дошел до Египта, был в стране Фиваидской, видел гроб Господень в Иерусалиме, потом отправился в Сибирь. «Дошли в Сибири до реки Катунь... Тамо множество пещер тайных, в них странники привитают, а немного подале стоят снеговые горы, верст за триста их видно. Перешли мы те снеговые горы и нашли там келью да часовню, в ней двое старцев пребывало, только не нашего были согласу, священства не приемлют. Однако ж путь к Беловодью нам указали... Шли мы через великую степь Китайским государством сорок и четыре дня сряду. Но дошли-таки мы до Беловодья. Стоит там глубокое озеро да большое, ровно как море какое, а зовут то озеро Лопонским, и течет в него от запада река Беловодье. На том озере большие острова есть, и на тех островах живут русские люди старой веры. Только и они священства не приемлют, нет у них архиереев и никогда их там не бывало. Выпуску отгудова пришлым людям нету, боятся те опонцы, чтоб на Руси про них не спознали и назад в русское царство не воротили».

Самые крепкие староверы, исходившие в поисках Беловодья полсвета и заселившие Север, Алтай, Забайкалье, Дальний Восток, были беспоповцами. Как пелось в одной раскольничьей песне,

Кто Бога боится, тот в церковь не ходит,
С попами, дьяками хлеб-соли не водит.

Бывали случаи даже в конце XIX века, когда этнографы спрашивали обычных православных баб и мужиков: «Вы христиане?» И те отвечали: «Нет, какие мы христиане! Мы в церковь ходим». Хождение в церковь воспринималось этими людьми как грех, как вынужденная сделка с собственной совестью. А настоящие христиане — те, кто ушел в раскол. Поиски духовной и физической свободы довели русских старообрядцев до Канады и Австралии. Это произошло с одним из ответвлений старообрядчества — духоборами. Об этой истории стоит вспомнить.

Духоборы, как и все другие неофициальные течения, подвергались гонениям со стороны правительства. Большинство из них были вегетарианцами, для которых всякая жизнь священна: не только человека, но и всякой твари. Досаждали духоборам православные миссионеры, тягавшие их в духовные консистории на допросы, в суды, а оттуда в тюрьму и ссылку. Но больше страдали они от властей гражданских. Хотя духоборы никогда не бунтовали против царя, но решительно отказывались от службы в армии, не исполняли другие законы, противоречившие их убеждениям. Молодежь скрывалась от солдатчины, «бегала», а попавшиеся властям были судимы, погибали в дисциплинарных батальонах, где продолжали сопротивление.

«Железный царь» Николай I выслал духоборов на Кавказ в надежде, что их вырежут горцы. Однако «злые чечены» оказались умнее.

— Кто вы такие? — спрашивали они духоборов.

— Мы христиане.

Туземцы недоверчиво покачивали головами в косматых шапках.

— Нет, вы не христиане! Христиане очень плохие люди. Они пьянствуют, воруют, дерутся и лгут. А вы этого не делаете. Какие же вы христиане?

Лев Толстой и его единомышленники в конце XIX века помогли духоборам переселиться в Канаду. Писатель даже передал им крупный гонорар, полученный им за «Войну и мир». В Канаде им выделили необработанную землю в трех районах. На самом большом участке образовалось свыше 30 селений, на втором — 13, на третьем — 12 сел. Первую зиму духоборы провели в эмигрантских домах в городках Манитоба и Саскачевань. Исследователь духоборчества Петр Малов в своей книге «Духоборы» описывает их первую канадскую весну: «С весны начались работы по устройству жилищ и обработке земли. У них не было ни скота, ни фургонов, никаких сельско-

хозяйственных инструментов, даже съестных припасов не было достаточно. Одним словом — нищие».

Некоторая помощь поступала от английских квакеров, от толстовцев из России, но это было ничтожно мало. Но духоборы не унывали. Работали не только мужчины, но и женщины и дети. Один эпизод наделал много шума в канадском обществе. Духоборы, в том числе и женщины, сами впрягались в плуг и пахали на себе. Когда феминистское «Общество молодых англичанок в Онтарио» решило протестовать против «варварства азиатского народа», духоборки ответили, что «запряглись в плуг и пахали на себе без всякого принуждения, во-первых, вследствие нужды, во-вторых, из-за любви к своим братьям и мужьям, стараясь оказать им посильную помощь».

Духоборы довольно быстро преодолели материальные трудности. П.Н. Малов пишет, что «в некоторых селах был полный коммунизм, в других допускалась некоторая независимость». Через три года после переселения в Канаду, в 1902 году, духоборы обстроились, обзавелись инвентарем, скотом и птицей. Им даже казалось, что они слишком быстро богатеют, что это «вредно для истинных христиан». За 10 лет духоборы смогли разработать тысячи акров земли, обзавелись машинами, лесопилками, консервными фабриками, многомиллионным имуществом. Но их процветание явилось источником новых бедствий. Государство — оно и в Канаде государство. Духоборы не желали отдавать детей в государственные школы, платить купчие за землю («земля ничья — Божья»), отказывались от воинской повинности.

Правительство пригрозило лишением земли. Духоборы ответили нагими демонстрациями, выпустили скот на волю. Над нами издеваются, не дают жить, а мы не желаем неволить не только людей, но и скотину! Вы лишаете нас Божьей земли, так вот вам все наше имущество, вот вам наши рубахи! Это был конфуз для власти, урок христианской морали государству. Весной 1908 года, бро-

сив имущество и миллионы долларов, «нового града взыскающие» духоборы ушли в Британскую Колумбию, чтобы на новых пустырях создавать свои братские общины. Но государственный Левиафан и там не оставлял в покое сынов свободы.

Староверы, оставшиеся на территории Российской империи, долго сохраняли свою самобытность, живя в труднодоступных местах. Но «цивилизация» достала их и в горах Алтая, и в степях Забайкалья. Писатель Александр Новоселов в начале прошлого столетия много бродил по Алтаю. Уже тогда старые обычаи сохранялись только высоко в горах, на дальних заимках, а в деревнях, рядом с которыми проложили дороги, нравы были уже не те. «Тракт сделал свое дело и в области нравственности, — писал Новоселов. — Молодежь не только поголовно курит, что для истинного старообрядца величайший грех, но поголовно пьет. Потребление спиртных напитков с каждым годом растет. За последний год (1912 год — И.П.) казенного вина было выпито на 50 тысяч рублей. Кроме того есть две пивные лавки. Пьют все: и старики, и молодые, и подростки. О степени распущенности молодежи можно судить по тому, что мне пришлось даже видеть на стенах домов кричащие надписи заборной литературы, а для деревни это большая редкость. Последнее обстоятельство старикам дает в руки серьезное оружие в борьбе с просвещением, хотя в Шемонаихе числится 200 учащихся, что для старообрядческого населения нельзя назвать низким процентом».

Прямо по Аркадию Райкину: «Если раньше ребенок малевал на заборе, грубо говоря, рожки, то теперь он пишет, мягко выражаясь, слова». И все же кое-где старые обычаи сохранились и поныне. Несколько лет назад московский анархо-синдикалист, путешественник и писатель Николай Муравин отправился в Красноярский край, добрался до райцентра Тасеево и прибыл на реку Бирюосу. Староверы появились на Бирюосе не в XVII веке и даже не до 1917

года. Они бежали на притоки Енисея с Дальнего Востока от репрессий, обрушившихся на них после Гражданской войны. Каким-то чудом выжили при Сталине. А сейчас к ним приезжают родственники из Америки, Италии, Норвегии и даже из Парагвая. Староверы до сих пор обходятся без электричества, и ваучеры ни один не получал. Когда плыли по Бирюсе, Николай обратил внимание, что даже в такой глуши скалы исписаны разнообразными словами и словосочетаниями. «Грамотен русский народ», — сказал он. «Слишком грамотен», — ответили староверы.

«Честное слово, — писал Муравин, — казалось, что беседуешь где-нибудь на московском бульваре с интеллигентами, только что вышедшими из театра. Их речь, правильная, литературная, разительно отличалась от того, что я привык слышать в сельской (да и не только в сельской) местности; чувствуется, что люди по вечерам не глазеют в ящик, а книги читают. И никаких особых сибирских выражений я от них не услышал, вроде: “Однако чо, паря, в мире делатца? Кака-никака новость есть?” Детей в старообрядческих семьях много, бывает и по 10 человек. Уже лет с семи начинается их трудовая жизнь. Школы у староверов свои. Продолжать образование приходится в миру, сейчас староверы отпускают детей даже в городские вузы. Утверждают, что все возвращаются. Учительница в Луговой школе — Зинаида Зорина, внучка Павла Никитича Матюшова, деревенского патриарха 1917 года рождения».

Енисейские старообрядцы относятся к часовенному согласию. Они — беспоповцы, нет у них ни храмов, ни священнослужителей. Молятся просто в избе, там же обряды проводят. Крестить младенца может и сам отец. «А может старовер зайти в церковь?» — спросил Николай у патриарха Матюшова. «Отчего же, может, — ответил старец. — Только молиться не будет. Кому там молиться?» Колхозов в старообрядческих селениях никогда не было, живут общиной. Муравин продолжает: «Как же так, — спра-

шиваю, — а кто же у вас руководит?” “Кто может, тот и руководит”, — ответил дед Матюшов, как настоящий народный анархист».

Павел Матюшов родился на Дальнем Востоке, под Спасском. Отца и еще семерых староверов большевики расстреляли как кулаков. Староверы после этого ушли в Маньчжурию, поселились под городом Мугодзяном. С японцами проблем не было, те староверам даже нарезное оружие носить разрешали. В 1945 году пришла Красная армия, и всех староверов пересажали. Матюшов получил 10 лет по 58-й статье, восемь из них просидел на Чукотке, где работал в кобальтовом руднике. После смерти Сталина его выслали под Канск в леспромхоз. В 1956 году, после освобождения Матюшов и забил первый кол на Бирюсе. В деревню Луговую тот кол превратился. Бывал он позже и на Аляске, и в Канаде, но домой возвращался. «Здорово у них, горы красивые, лес хороший, дома богатые, а не то, не то». Правда, в последние годы и на Бирюсе жизнь стала хуже. Сплав прекратился, значит, работы не стало. Рыбы стало меньше. Медведи, рыси, волки еще попадают, а соболь почти исчез. Можно пасекой прожить, но взялась новая напасть — сибирский шелкопряд лес поразил. Начался исход староверов на север по Енисею до Ярцева, где впадает река Сым. Там места еще нетронутые.

Второго мая 1996 года Коля Муравин погиб. Пешком прошедший Ямал на севере, Карпаты на юге, он утонул в реке в Нижегородской области. А через месяц после его смерти в журнале «Вокруг света» вышел его большой очерк «К староверам на Бирюсу, или Путешествие районного масштаба».

15. Лев Толстой и его поклонники из Иркутска

Великий писатель в Сибири никогда не был, но всегда неподдельно интересовался далеким и неведомым краем, подолгу беседовал с приезжавшими в Ясную Поляну сибиряками и был в курсе многих местных событий. Переписка и личное общение с сибирскими писателями и педагогами, врачами и общественными деятелями, представителями просвещенного купечества и чиновниками городских администраций немало помогла Толстому в работе над романом «Воскресение». Впрочем, интерес Льва Николаевича к Сибири не ограничивался только познавательными целями. На склоне лет он активно занялся тем, что позже назвали правозащитной деятельностью. Начав идейный конфликт с церковью и государством, автор «Войны и мира» вступился за тех, кто поплатился за свои убеждения свободой.

Письма в Иркутск

В 1897 году редактор самой популярной сибирской газеты «Восточное обозрение», издававшейся в Иркутске, Иван Попов получил от Льва Толстого письмо, в котором тот просил позаботиться о «хороших людях» — духоборах, ссылаемых с Кавказа в Якутию. Этих представителей одного из многочисленных ответвлений русского раскола можно назвать вольными коммунистами. Духоборы хоть и не бунтовали против царя, но отказывались платить подати, служить в армии, не признавали официальной церкви, отвергали не только частную, но и личную собственность, и самое главное, отрицали всякую земную власть, предпочитая ей небесную, а государственным законам — законы Христа, чем подавали «дурной» пример православному народу.

В свое время Николай I выслал общины духоборов в Закавказье в надежде на то, что этих опасных для самодержавия непротивленцев вырежут злые чечены. Но горцы, вопреки чаяниям Белого царя, не только не уничтожили миролюбивых тружеников, но и защищали их от набегов своих же разбойников-абреков. При

этом джигиты упорно не верили, что духоборы — христиане. По их мнению, христиане должны пьянствовать, воровать, лгать, у духоборов же нет ничего подобного. Правнук Николая I, Николай II решил довершить начатое прадедом «богоугодное» дело и приказал заморозить религиозных коммунистов в ледяной пустыне.

Лев Толстой принял горячее участие в судьбе людей, гонимых за веру, и передал в помощь им крупный гонорар за издание своих произведений, а также написал письма генерал-губернатору Восточной Сибири Александру Горемыкину, иркутскому губернатору Ивану Моллернису, купцам, полицейским чинам и частным лицам, в числе которых оказался и редактор Попов, с просьбой отнестись к духоборам с состраданием, поселить их в те места, где они могли бы заниматься земледелием, оказать им материальную и медицинскую помощь.

Одно из писем было отправлено управляющему делами торгового дома «Громова и сыновья» Митрофану Пихтину. «Дорогой Митрофан Васильевич! — обращался всемирно известный писатель к совершенно незнакомому человеку. — Из Батума едут к своим мужьям-духоборам, поселенным в Якутской области, их жены. До Иркутска едут на свои средства, от Иркутска же до Якутска они должны будут арестоваться и идти этапом. Если бы им был дан бесплатный проезд на пароходах, идущих по Лене, это было бы большое благодеяние. Об этом-то я и позволяю себе просить Вас».

Когда стало известно, что духоборов ссылают в Якутию, Толстому сообщили, что какой-то якут недавно окончил медицинский факультет Московского университета и собирается возвращаться на родину. Толстой просил разыскать этого якута и пригласил его к себе в Ясную Поляну. Им оказался 32-летний Прокопий Сокольников, который боготворил Толстого, сам стал в некотором роде толстовцем и сожалел, что в Якутии трудно быть вегетарианцем. Сокольников лично сопровождал духоборов

до места поселения, регулярно посылал Толстому подробные отчеты, а Попову — статьи в «Восточное обозрение».

Как иркутяне духоворотк встречали

В 1880-х годах религиозное вольнодумство Толстого приобрело немало последователей и в Сибири. Политические ссыльные не придавали творчеству писателя большого значения, предпочитая ему Успенского, Тургенева и Чернышевского, и обратили на Толстого внимание только после выхода в свет религиозно-философских трактатов «В чем моя вера» и «Исповедь». Еще две работы — «Критика догматической философии» и «Изложение Евангелия» — были запрещены и ходили в списках. Прогрессивная молодежь распечатывала их на гектографе и распространяла. Таким образом, Лев Николаевич тоже отметился в истории русского самиздата.

Иркутская купчиха Анна Громова владела несколькими пароходами на Лене и вела торговые дела в Якутии. Получив от своего управляющего Пихтина толстовское послание, она сразу распорядилась предоставить едущим в ссылку женщинам свой лучший пароход, который стоял на пристани в Жигалово. Стоит отметить, что почти все служащие у Громовой были «государственными преступниками», то есть политссыльными. Депутат французского парламента Жан Шафанжон, посетивший Иркутск в 1896 году, шутя спрашивал у Попова: «А сама Громова тоже из государственных преступников?»

Прибытие духоворотк ожидалось весной 1898 года. Их вместе с детьми насчитывалось более 100 человек. Иркутяне откликнулись на призыв Толстого и приготовили для них два дома, запасли топливо, провизию. Даже генерал-губернатор Горемыкин и иркутский губернатор Моллериус пожертвовали духовороткам по 100 рублей, а купцы давали значительно больше.

Духоворотки приехали в Иркутск на Пасху, и жители завалили их куличами и крашеными яйцами. Им пред-

стояло проплыть более 3000 верст на громовском пароходе, а городская администрация распорядилась выдать им подводы, чтобы проехать 250 верст до Жигалово. Духоборки благодарили за себя и своих мужей и просили передать благодарность «брату Льву Николаевичу».

Тюремщики-толстовцы

Толстой заботился не только о духоборах, но и о сектантах всех мастей. В одном из писем он просил Попова помочь некоему Чижову, сидевшему в иркутской тюрьме. «Я знаю его как человека искренних и твердых убеждений, за которые он перенес и продолжает нести тяжелые гонения, — писал Лев Николаевич. — Это человек в высшей степени почтенный, и мне бы очень хотелось всячески помочь ему. Я посылаю ему 25 рублей, которые будьте добры передать ему». Сектант ответил запиской: «Когда будете писать брату Льву Николаевичу, поблагодарите Ему от меня за те ко мне любовь» (орфография подлинника).

Редакция газеты «Восточное обозрение» и квартира Ивана Попова превратились в передаточный пункт, через который от Толстого к сидящим в тюрьме сектантам поступали деньги, вещи и книги. Попов вспоминал: «Обязательное имя великого писателя одинаково магически действовало и на тюремного надзирателя, который приносил мне письма из тюрьмы и отказывался брать плату за это, и на губернатора». Даже тюремный инспектор Александр Сипягин и начальник каторжного Александровского центра Иван Лятоскович охотно помогали выполнять поручения Толстого, передавали его письма узникам.

Губернатор Моллериус в шутку грозился Попову завести дело о конспиративной квартире в редакции «Восточного обозрения» и сношениях с арестантами. «Да что с вами поделаешь, когда сам граф Кутайсов (один из генерал-губернаторов Восточной Сибири — И.П.) готов возить письма Толстого, а про Сипягина и Лятосковича я уже и не говорю: они сами толстовцы».

Сипягин и Лятоскович действительно были необычными тюремщиками. При них Александровский централ стал образцовой тюрьмой, в которой исчезли розги, кандалы и даже заключение в карцер было отменено. Пища и одежда арестантов были таковы, что им завидовали вольные крестьяне. В тюрьме организовали несколько мастерских, треть дохода от которых шла на счет каторжан, открылась школа, были созданы театр и оркестр.

Идеалом Сипягина и Лятосковича был знаменитый доктор Гааз, помогавший узникам Петропавловки и Шлисельбурга. Сам Лятоскович за участие в польском восстании 1863 года был сослан в Сибирь и на себе испытал прелесть пенитенциарной системы. По отбытии наказания он поступил на службу в тюремное ведомство именно для того, чтобы облегчить участь заключенных. Когда в 1897 году в Александровский централ приехал профессор Дижонского университета Жан Легра и увидел, как Лятоскович дирижирует тюремным оркестром, он восхитился: «Это не тюремщик, а маэстро! Арестанты — не арестанты, а публика, аплодирующая артисту!».

Толстой и буддизм

Однажды Иван Попов посетил гусиноозерский дацан и услышал от его ширетуя (настоятеля) Гомбоева восторженные отзывы о Толстом, учение которого близко к учению Будды. В 1903 году Попов приехал в Ясную Поляну и впервые встретился с писателем лично, тогда как их переписка продолжалась уже девять лет. Попов был изумлен эрудицией Толстого по религиозным вопросам. Писатель резко высказался против насильственного обрусения сибирских аборигенов, с возмущением говорил о стеснениях, в которые поставлена ламаистская религия.

— Насилие никогда не достигает цели, а дает обратные результаты, — сказал он. — Но особенно оно возмутительно в делах веры. При всей своей симпатии к ламаизму Толстой неодобительно отзывался о «живых богах» —

перерожденцах. В то время ургинский Хутухта воплощал в себе душу тибетского святого Банчена, а Далай-лама из Лхасы — бодисатву Арья-боло.

— Насколько красив и поэтичен миф об Арья-боло, настолько безобразна идея воплощения, — заметил Толстой. — Духовенство всюду одинаково — высокую идею облекает в грубые реалистические формы, чтобы подавить мысль человека.

Лев Николаевич осуждал религиозного реформатора Цзонхаву, превратившего идейный буддизм в обрядовый и формальный ламаизм, и высоко ценил учение Сакья-Муни, в котором главное место занимали моральные истины.

Интерес к буддизму и ламаизму, индуизму и синтоизму сохранялся у Толстого до конца жизни, и изучение этих религий несомненно повлияло на его мировоззрение. Неудивительно, что несколько десятилетий спустя вождь индусского движения за независимость Махатма Ганди признавал Льва Толстого своим учителем и даже назвал его именем первую гандистскую коммуны.

16. Мирное братство

Островки душевного покоя

Среди проповедников безгосударственного общества Лев Толстой занимает видное место. И не только потому, что он великий русский писатель, но прежде всего потому, что первым понял и объяснил ненужность вооруженной борьбы ради достижения свободы. Страстная проповедь писателя против государственного насилия и церковного обмана дала всходы не только в среде интеллигенции. Тысячи рабочих и крестьян селились коммунарами, общинами и артелями, чтобы совместно трудиться, отказывались платить налоги и идти на военную службу. В 1920-е годы под Москвой были созданы Новоерусалимская коммуна имени Толстого и коммуна «Жизнь и труд».

Кого только не было среди коммунаров. Бывший «барин» и забитый нуждой мужик, забросивший свой диплом студент и солдат, не захотевший больше быть пушечным мясом, эсер-боевик и красный партизан, анархист и следователь ЧК, сектанты разных течений и городская учительница, рабочий оружейного завода и работница политотдела Красной Армии. Всех объединяла любовь не к человечеству и не к будущим поколениям, а к каждому человеку, живущему сейчас на грешной земле.

Основатель коммуны «Жизнь и труд» Борис Мазурин еще со школьной скамьи примкнул к большевикам. Его отец-толстовец пробовал говорить о непротивлении злу насилием, но сына тогда чуть не тошнило от слова «любовь». «Какая любовь, когда кругом враги!» — кричал он. В феврале 1921 года умер Петр Кропоткин. Студенты-анархисты устроили в Горной академии вечер его памяти. На вечере были и толстовцы. На вопрос студента Мазурина: «Какая разница между анархистами и толстовцами?» один из анархистов ответил: «Разница та, что толстовцы более последовательны, чем мы». Спустя год несколько молодых людей решили вести коллективное хозяйство. Среди них был и Мазурин.

Среди коммунаров были Ефим Сержанов и Швильпе, напоминавшие героев Андрея Платонова. Они называли себя всеизобретателями, спали по 2–3 часа в сутки, все делали своими руками, но мечтали создавать не только сеялки и молотилки, но и искусственные солнца. Хотели устроить межпланетные сообщения, сделать жизнь человека вечной, экспериментировали над своими организмами и даже изобрели собственный язык. Это были неистощимые выдумщики и прилежные работники, они не пили, не курили, не бранились, не знали с женщинами и были всегда веселы. Единственным их недостатком было чрезмерное увлечение трудом, что вызывало недовольство других коммунаров: «Работай, работай, даже почитать некогда!», «Коммуна “Жизнь и труд” — труд есть, а жизни нет!» Два чудака даже в анархизме придумали особое течение и называли себя экстархистами, то есть внегосударственниками. Через два года оба ушли из коммуны. Хозяйство поглощало все их время, а им хотелось изобретать. След этих необычных людей затерялся, и после их ухода лидером коммуны стал Борис Мазурин.

Он оставил Горную академию, чтобы полтора десятка лет отдать свободному труду, затем провести долгие годы в краю вечной мерзлоты и в конце жизни написать хорошую книгу о своих погибших товарищах. Нет, не о товарищах, а о братьях и сестрах — так они себя называли, хотя церковных догм никто не признавал. Толстовцы выступали против государственного насилия и смертной казни, тюрем и ссылок, против права собственности на землю, так как считали ее достоянием всех людей, но были и против насильственного гона крестьян в колхозы. Они признавали добровольный труд, не за зарплату и не из-под палки, но никому своего мнения не навязывали. Толстовские коммуны возникали повсюду — на Украине, в Киргизии, Башкирии, на Черноморском побережье, на Орловщине, Смоленщине, Брянщине, в Сибири. В коммуне «Жизнь и труд» жило свыше 500 человек.

Когда делегация толстовцев пришла к Сталину и просила не вмешиваться в их жизнь, он сказал: «В военном деле вы нам не помощники, а в мирном строительстве мы знаем вас как людей честных и трудолюбивых».

В кругу ненависти

Толстовцы были подлинными коммунистами и не могли понять, за что партия, именующая себя коммунистической, давит их повсеместно, не дает жить и работать, сажает в тюрьмы и расстреливает. Один из известнейших толстовцев Василий Янов еще при царе сидел в тюрьме за отказ идти на войну.

Освободившись после революции, молодой крестьянин решил искать правду в политических партиях и первым делом пошел к эсерам. С головой окунулся в чтение эсеровской литературы и «как ошпаренный выскочил оттуда. Но я еще верил, что есть другие благодетели крестьян и рабочих, пошел к большевикам и опять решил начать с книг. Я увидел, что эти партии создали себе каких-то воображаемых крестьян и рабочих, которых они возвеличивали на словах, а к живым людям относились, как и прежняя власть, на основе насилия и приказа.

Ожегшись на партиях, добивающихся власти над людьми, я пошел к анархистам, отрицавшим власть. К ним я всегда заходил свободно и просто. Ко мне здесь не предъявляли никаких требований, и я честно пользовался их литературой, которая меня обновляла своей высокой нравственностью и глубиной мысли. У них я увидел произведения Толстого. Я это место назвал не политическим притоном, а действительно свободным клубом, где широко охватывается вся человеческая жизнь и освещается разумной мыслью, тем обновляя мир людской». Крестьянин Янов, подлинный самородок, философ, никогда не жил в коммунах. Он предпочитал возделывать землю одной только лопатой, чтобы не мучить животных, но и этот безобидный человек был схвачен «благодете-

лями крестьян и рабочих» и заброшен в стылую Воркуту. Даже там он отказывался есть мясо и носить обувь и одежду из шкур животных.

Уже в 1960-х годах он писал: «Все политические движения признавали Толстого только тогда, когда он сидел в графском кресле с папиросой в зубах, описывая кровавую вражду между людьми. Но когда Толстой стал разоблачать все эти суеверия церкви, государства, науки — тогда они возненавидели Толстого. И в этой ненависти к Толстому сошлись и церковники, и монархисты, и черносотенцы, и революционеры, потому что в основе у них у всех было одно — насилие».

С началом коллективизации начался повсеместный разгром толстовских поселений. У коммунаров отбирали имущество, урожай, закрывали их школы и детские сады, арестовывали общинников как классовых врагов. Один из старых толстовцев писал после разгрома своей коммуны:

Чем толстовцы провинились
Пред свободною страной?
За что прав своих лишились
Жить в коммуне трудовой?
Может, в том лишь провинились
Пред свободною страной,
Что по совести стремились
Жить, как учит Лев Толстой?

Путь на красную Голгофу

Уцелевшие коммунары обратились во ВЦИК с просьбой разрешить им переселиться в Сибирь на неосвоенные земли и начать все сначала. Старый друг и секретарь Толстого В.Г. Чертков обратился за помощью к Калинин, и «всесоюзный староста» уважил просьбу известного литератора. В 1930 году обобранные до нитки мирные

труженики получили разрешение переселиться в Томскую область.

Со всей страны потянулись в Кузнецкий (тогда Сталинский) район коммунары, еще не павшие под серпом коллективизации. Ехали уральцы из артели «Мирный пахарь», волжане из общины «Всемирное братство». Центром притяжения переселенцев стала коммуна «Жизнь и труд», в которую влились члены разгромленной Новоерусалимской коммуны. В первое же лето на Томь переселилось свыше тысячи человек. Начали с нуля, с землянок. Местные власти сначала не воспринимали коммунаров всерьез, но когда уже через два года толстовцы сняли урожай, какой и не снился государственным колхозам, забеспокоились.

Вначале они попробовали превратить коммуны в обычный колхоз, а когда это не удалось, обложили ее непомерным налогом. Несмотря на это, толстовцы не голодали, сумели построить к концу 1934 года 35 домов, столовую, баню, провести водопровод, обзавелись библиотекой и радио. Появились мельница, кузница, хлебопекарня, теплица, парники и зерносушилка. Эти люди умели работать и отдыхать. По выходным устраивались танцы и хоровые пения, но ни брани, ни спиртного не было и в помине. Это были действительно лучшие представители народа, хотя и не имели на груди ни церковных, ни Георгиевских крестов.

Начиная с 1935 года коммунаров вновь стали арестовывать. Забирали молодежь за отказ от военной службы. Председатель совета коммуны Борис Мазурин писал много лет спустя: «Отказывается в фашистской Италии молодой человек брать оружие — карают, отказывается в царской России — карают, отказывается у нас в Советском Союзе — карают, отказывается в “свободной” Америке — карают. Страны разные, а отношение к людям одинаковое, и слова-то везде одинаковые — “изменник Родины”».

Коммуна продолжала жить и работать, хотя уже закрыли школу, арестовали учителей и членов выборного

совета коммуны, нагло выгребали сено и урожай. Взрослых работников становилось все меньше. На допросах толстовцы вели себя с достоинством. Многие отказывались добровольно идти на допрос, в суд, в тюрьму. Они ложились на землю и говорили мучителям: «Мы не хотим развращать вас своей покорностью». Их тащили волоком, реже — на руках. Они не отвечали на оскорбления, не сопротивлялись побоям. Когда над ними издевались, они умолкали, и никакая сила не могла заставить их говорить. Если же с ними говорили по-человечески, они отвечали прямо, не таясь.

Допрашивает следователь толстовца, в прошлом солдата германской войны, Георгиевского кавалера, прозревшего после страшной бойни, воткнувшего штык в землю и пошедшего в царские тюрьмы:

— Признаешь ли ты Советскую власть?

— Я не признаю никакой власти насильственной.

— И Советской?

— Никакой!

И это в 1937 году! Многие ли «железные коммунисты» обладали таким мужеством?

Сотни толстовцев погибли в лагерях. Оставшиеся в живых были расстреляны в 1941 году за отказ брать в руки оружие. Коммуна «Жизнь и труд» погибла в 1939 году, когда ее, обескровленную, превратили в рядовой колхоз. Женщина-коммунарка, работавшая в этом колхозе, рассказывала: «Стали мы все — бабы — воры, вся жизнь пошла на воровство. Мужиков нет, детей кормить нечем. Ну и тащишь все. Вот поэтому-то я и не хотела, чтобы дети в колхозе оставались, приучались к воровству».

Позже толстовцы, выжившие в лагерях, писали, что учение так называемых коммунистов удивительно походит на учение церковников, которые предлагают на земле терпеть лишения и беды, обещая за гробом вечное блаженство. Толстовцы исповедовали «царство Божие» на земле и хотели достичь идеала в этой жизни. А мо-

Мирное братство

жет быть, и достигли? Что дало им такую силу, которую не сломили ни царские тюрьмы, ни большевистские пули и лагеря?

Толстовцы были анархистами-коммунистами и не поклонялись ни власти, ни деньгам. Сейчас это уже не модно. Коммуна — плохо, частная собственность — хорошо, анархия — хаос, бряцание оружием — патриотизм, любовь к государству — священный долг, хождение в церковь скоро станет обязанностью. Мне же ближе и родней эти идеалисты. Светлая память вам, сильные Духом!

Часть вторая
XX век

1. Сибирская махновщина

Многие десятилетия советские историки старательно замалчивали наличие некоммунистических сил в партизанском движении в годы гражданской войны. Левые некоммунистические силы, боровшиеся против белых, фактически были лишены звания революционеров на том основании, что их понимание революции и социальной справедливости расходилось с коммунистическим. Но на самом деле все было иначе. Далекое не все рабочие и крестьяне воевали за свои права под красным знаменем, а если и под красным, то не обязательно с коммунистической символикой. У социалистов-революционеров тоже было красное знамя с надписью: «В борьбе обретешь ты право свое!» Немалая часть трудящихся шла в бой под черным знаменем свободы, справедливости и памяти жертв капитала — знаменем анархистов. Красные победили не потому, что большинство народа пошло за ними, а потому, что это большинство пошло против белых. В те годы это было очевидно даже для многих коммунистов.

Еще в октябре 1918 года один из руководителей сибирских коммунистов А.А. Масленников сообщал в ЦК РКП(б): «К сожалению, восстания начинаются без нашего руководства».

О вожаке и подлинном символе широкого движения Юга России и Украины — Несторе Махно написано немало. В последние годы появились серьезные исследования, очищающие имя этого человека от наслоений грязи и клеветы, показывающие истинную роль батьки Махно и его крестьянской армии в гражданской войне.

Но мало кому известны крупные вооруженные выступления анархистов Западной Сибири на территории нынешнего Кузбасса, входившего в то время в состав Томской губернии. В те годы на Кузнецкой земле гремели имена Г.Ф. Рогова, И.П. Новоселова, И.Е. Сизикова, А. Белокобыльской, П.Ф. Леонова, Табашникова, Масленникова и других анархистов, а также многих народных бунтарей — стихийных анархистов — таких как П.К. Лубков.

Кузбасс — шахтерский край. Он был вотчиной анархистов и во времена правления белых, и в годы восстановления Советской власти. Шахтеры и крестьяне-середняки послужили основой партизанских народных армий.

Начало борьбы

Гражданская война в Сибири началась с мятежа чехословацкого корпуса. Состоящий из бывших военнопленных, в связи с Брест-Литовскими переговорами и по соглашению с державами Антанты он был объявлен 15 (28) января 1918 года автономной частью французской армии. Это предопределило известную свободу действий чехословаков в Сибири.

Мятеж белочехов начался в Кузбассе, в уездном городе Мариинске, где стоял их крупный отряд. Их поддерживали белогвардейское подполье и правые эсеры. В течение июня–августа Советская власть была свергнута по всей Сибири. Первое время после переворота обстановка была сложной и получила наименование «демократической контрреволюции». Формально была провозглашена демократическая республика, возникли буржуазно-демократические правительства: Комуч, Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское правительство, а позднее — Всероссийская Директория. Первое время не были запрещены профсоюзы, демократические свободы, даже Советы. Но все левые партии были разгромлены и поставлены вне закона. В тюрьмах и концлагерях находились десятки тысяч коммунистов, левых эсеров, максималистов, социал-демократов-интернационалистов, анархистов и беспартийных сторонников Советской власти. Часть левых руководителей была физически уничтожена, а для подавления выступлений трудящихся власти регулярно использовали военную силу.

Крестьяне первоначально встретили свержение Советской власти равнодушно. В Сибири никогда не было помещичьего землевладения, поэтому основа влияния

большевиков в деревне — «Декрет о земле» — ничего нового не дал сибирским крестьянам. Первое время они даже помогали вылавливать скрывающихся красноармейцев. Поддержали переворот только кулаки — основные держатели товарного хлеба в Сибири. Они пострадали от «твердых цен» и введенной весной 1918 года Советской властью хлебной монополии. Но даже и кулачество пострадало в основном лишь вблизи городов и транспортных путей.

А «корабль сибирской контрреволюции» ощутимо несло вправо. Правые газеты требовали «железной руки», открытой военно-террористической диктатуры. На территории белых росли цены, разгул спекуляции ощутимо ударил по широким слоям города и деревни, вызывая всеобщее недовольство. Был объявлен сбор податей за несколько лет. В августе началась принудительная мобилизация в Сибирскую армию. Подавляющее большинство крестьян встретило ее резко отрицательно. В ответ власть обрушила на уклоняющихся от мобилизации и их родственников репрессии. Под порки, реквизиции и прочее насилие попадали также и кулаки.

В результате переворота 18 ноября 1918 года в Омске была установлена диктатура. Верховным правителем стал ставленник англичан адмирал Колчак, хорошо известный своими монархистскими взглядами. Известный западный историк-советолог Э. Карр еще в 1950-х годах дал ему объективную оценку: «Колчак восстановил против себя все российские партии, кроме правых, своей беспощадностью к политическим противникам и варварскими карательными экспедициями, которые предпринимались для подавления крестьянских волнений».

Отвечая на репрессии, сибирские крестьяне и рабочие широко развернули партизанскую войну. В этом, наряду с другими левыми течениями и группами, большую организационную и политическую поддержку трудящимся оказывали и анархисты.

Благоприятствовал деятельности идейных анархистов в деревне стихийный анархизм сибирского крестьянства. Борясь против Колчака, большая часть крестьян вовсе не стремилась восстановить Советскую власть. Они боролись против любой власти, закономерно попадая при этом под влияние и руководство идейных анархистов. Подобные отряды имелись во всех районах Сибири на протяжении всего времени борьбы против белых.

Одним из первых в Сибири организовал подобный отряд крестьянин деревни Святославка Мариинского уезда Томской губернии Петр Кузьмич Лубков. Осенью 1918 года партизаны провели первую операцию — нанесли удар по эшелону чехов на станции Мариинск, после чего отошли на станцию Антибес. В декабре 1918 года в село Малопесчанка был послан карательный отряд для разгрома лубковцев. В бою были убиты командир карателей поручик Колесов и двое солдат. Позже, в бою около Святославки партизанами был уничтожен отряд прапорщика Соколовского. Однако мятежники тоже несли потери. Спойв партизан самогоном, кулаки сообщили об их отряде карателям в Ново-Кускове и Вороновой Пашне. В бою лубковцы потеряли несколько человек. В августе 1919 года партизаны несколько раз устраивали крушения колчаковских эшелонов в районе станции Иверка.

Самыми активными отрядами в Западной Сибири были отряды Г.Ф. Рогова и И.П. Новоселова. Григорий Федорович Рогов до войны имел исправное крестьянское хозяйство, работал «приказчиком казенной водки» и подрядчиком по строительству церквей. В мировую войну служил в железнодорожном батальоне. Вернулся в 1917 году домой в звании зауряд-прапорщика. Вскоре жители Мариинской волости доверили ему быть их делегатом на Томском съезде Советов. А позже он стал членом Алтайского губернского земельного комитета. После прихода белогвардейцев он скрылся в тайге и организовал партизанский отряд. К осени его отряд вырос до 5000

человек и освободил 18 волостей! Но барнаульский большевистский комитет решил провести большевизацию отряда, а при неудаче — отколоть от него «здоровую» часть. Для этой цели в отряд были посланы 12 коммунистов во главе с «Анатолием» (М.И. Ворожцовым). Рогов решительно воспротивился интригам коммунистов и выгнал их из отряда. Коммунисты сумели увести с собой большую часть партизан и образовали из них Чумышскую партизанскую дивизию.

В Кузнецком уезде Томской губернии к осени 1918 года образовалась подпольная крестьянская группа, руководимая анархистом И.П. Новоселовым и близкими к нему по политической позиции В.П. Шепелевым и К. Кузнецовым (Хмелевым).

Иван Панфилович Новоселов родился в деревне Буерак Кузнецкого уезда в семье крестьян-бедняков. В годы Первой мировой войны был на фронте санитаром. Вернулся с фронта убежденным анархистом. Привез в деревню чемодан книг Бакунина, Прудона, Кропоткина. Дома организовал сельскую коммуну «Анархия» и стал делопроизводителем рабочего Совета Гурьевского завода. С весны 1918 года поддерживал связь с Томским союзом объединенных анархистов и сотрудничал в газете «Бунтовщик».

Делегированный на Первый Кузнецкий съезд Советов, он еще в 1918 году отмежевался от активных сторонников Советской власти. Невысокого роста коренастый человек поднялся и заявил: «На съезде я участвую как анархист. Я во многом не согласен с Лениным и Троцким и вообще с большевиками. Сейчас нужна анархия — полное разрушение всего». Советская власть тогда равнодушно отнеслась к анархисту Новоселову, но белые не склонны были терпеть такое свободомыслие.

После свержения Советской власти коммуна была разгромлена карателями и местными кулаками; ее члены подверглись истязаниям, в том числе и близкие родствен-

ники Новоселова: жена, брат, мать и тесть. Сам Новоселов был арестован, содержался восемь суток в камере смертников томской тюрьмы. При транспортировке заключенных из Томска в Новониколаевск (ныне Новосибирск), на перегоне между станциями Юрга и Болотное Новоселов выпрыгнул на полном ходу ночью из окна поезда и, несмотря на выстрелы конвоиров, скрылся. Вернувшись в село, он сколотил группу из бывших членов своей коммуны «Анархия», всего около 10 человек. Первое время группа скрывалась в тайге, собирая силы и не ведя активных действий.

Вскоре подобные группы появились и в других местах. На Алтае действовал отряд под началом анархиста Захара Воронова (Трунтова). Интересно, что этот анархист был не только зажиточным крестьянином, но и регентом местной церкви. Другой крестьянский вождь — Иван Гарагулин — участник революции 1905 года, бывший политссыльный.

В Горном Алтае активным организатором сопротивления колчаковцам стал анархо-синдикалист И.Я. Третьяк, прибывший осенью 1918 года в Сибирь из США, где с 1908 года находился в эмиграции и был членом анархистской Федерации русских рабочих. В 1919 году И.Я. Третьяк стал одним из самых известных партизанских вожаков в Сибири.

Уже к началу 1919 года анархисты создали и возглавили 15 крупных партизанских отрядов в Томской, Алтайской, Енисейской, Иркутской губерниях и в Забайкалье. К активным действиям перешла и группа Новоселова. В конце 1918 года она насчитывала 12 человек. Вначале партизаны разгромили выследившую их на заимке кулацкую дружину, а потом с боями двинулись по уезду, расправляясь с колчаковцами и их пособниками-кулаками, по дороге обрастая людьми и оружием.

В конце апреля 1919 года Новоселов соединился на прииске Драга с небольшим отрядом В.П. Шепелева.

Объединенными силами партизаны попытались захватить прииск Центральный, но потерпели неудачу и ушли в тайгу. В мае отряд с боями переместился в Мариинский уезд. Вскоре его численность достигла 300 бойцов. В июне отряд наконец захватил прииск, а затем переместился в Кузнецкий уезд. Позже, уже в Барнаульском уезде повстанцы соединились с отрядом левого эсера Г.Д. Шувалова (Иванова), твердо стоявшего на советской платформе. Командиром остался Новоселов. В ряде боев отряд нанес белым несколько поражений, но под напором превосходящих сил врага отступил в Причерный край (стык Барнаульского и Бийского уездов), где в начале июля соединился с небольшим отрядом Г.Ф. Рогова. К июлю в объединенном отряде насчитывалось 600 бойцов. Он состоял из трех рот под командованием Шевелева, Шувалова (Иванова) и Кузнецова (Хмелева). При этом командиром остался Новоселов, что свидетельствует о его авторитете и влиянии среди партизан, ведь командир избирался на общем собрании бойцов. Походной песней отряда стал «Марш анархистов», бывший до объединения маршем в отряде Новоселова:

Спойте же песню под громы волнений,
Под пули и взрывы, под пламя борений,
Под знаменем черным гигантской борьбы,
Под звуки набата — призывной трубы.
Возьмемте дворцы и разрушим кумиры!
Сбивайте оковы, срывайте порфиры:
Довольно покорной и рабской любви!
Мы горе народа потопим в крови.
Восстала, проснулась Народная Воля
На стоны Коммуны, на зов Равашоля,
На крики о мести погибших людей
Под гнетом буржуев, под гнетом цепей.
Их много — о, правда! — нуждою забытых,
Их много по тюрьмам на плахе убитых,

Их много — о, правда! — служивших тебе
И павших геройски в неравной борьбе.
Их стоны витают под небом России,
Их стон раздается, как рокот стихии,
Звучит он в Сибири, в неволе глухой,
И нас вызывает на доблестный бой.

В отряде было два знамени: красное, на котором настаивал Шувалов, и черное, которое требовал сделать отрядным Новоселов. Сошлись на компромиссе. Объединенный отряд пытался с ходу взять Кузнецк (ныне Новокузнецк), чтобы освободить политзаключенных, но вынужден был отступить перед превосходящими силами колчаковцев. Из-за разногласий отряд в конце концов разделился на три части. Новоселовцы действовали самостоятельно в течение сентября, не идя на соединение с другими отрядами. В середине октября отряд Новоселова, в количестве до 100 бойцов, вновь появился в Причерномском крае, с ходу вступив в бой и усилив отряд Г.Ф. Рогова в бою за село Сорокино, что и решило исход боя в пользу партизан. «Этот отряд мы приняли с охотой, — свидетельствовал партизан Голкин. — Новоселов был храбрый малый, боец довольно решительный и, надо отдать справедливость, имел стратегические соображения, может быть, лучше, чем кто-нибудь из нас». Вместе с Роговым Новоселов воевал против белых до прихода Красной Армии.

Он был прирожденным оратором, вел со своими сторонниками агитацию в селах и городах, устраивал публичные диспуты с коммунистами, даже сумел увлечь за собой своего боевого товарища Рогова. Походной песней объединенного отряда оставался «Марш анархистов», а впереди развевалось черное знамя с надписью «Анархия — мать порядка!» За год своего существования отряд прошел рейдами несколько тысяч километров по Алтаю и Кузбассу, выдержав десятки боев с белыми.

Популярно излагая крестьянам свою программу, Новоселов говорил: «Богачей и буржуев долой, а все другие должны организовать в трудовые федерации. Продукты заводской промышленности будут вымениваться на те продукты, какие имеются в коммуне и в каких нуждается фабрика. При таком обмене деньги отпадают, и их можно совсем изъять. Когда падет Барнаул, придут российские, но мы не остановимся — мы будем дальше идти». На вопрос: «Воевать за что? Ведь власть Советов уже добыли», Новоселов отвечал: «Нет, мы не будем останавливаться, пойдем дальше — к анархии. Всякая власть есть гнет, и Советская власть — тоже гнет. Пусть кто хочет, топчется с ней на одном месте. А мы весной сделаем восстание, будем резать ревкомы и комячейки». Новоселов действительно был толковым анархистом и видел далеко вперед.

В ночь со 2 на 3 декабря 1919 года восстали местные воинские части в городе Кузнецке. Убив несколько офицеров, «восставшие» разбежались. Власть в городе захватил ревком, но его положение было весьма шатким — к городу стягивались карательные части. Ревком обратился за помощью к партизанам-анархистам.

12 декабря в Кузнецк вошел двухтысячный объединенный отряд Рогова и Новоселова. Партизаны сразу же оцепили город и разоружили вооруженные формирования самозванного ревкома. Трое суток длилась знаменитая «роговская чистка». Смертные приговоры были вынесены чиновникам, служившим в органах власти в 1918–1919 годах, колчаковским офицерам и другим людям по жалобам населения. Попутно зарубили местное духовенство, торговцев, кулаков — всего около 300 человек. Одновременно отряд провел основательную реквизицию. Рогов одобрял: «Пользуйтесь, мои партизаны, народным достоянием. Народ воздвигал, народ уничтожил, народ воздвигнет!» Рогов нанес визит в ревком, где его ждали. Он сказал: «Хотя и пришел в ревком, но я не ваш.

Я беспощадно рубил врагов трудящихся и буду рубить. Также буду бороться с Лениным и Троцким... Всякая власть является ярмом трудящихся... Углубляй революцию, не давай ей погаснуть, поджигай мировое пламя под черным знаменем анархии!» Вскоре отряд Рогова двинулся на север в направлении Кольчугино (ныне Ленинск-Кузнецкий) — Щегловск (ныне Кемерово). Молниеносным ударом Щегловск был взят. В этом районе роговцы соединились с частями Красной Армии.

До сентября 1919 года в составе отряда Новоселова действовал его ближайший сподвижник Корнил Кузнецов (Хмелев). Затем он действовал самостоятельно и в составе отряда Лубкова, а также в составе Томской партизанской дивизии (декабрь 1919 года). В этой дивизии, или как ее еще именовали, «армии трех уездов», Кузнецов стал начальником штаба.

В Горном Алтае развернулось мощное партизанское движение, возникло партизанское соединение под командованием И.Я. Третьяка.

Небольшая группа анархистов действовала также и в столице Колчака — Омске. Она появилась весной 1919 года и действовала в тесном контакте с большевистским подпольем. В апреле 1919 года антиколчаковское подполье для добычи средств на свою деятельность разработало план совершения экспроприаций. Для этой цели в Омск из Иркутска прибыл анархист-коммунист Лосин (Александров), из Челябинска — анархисты Пермяков, Китаенко, Костин и из Тары — анархист Васильев. В ночь с 31 мая на 1 июня 1919 года ими был осуществлен «экс» конторы «Продпуть», откуда они изъяли до 400 тысяч рублей. В документах колчаковской контрразведки об этом сказано: «...грабители собственных денег служащих не брали, так как они идейные анархисты, а когда их попросили оставить расписку о похищении 285 тысяч рублей, то главарь шайки заявил, что свидетелей слишком много, а потому деньги попадут по назначению

и расписка излишняя». Несмотря на удачное завершение экспроприации, 2 июня Пермяков и Лосин (Александров) были арестованы. В пьяном виде они устроили дебош в тракторе, отстреливаясь, пытались скрыться, но были задержаны милицией. В ходе допросов они признали свое участие в ограблении, но категорически отказались выдать товарищей.

В рядах партизанской армии Е.М. Мамонтова анархисты были в отрядах зиминских (алейских) и каменских партизан, а также в Четвертом крестьянском корпусе М.В. Козыря. Политические взгляды самого Козыря были расплывчаты и представляли собой нечто среднее между левоэсеровскими и анархистскими, но многие командиры и даже комиссары в его корпусе были анархистами.

Среди руководителей вспыхнувшего в августе 1919 года Зиминского восстания двое были анархистами, причем один из них — И.И. Царев — входил в штаб повстанцев. По словам коммунистов, повстанцы «крепко усвоили анархистский демократизм» в Алейском партизанском отряде П.К. Чаузова. Целями борьбы руководители алейских партизан называли «свободу, равенство и братство», что, с точки зрения большевиков, было «искажением политических лозунгов».

В южном Прибайкалье организатором первого бурятского партизанского отряда стал анархист П.С. Балтахинов.

На северном участке партизанской зоны Е.М. Мамонтова действовала группа сторонников активного организатора партизанского движения, начальника штаба Северного фронта З.С. Воронова (Трунтова).

В период борьбы против белых цели анархистов были предельно ясны и конкретны: сопротивление белогвардейскому режиму, организация с этой целью партизанского движения и подполья, свержение колчаковщины или содействие Красной Армии в ее разгроме. Большин-

ство анархистов Сибири боролось за эти цели без всякого руководства, сообразуясь с реальной обстановкой и революционной совестью. А вот вопрос о том, что делать после победы над Колчаком, вызывал затруднения и разногласия. Но большинство анархистов и находившихся под их влиянием повстанцев отрицали всякую государственную власть как угнетение народа. Поэтому и Советскую власть они воспринимали не по-коммунистически: они видели в Советах негосударственные органы местного самоуправления независимых ассоциаций тружеников — «вольные советы». Они выражали желание большинства сибирских крестьян: «Ни Ленина, ни Колчака!» Несколько десятков тысяч сибирских партизан из более чем 140-тысячной партизанской армии разделяли подобные взгляды.

К началу 1920 года с Красной Армией в Сибирь вернулась Советская власть. К этому времени она стала еще более жесткой, централизованной и, фактически, однопартийной. В связи с этим, между большевиками и анархистами сразу же начались разногласия.

Приказом Сибирского походного ревкома все Советы, возникшие в партизанских районах, объявлялись распущенными. Вместо них назначались ревкомы до выборов новых Советов. В ревкомы не допускались представители других партий, кроме большевистской. Также большевики потребовали разоружения партизанских частей, ликвидации их самостоятельности и замены выборных командиров назначенными. Неподчинившиеся отряды и их командный состав предлагалось беспощадно карать. Главным автором этого приказа был председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий. Большевики не учли, что большинство партизанских вожakov были анархистами, и за год войны крестьяне накрепко усвоили «анархистский демократизм». Уже в конце 1919 года командир Четвертого крестьянского корпуса М. Козырь, находясь в Семипалатинске, выдви-

нул лозунг: «За Советы без коммунистов! Да здравствует вольный труд!» Красные знали, что в окружении Козыря много анархистов, и поэтому отстранили его от командования. Он не подчинился, прибыл с частью своего корпуса в Усть-Каменогорск и призвал крестьян к неповиновению ревкомам. Состоялось общее собрание гарнизона, на котором была принята антикоммунистическая резолюция: «Мы отдадим все наши силы на создание истинной рабоче-крестьянской Социалистической Советской власти! Крестьянская армия твердо заявляет, что она никому не позволит посягнуть на свои права — права самостоятельного устройства жизни. Нам, крестьянам, не нужно никакой власти, нам нужно народное право!» Конфликт не перешел в вооруженное столкновение — партизаны и красноармейцы все еще считали себя братьями по оружию. Но недовольство осталось. Оно постоянно подогревалось систематическими просчетами большевиков. Например, во многих ревкомах на руководящие должности большевиками были назначены кулаки, которые во времена колчаковщины помогали белым против партизан. Во многих частях вновь назначенные красными командиры сплошь и рядом оказывались бывшими колчаковцами, и мало того — бывшими карателями! Например, в Семипалатинске на командные должности были назначены бывшие офицеры, подавлявшие повстанческое движение в Славгородском уезде. А в Минусинске начальником конного запаса стал Черкашин, хорошо известный партизанам как жестокий палач. Вызывали недовольство партизан-красноармейцев и высокие оклады, установленные командирам и комиссарам.

Негодовали на произвол ЧК, преследовавший всех хоть в чем-то недовольных новой властью. Пытаясь оторвать признанных вожаков от основной массы партизан, большевики надеялись подкупить их высокими постами в госаппарате, причем, как правило, связанными с отъездом из родных мест, но крестьянские вожди не клюнули

на эту приманку. Рогов, Мамонтов, Лубков, Третьяк и другие отказались от предложенной чести, ссылаясь на слабое здоровье. На самом деле народные вожди не хотели сотрудничать с притеснителями народа — красными комиссарами. У крестьян к тому времени сложилось впечатление о новой власти: «Это не большевики, а волки в овечьей шкуре. Это агенты Колчака!»

Имевшие собственное мнение, большой авторитет в массах и постоянно протестующие против произвола партизанские вожди неоднократно арестовывались ЧК, что вызывало недовольство, а часто и открытый протест рядовых партизан. Так, в 1919–1920 годах аресту подвергались Г.Ф. Рогов, И.П. Новоселов, П.К. Лубков, А.Д. Кравченко, Е.М. Мамонтов, И.Я. Третьяк.

В конце декабря 1919 года за отказ подчиниться приказам начдива 35-й дивизии Неймана были арестованы и под конвоем отправлены в Кузнецк Рогов и Новоселов, а Первая Томская партизанская дивизия в окрестностях деревни Барачаты разоружила их отряд — своих товарищей по оружию — анархистов. Из Кузнецка в начале января 1920 года Рогова и Новоселова отправили в Новониколаевск. По дороге Новоселову удалось договориться с конвойными — бывшими партизанами — и вместе с ними бежать. Рогов же после избиений в Новониколаевской тюрьме был выпущен до суда, чему способствовали массовые протесты его бывших подчиненных.

В феврале 1920 года в Мариинском уезде был арестован Лубков. Причиной ареста послужил отказ Лубкова и части партизан сдать оружие и попытка сохранить отряд как отдельную боевую единицу. За это он был приговорен к пяти годам принудительных работ с отсрочкой приговора на шесть месяцев. Надо полагать, этот «мягкий» приговор был «благодарностью» коммунистов за борьбу Лубкова против Колчака.

В конце концов все это привело к тому, что в 1920 году по всей Западной Сибири один за другим начали

вспыхивать антисоветские мятежи. Бывшие партизаны составили ядро формирований Г.Ф. Рогова, И.П. Новоселова, П.К. Лубкова, Ф.Д. Плотникова — своих партизанских командиров периода борьбы против белых.

Первыми восстали в Причерном крае. Подготовила восстание группа известных партизанских командиров-анархистов — Г.Ф. Рогов, И.П. Новоселов, И.Е. Сизиков, П.Ф. Леонов. Затем в конце июня восстали селения степного Алтая. Далее произошли Кольванский мятеж и восстание в Усть-Каменогорске, в 20-х числах сентября — восстание в Мариинском уезде.

В отличие от других крестьянских выступлений времен гражданской войны, большинство из этих мятежей не были вызваны продовольственной политикой большевиков. В то время Советская власть в Западной Сибири была еще слаба и, видимо, не рисковала широко распространять продразверстку. На волости, ставшие исходным пунктом роговского выступления, разверстка хлебофуража либо не назначалась, либо была в них минимальной. Восстание было реакцией на принудительное разоружение и расформирование партизанских отрядов Причерного края, а также на создание назначенных сверху ревкомов вместо выборных Советов, использование в ревкомах и армии буржуазных спецов, бывших колчаковцев и карателей. Добавилось также нежелание партизан служить в Красной Армии, воевать на советско-польском фронте, а затем уже отказ принять продразверстку.

Перед мятежом большую подготовку провели анархисты во главе с Новоселовым. Бежав из Новониколаевской ЧК, Новоселов ездил по деревням Причерного края, выступая на собраниях с выпадами против коммунистов.

Здесь он нашел много добровольных помощников. «Революция не кончена, и мы на полпути не остановимся», — говорил Новоселов. В результате деятельности анархистов в Мариинской волости не было создано ни одной коммунистической ячейки, деятельность рев-

кома власти была парализована, а значительная часть населения прониклась антисоветскими и антикоммунистическими настроениями. Еще до начала восстания Новоселовым была создана Федерация алтайских анархистов (ФАА) с целью идейного руководства восстанием. Ядром ФАА стали, вместе с Новоселовым, партизанские командиры — Леонов, Соколов, Некрасов, Габов, Мурзин, Возилкин, Сизиков. В деятельности Боевой комиссии ФАА принимал участие и Рогов. Вокруг них группировались десятки и сотни ветеранов антиколчаковской борьбы и даже зажиточные верхи деревни.

Лозунгами ФАА стали: «Анархия — мать порядка», «Долой власть», «Бей гадов». Под гадами понимались все угнетатели трудового народа — от колчаковцев до компартии. Компартия обвинялась в буржуазном перерождении, в грабежах и расстрелах крестьян, в том числе и вчерашних красных партизан.

ФАА имела сочувствующих и агентуру в местном советском и партийном аппарате, в армии, ЧК, в милиции, часто укомплектованной бывшими партизанами-роговцами. В ходе восстания многие милиционеры присоединились к роговцам.

Боевые действия начались 3 мая. За несколько дней повстанцы заняли села Кытманово, Тогоул, Уксунай и ряд других. Повсюду разгонялись ревкомы, Советы, громились милицейские участки. Наиболее одиозные представители власти уничтожались. С другой стороны, репрессиям подверглись и бывшие каратели-колчаковцы, священнослужители, спекулянты. Общая численность восставших составила в первые дни около тысячи человек. В движении приняла участие даже часть сельских коммунистов.

Коммунисты отреагировали на восстание стандартно. Алтайский губревком 8 мая опубликовал приказ «О борьбе с Новоселовскими бандами». В нем руководители восставших были объявлены изменниками

и белогвардейцами. Были приняты все меры к военной ликвидации восстания. В Кузнецк прибыл советский карательный батальон, одна из рот которого состояла из самых жестоких карателей гражданской войны — китайцев. Три колонны каратели направились навстречу восставшим.

Повстанцы постоянно уклонялись от боя. Это объяснялось как относительной военной слабостью восставших, так и нежеланием проливать кровь вчерашних соратников по борьбе. Кроме того, многие красноармейцы сочувствовали восстанию, и ревком просто боялся двинуть их в бой, опасаясь перехода частей на сторону повстанцев.

В конце мая отряды Новоселова и Рогова соединились и начали действовать вместе. В нескольких боях в июне отряд был рассеян на мелкие группы, но борьба не прекращалась. 20 июня отряд красных настиг одну из таких групп, в которой был Рогов с женой. В перестрелке жена Рогова погибла, но раненому Рогову с несколькими товарищами удалось уйти. Однако 3 июля кулак села Евдокимово выдал властям местонахождение повстанцев. В перестрелке с чоновцами Рогов был еще два раза ранен и, не желая сдаваться, застрелился. Правда, существует версия, что он был расстрелян на месте председателем местного волревкома.

После гибели Рогова повстанцы под командой Новоселова сражались еще до весны 1921 года.

Самым крупным из восстаний 1920 года за пределами Алтая было Колыванское. В начале июля повстанцы захватили город Колывань Томской губернии (ныне Новосибирская область), где был создан «повстанческий окружной временный исполком». Через районные и волостные штабы он провел мобилизацию 18–45-летних крестьян в строй, а 46–60-летних — в гарнизоны. В движении участвовало до 6000 человек. Как и при других восстаниях, истреблялись комячейки, Советы очищались

от коммунистов. Были предприняты попытки перерезать транспортные артерии — повстанцам удалось прервать пароходное сообщение по Оби. 10 июля части Красной Армии отбили Кольвань и взяли в плен исполком. После этого руководство восстанием перешло в руки крестьянского «Вьюнского комитета» в селе Вьюны. Комитет сумел продержаться только 10 дней. После поражения большая часть повстанцев вернулась домой, а руководители ушли в тайгу.

Известие о наложении на деревни Алтая новой хлебной разверстки в 30 миллионов пудов подогрело в них повстанческие настроения. К августу 1920 года выросли и оживились отряды Новоселова, Плотникова и Смолина.

Новоселов совершил смелый рейд из тайги на Бийскую железнодорожную ветку и обратно.

Плотников и Смолин увязли в стычках с сельскими коммунистическими ячейками и погибли в конце октября 1920 года.

В октябре 1920 года Новоселов сделал попытку примирения с Советской властью. Он вел переговоры о сдаче и отправке его на фронт, но, узнав о репрессиях по отношению к сложившим оружие, так и не пришел с повинной.

Продолжая борьбу, в январе 1921 года Новоселов организовал новое восстание — в районе Жуланихи — бывшем эпицентре антиколчаковской борьбы. Вскоре оно распространилось на 16 волостей Алтайской губернии. Разоружив без выстрела 26-й кавполк 26-й стрелковой дивизии, повстанцы двинулись к железной дороге Барнаул — Бийск. Штаб восстания разместился в селе Сорокино (отсюда название — Сорокинский мятеж). Вскоре численность восставших достигла, по разным данным, от 5 до 10 тысяч человек. Но при этом они были очень плохо вооружены. В одном из новоселовских отрядов, к примеру, на 700 повстанцев было всего 25 винтовок, остальные были вооружены охотничьими ружьями,

пиками, саблями и вилами. Это крестьянское воинство бросалось на пулеметы и артиллерию красных и погибло все до последнего человека.

В то время в штабе Новоселова, кроме анархистов, присутствовали и правые эсеры. Они сыграли основную роль в разработке политической программы восстания — программы «Сибирского крестьянского союза». В то время вокруг движения крестьянских союзов объединялись все силы, недовольные военно-коммунистической диктатурой, включая монархистов. В ряде случаев к ним примыкали и анархисты.

В союзе с правыми эсерами Федерация алтайских анархистов выдвинула лозунги «Советы без коммунистов» и «Чистая Советская власть без коммунистов». Свой союз с правыми силами Новоселов оправдывал так: «Это мой политический маневр. Пускай сейчас монархисты нам помогут, а потом я отблагодарю их по-своему. Справлюсь с ними в два счета и восстановлю анархию». Но влияние белогвардейцев, кулаков и уголовников среди повстанцев все более усиливалось. Действия повстанцев все больше приобретали характер белого террора и погромов. При этом явная связь с белогвардейцами отталкивала от движения многих партизан-ветеранов и крестьян-середняков.

Вступив во встречные бои и постоянно наращивая свои силы, коммунистические части остановили численно превосходящие силы повстанцев, предотвратив распространение восстания к югу от реки Чумыш. Увеличив свои силы до двух полков и кавдивизиона, красные повели контрнаступление на Сорокино. 23 января они выбили повстанцев из села и нанесли им тяжелое поражение. Только убитыми восставшие потеряли до 400 человек. В конце января, после подхода частей 26-й дивизии, повстанцы были окончательно разгромлены, при этом в плен попало около 3000 человек. Но части повстанцев во главе с Новоселовым удалось избежать разгрома. Вскоре после этого Новоселов обратился к бойцам с речью, в которой признал, что

их дело проиграно, и предложил, разбившись на мелкие группы, разойтись по домам. Сам же он решил с наиболее верными последователями уйти в тайгу. Но большинство не согласилось с командиром и последовало за ним.

Клету 1921 года отряд Новоселова пробился на юг Кузбасса в Верхо-Кондомскую область. В селе Кондома нашли свою смерть заместитель председателя волостного исполкома коммунист Соловьев и волостной военком Шмаков. Новоселову удалось привлечь на свою сторону местное коренное население — горных шорцев, с помощью которых он надеялся продержаться до лучших времен. Но на след Новоселова вышло ГПУ. Новоселов и его секретарь были окружены ночью в избе. Во время перестрелки секретарь был убит, а Новоселов сумел скрыться.

Осенью 1921 года он пытался прекратить борьбу и сдаться, но как раз в это время жертвой «красных бандитов» — групп коммунистов, тайно уничтожавших неудобных — стал его боевой товарищ анархист Сизиков, прекративший борьбу ранее. Опасение, что с ним может произойти то же самое, заставило Новоселова отказаться от своего намерения. Он явно понимал бесперспективность дальнейшей борьбы, но продолжал ее с упорством обреченного. В сентябре 1921 года отряд Новоселова освободил от большевиков село Картагол. По жалобе местных крестьян были казнены секретарь сельсовета Суворов и милиционер из поселка Усть-Кабырза Стариков.

В октябре Новоселов распространил свое влияние на девять волостей в южной части Кузнецкого уезда. Проведя мобилизацию, Новоселов довел численность своего отряда до 1500 человек. Тогда же новоселовцы были разгромлены отрядами ЧОН. Новоселов с остатками отряда скрылся в тайге. К январю 1922 года с ним осталось всего девять человек. Распустив партизан, Новоселов бесследно исчез. Есть предположение, что он ушел в Монголию. Также по неподтвержденным пока данным, Иван Новоселов тайно вернулся на Родину и в 1960-е

годы пытался добиться реабилитации своего погибшего товарища Г.Ф. Рогова. Все это время Новоселов жил под чужой фамилией.

Элементы анархизма присутствовали и в крестьянском движении, возглавляемым бывшим партизанским командиром П.К. Лубковым. Оно возникло в Мариинском уезде Томской губернии в сентябре 1920 года в условиях обострения обстановки, вызванной распространением продразверстки в Западной Сибири. Опасаясь повторного ареста, Лубков перешел на полулегальное положение и стал собирать вокруг себя бывших партизан и всех недовольных военно-коммунистической диктатурой. В сентябре 1920 года Лубков со своими сподвижниками выступил на многолюдном митинге на станции Тайга. Они призывали красноармейцев отказываться ехать на польский фронт, требовали запрещенных коммунистами свободных выборов в местные Советы, отмены продразверстки и восстановления свободной торговли. «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть!» — было основным лозунгом лубковцев. В селах Почитанка, Кольон, Теплая Речка, Нижегородка началось формирование Народно-крестьянской армии. Штаб армии распространил прокламацию, в которой Петр Лубков был назван Председателем Временного Советского правительства при Народной армии.

Начавшееся восстание в короткий срок охватило пять волостей. Численность повстанцев составила от 2,5 до 3 тысяч человек. Как и в период борьбы против белых, Лубков изымал хлеб у кулаков и раздавал его крестьянам. Это происходило, как правило, без кровавых эксцессов. Повстанцы проводили мобилизацию в свои отряды мужчин от 18 до 28 лет. Исполкомы, милиция и их работники-некоммунисты оставались на своих местах. 22 сентября тысячный отряд повстанцев внезапно захватил станцию Ижморская, перерезав Транссибирскую магистраль. Повстанцы не хотели излишнего кровопролития. Уже через

два дня после начала восстания они предложили красному командованию провести переговоры. Сам Лубков обратился к властям с письмом, в котором предлагал мирно решить конфликт. Однако руководители губернии и командующий операцией Грицман не пошли на контакт с восставшими. Власть действовала стандартно. Против повстанцев выступили красноармейские части при поддержке бронепоезда и ЧОН. В трехдневных боях у села Михайловка Зырянской волости восставшие были полностью разбиты. Погибли более 500 плохо вооруженных крестьян-народоармейцев, в плен попали около 200 человек. Красноармейцев же погибло всего несколько человек. Лубков с небольшим отрядом смог оторваться от преследователей и скрыться в тайге. Чекисты устроили за ним настоящую охоту. По его следу были пущены, независимо друг от друга, пять групп секретной разведки. Кроме того, шантажом и угрозами к облаве на Лубкова чекисты сумели привлечь и некоторых его бывших бойцов. В результате более чем полугодовых действий, в ночь на 23 июня 1921 года, П.К. Лубков был убит вошедшим к нему в доверие агентом ЧК С. Первышевым. Труп Лубкова еще долго возили по деревням, стремясь убедить крестьян в смерти знаменитого крестьянского вожака.

В 1920–1921 годах на стыке Томской и Алтайской губерний действовал отряд бывшего красного партизана анархиста Табашникова. В начале 1921 года он был разбит отрядами ЧОН, но не был окончательно уничтожен. В 1921 году Табашников продолжал действовать в Кузнецком уезде. Его отряд, насчитывавший до 150 человек, был хорошо вооружен и имел черное знамя с надписью «Анархия». К сентябрю 1921 года число бойцов отряда уменьшилось до 10 человек. Они действовали на территории Кондомской волости Кузнецкого уезда. В октябре 1921 года отряд Табашникова был разбит чоновцами.

В районе Прокопьевского рудника Кузбасса действовал анархистский отряд Анны Белокобыльской. Белоко-

бильская сумела объединить остатки отряда погибшего Рогова. Она защищала местное население от большевистского произвола, наказывала активистов, устраивала поджоги и взрывы. Отряд был разгромлен при активном участии милиционера Виктора Кайгородова, который не ушел от крестьянской пули в 1924 году.

Продолжением «сибирской махновщины» в новых условиях, когда на смену повстанческому движению пришло партизанское, стало явление, названное властями анархо-бандитизм. Это было, в сущности, партизанское, антисоветское и антикоммунистическое движение и связанное с ним подполье. Частично это был ответ крестьянства на красный бандитизм и произвол местных властей. На пленуме Томского губкома летом 1921 года ставился вопрос о произволе Томской ГубЧК и местных (уездных) ЧК. Речь шла о пьянстве, грабежах, провокации, жестокости, расправах. В ответ на это распространились жесткая антисоветская агитация, экспроприации (конфискации и реквизиции, осуществлявшиеся «анархо-бандитами»), индивидуальный террор против представителей власти (убийства анархо-партизанами советских и партийных работников, продагентов, милиционеров). Кузнецкие анархистски настроенные заговорщики осенью планировали в момент восстания ликвидацию некоторых комиссаров-назначенцев и спецов. Целью «Лиги красного цветка» (Щегловский уезд, весна 1921 года) был объявлен террор против советских и партийных работников.

Вплоть до 1922 года политическое положение в Кузбассе оставалось напряженным. То тут, то там появлялись крестьянские отряды повстанцев. Военно-политическое руководство губернии испытывало постоянную нервозность, вызванную крестьянским сопротивлением. До конца 1920 года по всей Сибири сохранялось военное положение, а в Томской губернии с января 1921 года оно было введено вновь. К сентябрю 1921 года воинский контингент в губернии составлял 45 тысяч человек.

С угасанием вооруженного движения расцвел политический «красный бандитизм». Бандитизмом занялись сами большевики, тайно уничтожая политических противников и инакомыслящих. Члены Кауракской волостной ячейки РКП(б) (Новониколаевская губерния) в 1920–1921 годах физически уничтожили, по собственным признаниям, семь (по данным ЧК — девять) контрреволюционеров и кулаков, якобы связанных с белобандитами. В разных концах Сибири действовали десятки, если не сотни, таких «комячеек». С весны 1920 года красным бандитизмом были охвачены все уезды Томской губернии. Опираясь на политически активные люмпенизированные слои населения, часть коммунистов, советских работников, милиционеров, чекистов создавали многочисленные террористические группы, творившие самосуды, насилие над зажиточными крестьянами, духовенством, интеллигенцией, специалистами. Такие организации и группы орудовали на станции Топки, в Анжерке, Судженске, Кольчугине, Прокопьевске и других населенных пунктах. Наибольшего размаха красный бандитизм достиг в Мариинском уезде. Там почти все коммунистические ячейки участвовали в терроре. Власти даже вынуждены были привлечь часть террористов к ответу. В январе 1922 года по одному лишь «мариинскому делу» проходило 22 человека, из которых восемь человек были приговорены томским военным трибуналом к высшей мере наказания.

Сколько людей было ими уничтожено, вряд ли когда-нибудь станет известно.

Районом сильного анархистского влияния и анархопартизанского движения был в 1921–1923 годах Причерный край. После подавления Сорокинского восстания отдельные группы его участников объединились в партизанские отряды во главе с братьями П. и С. Мурзиными, Д. Барышниковым, К. Крючковым. Все они опирались на поддержку и сочувствие некоторой части крестьян, в основном, середняков. Особенно сильны были

позиции анархистов в Ново-Хмелевской и Мариинской волостях. Здесь в 1920–1922 годах практически не было большевистской власти, не было партизеек. Случались убийства местных совработников. Среди населения долгое время жил «рогово-новоселовский анархизм». Широкая сеть сочувствующих анархистам крестьян поставляла партизанам развединформацию, снабжала всем необходимым, укрывала в случае опасности. В деревнях анархистами велась пропаганда и агитация против всевозможных многочисленных повинностей и произвола властей.

Причернские партизаны-анархисты были связаны в первую очередь с трудовыми слоями деревни и враждебно относились к ее кулацкому слою. Но при этом кулаки все же частично поддерживали партизан — с практическим расчетом. «Богатые мужики, — свидетельствовал один коммунист, — прикрываясь бандитизмом (повстанческим движением — И.П.), не выполняли ни продразверстки, ни лесозаготовок. Причем бандитов не только скрывали, но и помогали им».

В 1922 году в районе сел Сорокино и Жуланиха появилась «банда» братьев П. и С. Мурзиных. Один из них был командиром партизанского соединения Г.Ф. Рогова во время борьбы против Колчака, а в 1920 году входил в Боевую комиссию Федерации алтайских анархистов. После разгрома «роговщины» братья скрывались. В марте 1922 года их группа составляла четыре–шесть человек. В апреле она была разгромлена, при этом Павел Мурзин был убит, а его брат Семен тяжело ранен, но сумел скрыться. В начале июля группа С. Мурзина в составе шести человек была вновь разгромлена, сам Мурзин погиб, а его соратники скрылись в тайге.

В 1920–1923 годах в Причерном крае периодически действовала «банда» Д. Барышникова — местного крестьянина-бедняка, участника «роговщины» и сорочинского мятежа. Состав его группы колебался от четырех до десяти человек.

Весной 1922 года, после некоторого затишья, опять оживилось антикоммунистическое партизанское движение в Кузбассе. Здесь, наряду с белогвардейской группой полковника Зиновьева и бандой «императора всея тайги» урядника Соловьева, действовал анархо-крестьянский отряд Т. Новоселова — крестьянина-середняка, бывшего красного партизана. В конце апреля под его командованием находилось 35 человек, базировавшихся в Кузедеевской волости Кузнецкого уезда. Разведка ЧОН докладывала: «настроение населения... откровенно враждебное к Советской власти, и после окончания посева предполагается усиление бандитского движения за счет местных жителей». Отряд Т. Новоселова имел склады оружия, продовольствия и мануфактуры. Население относилось к партизанам сочувственно. В июне в отряде было уже 100 человек, но они были плохо вооружены. Летом 1922 года Новоселов планировал, объединившись с отрядами Зиновьева (до 250 человек) и Соловьева (до 500 человек), поднять восстание в Кузнецком уезде. Но командование ЧОН решило сорвать этот план. Территория уезда была объявлена на военном положении. В бою с чоновцами отряд понес потери, однако сумел избежать полного разгрома. К октябрю в нем было 12 человек. 28 ноября, после боя с отрядом чоновцев под командованием Мальцева, четверо уцелевших партизан во главе с Новоселовым ушли в Барнаульский уезд Алтайской губернии. 29 декабря 1922 года, во время ночлега в Аламбае, Т. Новоселов и его сподвижник были убиты крестьянином с целью грабежа. Вскоре все уцелевшие партизаны были арестованы, и отряд прекратил свое существование.

В июле 1922 года в Хабаровской волости Славгородского уезда Омской губернии действовал отряд в 20 человек под руководством Коваленко. В документах ГПУ он назван бывшим секретарем Хабаровского волисполкома и «махновским агентом». В августе они намеревались, объединившись с другими группами в Павлодарском

уезде, сорвать сбор продналога. После серии налетов и диверсий отряд на некоторое время исчез, но вновь появился в феврале 1923 года. В марте 1923 года ГПУ раскрыло разбросанную по селам подпольную организацию, руководимую Коваленко. В нее входило более 80 человек. Весной готовилось всеобщее восстание. Организация имела связи со многими районами, в которых было сильно анархистское влияние — Семипалатинской губернией, с Барнаульским и Каменским уездом Алтайской губернии. Больше ничего об этой организации не известно.

Кроме крестьянских выступлений под руководством и при поддержке анархистов, в 1920-е годы действовали и анархистские группы в городах. Известно, что в 1922 году по всей стране достаточно большие анархистские организации были в 11 городах. В Сибири наиболее крупными в то время были анархистские организации Омска и Иркутска.

Омская федерация анархистов образовалась в сентябре. Вокруг ядра (Ткачев, Ефимов, Шамраков, Горохов, Пепеляев, Парамонов, Кошкаров, Кузьминых, Клюев, Сушков) быстро сформировалась организация, составив к концу года 130 человек, из них 30 — активные члены, остальные сочувствующие. Высшим органом федерации было Общее собрание всех анархистов города. Оно избирало секретариат (до 10 человек), руководивший работой клуба-библиотеки, комитета Черного Креста, ячеек анархистов и групп сочувствующих. Федерация была связана с анархистами Москвы, Петрограда, Харькова, Иркутска, Владивостока. В федерацию входили анархисты различных направлений: анархо-синдикалисты, анархо-коммунисты, универсалисты, индивидуалисты, толстовцы. Общим у всех было одно: борьба за государственный социализм и сопротивление усиливающемуся огосударствлению и бюрократизации общества. Большинство членов федерации были более или менее лояльны к Советской власти, однако небольшая группа наиболее активных (Н. Горохов,

П. Иванов и другие) не только занимали противоположную позицию, но и вели соответствующую пропаганду в городе. Будучи приглашен на военные курсы в качестве лектора по искусству, Горохов «использовал свое положение в целях дискредитации коммунистической идеи». Горохов неоднократно и искусно доказывал, что Советская власть ничем, кроме названия, не отличается от власти Николая II и Колчака. Постепенно клуб анархистов стал местом легальной антикоммунистической и антисоветской агитации. Критика деформаций Советской власти стала уступать место ее отрицанию и призывам к ее свержению.

В обстановке грандиозного Западно-Сибирского антикоммунистического восстания политика Советской власти ужесточилась. 10–11 апреля 1921 года ЧК были арестованы около 10 руководителей и активистов федерации (кроме Горохова, который успел скрыться). И хотя после месячного следствия их выпустили, федерация была запрещена и продолжила свою деятельность полулегально и нелегально.

К концу 1921 года материальное положение рабочих Омска значительно ухудшилось, что создало почву для агитации оппозиционных сил, в том числе и анархистов. Обком РКП(б) был весьма озабочен ростом влияния анархистов в городе и губернии и рекомендовал усилить агитацию и пропаганду против анархизма. Одновременно все причастные к анархистскому движению были взяты под жесткий контроль ВЧК-ОГПУ.

В условиях политического кризиса идеи анархизма проникали и в ряды коммунистов. В 1921–1922 годах повсюду в РКП(б) возникали группы «рабочей оппозиции» — сторонники анархо-синдикализма. В Омске они были даже на руководящих постах — И.Е. Потемкин, П.Д. Алисов и другие. «Рабочая оппозиция» выступала за рабочую демократию, против бюрократизации партии и сверхцентрализации управления. От руководства

РКП(б) и Сиббюро потребовалось немало усилий, чтобы пресечь деятельность группировки.

В 1922–1923 годах продолжала действовать подпольная анархистская организация в Жуланых (Барнаульский уезд). Она в основном выполняла задачу политического обеспечения деятельности местных анархо-партизанских отрядов (Барышникова и других). Организация вела агитацию и пропаганду, поставляла партизанам развединформацию. Это было одно из последних организационно оформленных анархических политических образований в Сибири.

Анархистское влияние на крестьянское движение было сосредоточено, главным образом, в Западной Сибири (Алтайская, Томская, Семипалатинская губернии и Славгородский уезд Омской губернии). Численность участников «сибирской махновщины» (восстаний и движений под анархистскими и комбинированными лозунгами) в 1920–1921 годах составляла от 20 до 25 тысяч человек. За анархистами шли те слои сибирского крестьянства, которые, будучи недовольными Советской властью и коммунистической диктатурой, в то же время не желали возвращения белогвардейских порядков.

Отряды анархо-повстанцев сопротивлялись до лета 1923 года, когда большевики, подавив народное движение по всей России, уже воплотили в жизнь часть его лозунгов — отмена продразверстки, свобода торговли, но политическую власть оставили за собой. Крестьянская война, унесшая больше жизней, чем гражданская, дала народу передышку на восемь лет, по прошествии которых коммунисты окончательно сломали хребет крестьянству.

В 1920–1930-е годы в Кузбассе процветали коммуны анархистского типа. Исключительную жизнеспособность проявила толстовская коммуна, руководимая Борисом Васильевичем Мазуриным. Она обосновалась в поселке Тальжино неподалеку от Кузнецка.

Но особенно заметный след в истории Кузбасса оставила автономная индустриальная колония «Кузбасс» (АИК «Кузбасс»), созданная американскими рабочими-эмигрантами, часть которых являлась членами анархо-синдикалистской профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Организаторы колонии на практике осуществили анархо-синдикалистские идеи. С января 1922 года по декабрь 1923 года туда прибыло 566 человек.

В конце 1924 года Совет Труда и Оборона СССР принял постановление о передаче колонии Кольчугинского, Прокопьевского и Киселевского рудников. Кроме них, в АИК входили Кемеровский рудник, Гурьевский металлургический завод, другие предприятия и участок земли в 10 тысяч гектаров. В АИК работали представители 27 национальностей.

Но прошло всего несколько лет, поутихла боль о погибших в боях братьях-анархистах, и 22 декабря 1926 года советское правительство объявило договор с АИК «Кузбасс» расторгнутым. Так закончилась великая анархистская революция в Кузбассе.

2. Первый губернатор

С каторги во власть

Павел Дмитриевич Яковлев родился в Москве в 1891 году в семье военного фельдшера и белошвейки. Отец его умер вскоре после рождения Павла, и мать вышла замуж за кондуктора Сызранско-Рязанской железной дороги, поэтому детство и юность мальчика прошли в Пензе. Отчим был убежденным социал-демократом, активистом Всероссийского профсоюза железнодорожников, участником Октябрьской стачки 1905 года. Под его влиянием юный Яковлев поступил в реальное училище и сблизился с социал-демократическими рабочими кружками, вел пропаганду среди рабочих Лобановского завода. Но в 1907 году Яковлев сошелся с эсеровской молодежью из боевых организаций, привлекавшей его большим радикализмом, чем эсдеки. Он стал членом ученической организации партии социалистов-революционеров, затем начал вести пропаганду среди крестьян. В 1908 году его арестовали, и он полтора года провел в крепости.

В тюрьме он видел, как его товарищей уводили на казнь, поэтому сразу после освобождения осенью 1910 года вступил в Поволжскую боевую организацию социалистов-революционеров, которая считала своим идейным вождем интернационалиста и «мягкого» марксиста Суханова, а практическим руководителем — видного боевика Ю. Далева, который агитировал за решительные действия и призывал не подчиняться заграничному Центральному комитету партии эсеров, находившемуся в Париже. Организация действовала в нескольких губерниях.

За оппозиционные настроения Поволжская террористическая организация была исключена из партии, и с 1911 года Яковлев считает себя внепартийным эсером. В том же году за участие в экспроприации он был арестован и получил шесть лет каторги, которую отбывал в Харьковской тюрьме. По окончании срока его сослали в Киренский уезд Иркутской губернии. В ссылку он пришел социалистом, для которого социализм стал религией. Он стал чернора-

бочим Усть-Кутского солеваренного завода, организовал с другими ссыльными на этом предприятии Союз рабочих и три кооператива в своей и в соседней волостях.

После Февральской революции 1917 года Яковлев не захотел возвращаться на родину и продолжил заниматься созданием крестьянских кооперативов. Вскоре крестьяне избрали бывшего политического ссыльного председателем уездного крестьянского съезда, а затем делегатом Первого съезда Советов Восточной Сибири и, наконец, заместителем председателя Окружного бюро Восточно-Сибирского края и председателем губернского Совета крестьянских депутатов. Кроме того, Яковлев стал редактором газеты «Наша деревня» и председателем губернского земельного комитета. Стремительный взлет его политической карьеры завершился избранием на пост председателя губернской земской управы, то есть фактически губернатором Иркутской области. Было губернатору с ссыльно-каторжным прошлым всего 26 лет. Революцию делали молодые.

В Иркутске эсеры выбирали кандидатов в Учредительное собрание. Выдвинули Яковлева как старого политкаторжанина, но он «взбрыкнул», узнав, что в списке нет ни одного коренного иркутянина, и снял свою кандидатуру. Произошел конфликт с товарищами по партии, и 13 августа 1917 года Яковлев публикует в иркутских газетах письмо о выходе из партии социалистов-революционеров. Напомним, что он уже много лет считал себя внепартийным. «Никаких поручений от партии не принимал, — вспоминает Яковлев, — в дальнейшей своей работе опирался на крестьянские и земские организации, которые интересовались хозяйственными делами, а не политическими вопросами».

Яковлев был убежденным сторонником Временного правительства, поэтому, как и большинство сибирских и не только сибирских эсеров и социал-демократов, воспринял июльское выступление большевиков в Петро-

граде как бунт и сожалел, что Керенскому не удалось полностью очистить столицу от смутьянов. В то же время он делал все, чтобы облегчить участь арестованных в Иркутске большевиков и анархистов, содействовал освобождению из тюрьмы участников восстания Иркутского гарнизона. Под его поручительство был освобожден даже известный анархист Нестор Каландаришвили.

Октябрьские события застали всех врасплох. Всех, кроме большевиков, которые только что появились в Совете рабочих и солдатских депутатов, причем их фракция была организована эмиссарами Ленина, приехавшими в Иркутск из Красноярска. Октябрьский переворот Яковлев воспринял как свержение демократии и создал в Иркутске Комитет Защиты Родины и Революции. На Съезде Советов Восточной Сибири решался вопрос об отношении к захватившему власть в стране Совету Народных Комиссаров и к законному Временному правительству. На этом съезде большевики были представлены делегатами из Красноярска и фронтовиками, дезертировавшими из армии под влиянием большевистской пропаганды. Зато остальные губернии дали большинство сторонников Временного правительства, и за резолюцию эсеров проголосовала большая часть делегатов.

Именно Павел Яковлев провел мобилизацию офицеров гарнизона, казаков и юнкеров для борьбы с большевиками. Началась организация сил вокруг двух центров. За созданный большевиками орган власти Центросибирь стояли полки гарнизона, городской Совет и организованная им Красная Гвардия, за меньшевистско-эсеровскую Думу — казаки, юнкерское училище, школы прапорщиков. Противостояние не могло не привести к конфликту, хотя думцы, и Яковлев в том числе, делали все, чтобы не допустить кровопролития. Эсеры все еще надеялись, что вопрос о власти будет мирно решен выборами в Учредительное Собрание.

Начало Гражданской войны в Иркутске положил приказ Центросибири о разоружении офицеров гарнизона и казаков и о роспуске юнкеров и школ прапорщиков. В ответ на этот наглый ультиматум юнкера, прапорщики и казаки избрали свой объединенный комитет и готовились к сопротивлению. Восьмого декабря 1917 года артиллерия Центросибири открыла огонь по зданиям, где размещались юнкера и казаки. Кровавое пролитие продолжалось девять дней.

Во время боев Яковлев находился в помещении школы прапорщиков, затем в юнкерском училище. 12 декабря в училище пробрались члены Комитета Защиты Родины и Революции — эсер Филиппов и социал-демократ Патлых, которые предложили посредничество в мирных переговорах с большевиками. Со стороны юнкеров возражений против мира не было, и на успех делегации возлагали большие надежды. Попытка миротворцев кончилась неудачей — меньшевик Патлых был убит на улице, а Филиппов скрылся. Только к 17 декабря Яковлеву и его соратникам удалось связаться с жожаками Центросибири Янсоном, Постышевым, Сташевским и другими и добиться созыва совещания, которое окончилось прекращением огня, роспуском вооруженных формирований с обеих сторон и созданием народного Совета, в который вошли представители Центросибири, Думы, Земства, городского Совета, Крестьянского Совета. Казалось, что гражданский совет восстановлен, но уже через несколько дней народный Совет распался, и власть полностью перешла к большевикам. Позже Яковлев утверждал, что не принимал активного участия в декабрьских событиях и был самым горячим сторонником мира. Однако есть сведения, что он был одним из руководителей юнкерских и офицерских отрядов, и его роль была гораздо более значительна. По понятным причинам он не хотел, чтобы о ней знали большевики.

С ведома советских комиссаров Яковлев заканчивал работу по подготовке к выборам в Учредительное Собрание и готовил Крестьянский съезд. В конце февраля 1918 года он был избран председателем губернского Земского съезда, который принял эсеровские резолюции. Делегатами были крестьяне и кооператоры. В марте большевики создали Крестьянский съезд, но его председателем опять-таки был избран Павел Яковлев.

Почти одновременно с Центросибирью в Томске было создано Сибирское правительство во главе с эсером Дербером. После декабрьского кровопролития в Иркутске это правительство приступило к созданию по всей территории Сибири военных отрядов и губернских эмиссариатов. В Иркутске созданием военной организации занялся бывший политкаторжанин, социалист-революционер, ставший после Февраля прапорщиком, Николай Калашников. В воздухе опять запахло кровью. Из Петрограда уже пришли известия о разгоне большевиками Учредительного Собрания и о расстреле ими народной демонстрации в его поддержку. В марте большевики закрыли редактируемую Яковлевым газету «Наша деревня». Яковлев по постановлению Крестьянского Совета организовал подпольную типографию на своей квартире, но не успел выпустить ни одного номера. Первого апреля 1918 года он был арестован и брошен в тюрьму. Он окончательно убедился, что с большевиками не сработается. В Сибири началась борьба с большевизмом.

Гуманист среди штыков

В марте 1918 года Временное правительство автономной Сибири, находившееся в Харбине, назначает Яковлева эмиссаром, то есть руководителем подпольных организаций эсеров в Восточной Сибири.

Эмиссар Временного правительства автономной Сибири Павел Яковлев был арестован с группой офицеров-подпольщиков на даче купца Сукачева и провел в тюрьме два

с половиной месяца. В Иркутске, как и по всей Сибири, уже действовала разветвленная и строго законспирированная сеть эсеровских подпольных организаций. Военный руководитель иркутского подполья и друг Яковлева Николай Калашников с офицерами-эсерами окопался недалеко от города в населенном пункте Пивовариха. В ночь на 14 июня военная организация, опираясь на фронтовиков-безработных, подняла восстание. Калашниковцы ворвались в Иркутск, захватили тюрьму и освободили Яковлева и других заключенных товарищей. Уже днем 14 июня восстание было подавлено, но большая часть повстанцев сумела уйти в Пивовариху.

Яковлев уехал в село Усолье в 60 верстах от Иркутска, где жил на нелегальном положении. Через три недели в Иркутск вступили части Сибирской армии Пепеляева и чешские legionеры. Власть большевиков пала.

В Усолье Яковлев встретился с уполномоченным Сибирского правительства, эсером Е.Е. Колосовым, который предложил ему вернуться в Иркутск и приступить к исполнению своих обязанностей — возрождать земские организации. Земское и городское самоуправление Яковлев считал единственными органами, способными вести руководство хозяйством. Сибирское правительство не собиралось выносить войну за пределы Сибири и после создания независимой Сибирской республики предполагало начать переговоры с ленинским Совнаркомом.

Яковлев вместе с Колосовым приехал в Иркутск на другой день после прибытия туда чешского генерала Гайды. Расстрелов в это время не было, только обыватели устраивали самосуд над красногвардейцами и советскими чиновниками. Яковлев с удивлением узнал, что совещание представителей органов самоуправления, партий, Крестьянского Совета и профсоюзов единогласно выдвинуло его кандидатуру на пост правительственного комиссара. Ему не хотелось отрываться от земской работы, но после долгих уговоров он согласился и 13 июля 1918

года был назначен Губернским комиссаром, то есть вновь стал фактическим губернатором Иркутской губернии.

Странное было время: по всей Сибири рыскали карательные отряды казачьих атаманов, зверствовала колчаковская контрразведка, а в Иркутске сохранялись профсоюзы, отмечались революционные праздники, включая Первомай, бескровно проходили забастовки, во время которых губернатор всегда брал сторону рабочих. Монархические организации, наоборот, преследовались, их газеты закрывались. Пользуясь своей властью, Яковлев отменил смертные приговоры для сотен осужденных, в том числе большевиков, освободил всех несовершеннолетних политзаключенных и сохранил жизнь даже комиссарам и чекистам Чудновскому, Янсо-ну, Минскеру, переправив их во Владивосток, подальше от военного суда.

По всей стране лилась кровь, а в Иркутске молодой губернатор возрождал земское самоуправление, кооперацию, а уже через неделю после свержения большевиков провел совещание представителей городской интеллигенции, на котором предложил создать Иркутский университет. Совещание проходило 20 июля 1918 года, а уже 29 сентября в здании бывшего училища благородных девиц было торжественно объявлено об открытии университета с историко-филологическим и физико-химическим факультетами. Ректором университета стал приват-доцент Московского университета М.М. Рубинштейн, а 16 ноября крупнейший исследователь В.И. Окладников начал читать курс лекций по истории Сибири. Вопреки утверждениям многочисленных фальсификаторов истории нашего края, «сибирский Вашингтон» Колчак не имеет к открытию Иркутского университета никакого отношения. Его открыл еще до колчаковского переворота бывший социалист-революционер Павел Яковлев.

В ноябре 1918 года происходит колчаковский переворот. Осуществлена мечта правых о военно-монархиче-

ской диктатуре. Яковлев не поддержал переворот и подал прошение об отставке. Но ему ответили, что программа правительства остается прежней, и попросили отказаться от отставки. Яковлев остался, чтобы сделать все возможное для смягчения реакционного режима.

Колчаку неоднократно докладывали о независимом поведении иркутского губернатора, но за Яковлева горой стояли председатель Сибирского правительства бывший эсер Вологодский, министр внутренних дел кадет Виктор Пепеляев и его брат — командующий Сибирской армией генерал Анатолий Пепеляев. В Сибирской армии к тому времени уже зрел антиколчаковский заговор, возглавлявшийся эсерами, которых Колчак отстранил от власти.

Эсеры со всей Сибири и Дальнего Востока стремились в Иркутск, ставший их политическим убежищем. Колчаковская контрразведка вела за ними слежку, и в целях их безопасности Яковлев создал специальное охранное отделение, которое работало против колчаковцев.

При эсеровской охранке был сформирован вооруженный отряд под командой капитана Решетника, который нес охрану губернского комиссариата, земства, кооперативных учреждений. В эту часть, представлявшую из себя армейский батальон, если не полк, вместе с эсерами входили бывшие красноармейцы, освобожденные Яковлевым из «эшелонов смерти», следовавших из Самары на расправу к атаману Семенову. Вскоре в нее влились и сдавшиеся в плен партизаны из отряда анархиста Каландаришвили. Отряд Решетника участвовал в усмирении крестьянских волнений, доходя даже до карательных акций. Там, где побывал отряд, партизанское движение усиливалось. Когда осенью 1919 года анархисты Нестора Каландаришвили захватили Александровскую тюрьму и освободили заключенных, решетниковцы преследовали беглецов. Из 600 бежавших более половины было уничтожено отрядом Решетника. Хотя Яковлев запрещал применять оружие и даже отдал под суд нескольких

командиров за совершенные злодеяния, кардинально ничего не менялось. Командиры после непродолжительной отсидки вновь оказывались на свободе.

В таких условиях губернатор Яковлев продолжал поддерживать в Иркутске видимость демократии, постоянно вступая в конфликты с военными властями, ограничивая самоуправство карателей и борясь с опасностью «справа». Колчаковцы ненавидели губернатора-эсера, но ничего не могли с ним поделать. А чувствующий свою силу Яковлев приехал в Омск и 22 декабря 1919 года выступил на заседании Совета Министров Сибирского правительства с требованием отстранить Колчака от командования и вернуть власть ее законным представителям — эсерам-областникам, которые завоевали ее в 1918 году в борьбе с большевизмом. Сибирская армия была к тому времени уже снята с фронта Колчаком и перебросена в Томск. Многие офицеры Пепеляева прибыли в Иркутск вместе с Яковлевым для свержения колчаковского режима. Приехал в Иркутск и начальник контрразведки Сибирской армии Николай Калашников.

Заговорщики готовили восстание, но колчаковцам удалось схватить часть видных эсеров на конспиративной квартире. Среди арестованных оказались и члены ЦК партии эсеров Павел Михайлов и Борис Марков. Сам Яковлев чудом спасся от ареста. Начальник колчаковской контрразведки штабс-капитан Черепанов вместе с командой палача полковника Сипайло вывез 31 эсера на ледоколе «Ангара» в Ливстьянку, где их убили ударами деревянного молота и сбросили в воду. Все погибшие были членами эсеровского Политцентра. Оставшийся на свободе Калашников поднял восстание, и 5 января 1920 года колчаковский режим пал.

В это время Яковлев находился в отряде Решетника и принимал участие в боях, а затем в обороне Иркутска от подходивших к нему кашпелевцев. Губернатор не терял надежды на создание автономной демократической

Сибири и даже подумывал о заключении мира с Советской Россией. Но по пятам отступавших колчаковцев шла Пятая Красная армия, и власть очень скоро перешла к большевистскому ревкому. Калашников с Яковлевым решили уходить. Они сформировали из эсеров отдельную дивизию, которая походным порядком ушла в Забайкалье, а оттуда в Манчжурию. Так закончилось полуторагодовое губернаторство Павла Яковлева, а с ним и демократия в Сибири. Вернее, островок демократии в окружении колчаковских штыков.

Свой среди чужих, чужой среди своих

Вместе с дивизией Калашникова Яковлев оказался в Харбине. Там было много бывших колчаковцев, и ему пришлось сменить фамилию. Иркутский губернатор Яковлев стал служащим Китайской Восточной железной дороги Дуниным. Большевики подозревали, что он — агент атамана Семенова и японцев, белогвардейцы считали, что он работает на коммунистов. Яковлев-Дунин вскоре проявил свой организаторский талант и был избран профсоюзным секретарем рабочих и служащих КВЖД. После выступления японцев во Владивостоке и убийства С. Лазо, А. Луцкого и других революционеров, Яковлев, не будучи сторонником большевиков, но оставаясь социалистом, решил вновь включиться в борьбу.

В июне 1920 года к нему пришел резидент советской разведки Яков Минскер, которого Яковлев в свое время спас от казни. Минскер предложил своему спасителю сотрудничество в борьбе против интервентов, семеновцев и остатков колчаковщины. Яковлев сразу же согласился. Сотрудники его охраны работали в японской администрации, в колчаковской армии генерала Молчанова, стоявшей под Хабаровском, и даже в личном конвое атамана Семенова. Для большевиков Яковлев был ценной находкой.

Вскоре Яковлев создает боевую дружину с целью ликвидации атамана Семенова, но советская разведка не одо-

брила его план и предложила яковлевцам заняться сбором разведанных для Народно-Революционной Армии ДВР в Приморье, которой до недавнего времени командовал друг Яковлева, эсер Краковецкий. У Яковлева неожиданно проявились недожинные способности разведчика. Он быстро создал агентурную сеть в Манчжурии и на Дальнем Востоке, внедрил своих людей в бандформирование барона Унгерна и стал фактическим начальником резидентуры большевиков в огромном регионе.

Сведения, добытые людьми Яковлева, были использованы в подготовке боевых действий Народно-Революционной Армии под Волочаевкой и при освобождении Хабаровска от белых и японцев. Заслуги Яковлева были высоко оценены главкомом Уборевичем, но о полном прощении за его «колчаковское прошлое» речи не шло. Осенью 1921 года Яковлев пережил сильный душевный кризис и пытался покончить с собой. Он очень хотел вернуться на Родину, хотя соратники предупреждали его, что он будет арестован и расстрелян сразу после перехода через границу.

И все же весной 1922 года ему разрешили вернуться в Советскую Россию и гарантировали безопасность. Он был назначен заместителем начальника разведуправления Народно-Революционной Армии, а позже избран руководителем политпросвета Пятой Красной армии.

Разбросала жизнь сибирских эсеров-областников. Командующий Сибирской армией генерал Анатолий Пепеляев жил в Харбине и готовил высадку на Охотское побережье, чтобы в последний раз померяться силами с большевиками. Бывший председатель Временного правительства автономной Сибири П.Я. Дербер тихо прозябал в Москве, работая в кооперации. Бывший начальник контрразведки Сибирской армии Николай Калашников махнул на все рукой и уехал в Америку, а его друг, бывший министр Сибирского правительства по военным делам Аркадий Краковецкий работал в советской разведке

и всюду старался для новых хозяев, предавая своих вчерашних соратников-эсеров.

12 марта 1923 года в Чите Яковлева арестовали. Его отвезли в Иркутск, где начали следственное дело по событиям 1918–1919 годов. Вскоре его перевозят в Новониколаевск, откуда он по совету «доброжелателя»-чекиста написал покаянное письмо во ВЦИК с признанием своей вины и просьбой о помиловании. 23 декабря 1923 года его освободили и отправили в Москву, в распоряжение ОГПУ. Тогда он вспомнил предостережения своих соратников — подумывал о побеге за границу, но осуществить план уже не было душевных сил. ОГПУ крепко держало его в своих руках, и он покорно выполнял все задания чекистов.

В столице Яковлев вел шпионскую работу против Дербера и других эсеров-областников, волею судеб оказавшихся в Москве, а также был секретным сотрудником экономического отдела ОГПУ в «Экспортхлебе».

Для ОГПУ он оставался врагом, и никакие положительные отзывы и рекомендации сибирских и приморских чекистов, обязанных ему спасением от смерти в 1918–1919 годах, не помогли. 26 сентября 1924 года Яковлев был арестован, а в январе 1925 года расстрелян без суда. Итог следствия был однозначен: «Вина не может быть заглажена ни раскаянием, ни работой в пользу Советской власти». Было ему 33 года. Его эсеровским сподвижникам по освободительному движению в Сибири Пепеляеву, Краковецкому и Дерберу сталинский режим даровал жизнь до 1938 года и казнил их вместе с их противниками Уборевичем, Блюхером, «сибирским Чапаевым» Иваном Стродом и многими другими.

3. Эпопея «сибирского генерала»

В судьбе Анатолия Николаевича Пепеляева отразилась трагедия русского демократического офицерства, с восторгом принявшего Февральскую революцию и свержение монархии и поднявшегося против большевиков под лозунгом Учредительного Собрания. В условиях Гражданской войны офицеры-демократы были вынуждены выбирать из двух зол меньшее и оказались между двух огней. Убежденный монархист Василий Шульгин с жестокой душевной болью сказал: «Белое движение было начато почти что святыми, а кончили его почти что разбойники». Пепеляев верил в белое дело до тех пор, пока не понял, что плодами его побед воспользовались разбойники из окружения Колчака.

За независимую Сибирь

Анатолий Пепеляев родился в Томске 15 августа 1891 года в семье офицера. В 19-летнем возрасте он окончил Павловское военное училище в Петербурге и во время Германской войны командовал батальоном, три с лишним года не вылезал из окопов. После развала русской армии под Барановичами храбрый подполковник Пепеляев в конце декабря 1917 года приехал в Сибирь. Политически он был близок к эсерам — партии, выражавшей интересы крестьянства. После разгона большевиками Учредительного Собрания и заключения ими Брестского мира Пепеляев создал в родном Томске подпольную офицерскую организацию и установил связь с местными эсерами. Весной 1918 года начался мятеж Чехословацкого корпуса, и руководимая Пепеляевым организация при помощи чешских легионеров свергла томский Совет.

Беспредельно смелый, очень популярный в войсках, Пепеляев быстро сформировал из томичей полк и повел его на Красноярск. После взятия Красноярска к Пепеляеву присоединились дивизии барнаульцев, новониколаевцев и красноярцев, и полк превратился в корпус, который подошел к Иркутску под бело-зеленым знаменем авто-

номной Сибири. Местное эсеров-офицерское подполье ждало Пепеляева, он взял столицу Восточной Сибири без боя и отправился на Прибайкальский фронт. К тому времени корпус, пополненный иркутянами, вырос в Сибирскую армию, а сам Пепеляев стал генералом, освободителем Сибири от большевиков. Сибирскому генералу было всего 27 лет.

Вскоре Сибирская армия была переброшена в Екатеринбург, она стала составной частью армии Колчака. Тысячи и тысячи сибиряков с охотой шли под бело-зеленые знамена Пепеляева, что не могло не беспокоить «верховного правителя» Колчака. После того, как пепеляевцы в лютый мороз со штыками наперевес почти без выстрелов выбили большевиков из Перми, открыв путь на Москву, популярность «сибирского генерала» достигла апогея. Колчак знал, что в армии Пепеляева очень сильны позиции эсеров. Была даже создана подпольная антиколчаковская организация, которая намеревалась свергнуть реакционеров-монархистов, окопавшихся в колчаковской ставке, и заменить их эсерами-областниками. Бездарное колчаковское руководство не было способно победить большевиков, а Сибирская армия была ударной силой адмирала. После колчаковского переворота множество эсеров, в том числе депутаты Учредительного Собрания, были убиты или брошены в застенки, а оставшиеся на свободе нашли убежище в Сибирской армии и в окружении иркутского губернатора Павла Яковлева, представлявшего оппозицию Колчаку. Во главе демократической фронды стояли сам Пепеляев, начальник его контрразведки известный эсеровский боевик и бывший политкаторжанин Николай Калашников и командир корпуса Эллерц-Усов — вожди иркутского подполья.

Пепеляев неоднократно представлял Колчаку ультимативные рапорта и даже готов был двинуть свою армию на Омск, но Колчаку удалось справиться с оппозицией, хотя победа оказалась для него пирровой. Сначала адми-

рал приказал сибирякам прекратить наступление на красную Москву, потом армия и вовсе была снята с фронта и отведена в Томск. Адмирал боялся, что эсеры-пепеляевцы договорятся с большевиками, хотя именно бело-зеленому знамени сибиряков и красным флагам рабочих Ижевского и Воткинского полков он был обязан своими победами.

Рабочие-колчаковцы

В романе Владимира Зазубрина «Два мира», изданном в Иркутске осенью 1921 года, есть сцена, в которой колчаковские офицеры, прибыв в штаб N-ской дивизии, видят развевающееся над крыльцом штаба красное знамя. Командир дивизии объясняет перепуганным офицерам, что его воинская часть сформирована из добровольцев — рабочих уральских заводов, и сражается за Учредительное Собрание, за свободу и революцию. Рабочие восстали против красных потому, что комиссары принялись насаждать социализм с револьвером и нагайкой в руках, а плоды земные распределяли так, что было заметно, как пухли комиссарские карманы. Книга написана по горячим следам событий, и это — не выдумка писателя. В 1918 году рабочие Ижевского, Воткинского, Мотовилихинского и других уральских заводов подняли восстание против большевиков и влились в армию Комуца, воюя против красных под красным же флагом. После колчаковского переворота они волей-неволей должны были воевать уже под руководством монархистов.

Восстание началось в августе. Рабочие уральских оборонных заводов были высококвалифицированными и высокооплачиваемыми сотрудниками, имели свои земельные участки, а потому были материально и духовно независимы. Они были своего рода «белой костью» рабочего класса. Октябрьский переворот, последовавший за ним разгон Учредительного Собрания, произвол комиссаров, грабеж продотрядов и бессудные расстре-

лы большевиками своих политических противников от-вратили рабочих от «рабочей» власти. Похороны члена Ижевского Совета рабочего- меньшевика А. Сосулина, убитого красноармейцами весной 1918 года, вылились в многотысячную демонстрацию. Многие рабочие побывали на германской войне, получили офицерские звания и Георгиевские кресты. Они объединились в Союз фронтовиков, который и поднял восстание, поддержанное всем населением Ижевска и окрестных сел. На заводах было сильно влияние меньшевиков и эсеров.

Рабочие создали народную армию и нанесли несколько поражений красным. Ижевцы разбили Антонова-Овсеенко и чуть не взяли в плен Блюхера. Они работали у станков, под которыми лежали винтовки, а когда появлялись красные, над городом разносился заводской гудок. Ижевцы и воткинцы останавливали станки и шли навстречу врагу с пением «Марсельезы» и «Варшавянки» со штыками наперевес и с охотничьими ножами. Красные, увидев людей в рабочих робах, в ужасе разбегались или целыми полками переходили на их сторону. Таким образом рабочие разбили две красные армии. У повстанцев почти не было патронов, и они добывали их у противника, десятки тысяч винтовок раздали крестьянам, а отступая из Ижевска, 100 тысяч винтовок передали Колчаку, по сути, вооружив его армию.

Колчак знал, что Ижевская и Воткинская дивизии являются самыми боеспособными и дисциплинированными частями его армии, поэтому был вынужден мириться и с их красным знаменем, и со странной для белых субординацией. Рабочие-колчаковцы и друг друга, и своих офицеров называли словом «товарищ» и подчинялись начальникам только в бою, вне боя в отношениях между ними царило равенство. Более того, до 1919 года в дивизиях сохранялись советы рабочих и солдатских депутатов.

Красные бросили на Ижевск еще три армии, состоящие из китайцев, венгров и латышей, двинули на рабо-

чих специальные подразделения чекистов и Волжскую флотилию с бронепоездами. Троцкий приказал не брать ижевцев и воткинцев в плен, а расстреливать на месте. Тогда ижевцы и воткинцы забрали свои семьи и вместе с женами и детьми, почти без патронов, вырвались из окружения. Кстати, именно ижевцы впервые применили психическую атаку в бою за родной завод, в полный рост пошли в атаку на красную дивизию Азина. А 9 июля 1919 года они же повторили ее под Уфой, сражаясь против дивизии Чапаева. Именно этот эпизод отражен в знаменитом кинофильме. Зная о людоедском приказе Троцкого, ижевцы не сдавались в плен. У каждого рабочего был собственный револьвер, чтобы застрелиться. Их называли людьми из слитков железа и стали. Символом стали ижевцы и воткинцы избрали синий цвет. Синего цвета были их погоны и околыши, на погонах ижевцев была буква «И», у воткинцев — «В». Почти все командиры были из рабочих и выбирались рабочими. Это были ветераны германской войны, штабс-капитаны, капитаны и поручики. Командиром дивизии был генерал Молчанов, 33-летний офицер из семьи чиновника, окончивший военное училище в Москве.

В боях под Уфой ижевцы понесли большие потери. В тот период численность рабочих дивизий достигала 40–50 тысяч бойцов, и им довелось сражаться с частями Чапаева, Фрунзе, Куйбышева. После кровопролитных боев с чапаевцами Колчак решил наградить рабочую дивизию Георгиевским черно-желтым знаменем. Далеко не все солдаты и офицеры восприняли эту награду с радостью — они хотели сражаться под красным флагом. Злые языки из колчаковского окружения говорили, что верховный правитель наградил ижевцев, чтобы под благовидным предлогом убрать ненавистное красное знамя из своей армии.

Походной песней ижевцев по-прежнему оставалась «Варшавянка», но слова они придумали свои собственные:

Люди, влюбленные в светлые дали,
Люди упорства, отваги, труда,
Люди из слитков железа и стали,
Люди, названье которым — руда.
Кто не слышал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой?
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец, русский рабочий простой?

Со временем рабочие поняли антинародную суть колчаковского режима. Они видели, как белые грабят и убивают мирное население не меньше, чем красные, как сжигают на Каме баржи с пленными, как карательные казачьи банды Красильникова и Анненкова вешают и подвергают порке целые деревни и казнят в городах их братьев-рабочих.

Ирония истории: социалисты сражались в армии Колчака против большевизма, а в это время в тылу карательные отряды казаков вырезали целые деревни и мракобесы-черносотенцы создавали концлагеря для рабочих только за то, что они рабочие.

Эсеры и меньшевики были объявлены колчаковцами вне закона и загнаны в подполье, Советы рабочих депутатов и профсоюзы были разогнаны. В то время, когда ижевцы и воткинцы лили кровь на фронте, в штабах процветало казнокрадство. Попал в опалу командующий Сибирской армией Анатолий Пепеляев, сражавшийся под бело-зеленым знаменем независимой Сибири. Странники «единой и неделимой» добились того, что сорвали наступление сибиряков — ударной силы колчаковской армии — на Москву и пытались отстранить Пепеляева от командования. Офицеры Пепеляева в большинстве своем были социалистами-революционерами и хорошо помнили трагическую участь депутатов Учредительного Собрания, убитых в Омске во время колчаковского переворота монархистами-черносотенцами. Почти все депутаты были эсерами

и социал-демократами. В сибирских лесах скрывалась целая партизанская армия, воевавшая против Колчака.

Ижевцы попали в трагическую ситуацию. Сражаясь против красных, они уже не хотели служить белым. Несмотря на страх перед возмездием, они начали сотнями и тысячами уходить в леса к партизанам, лишь бы не оставаться у Колчака. Зимой 1920 года более 3000 ижевцев вернулись в свой город на родной завод. Тогда их не стали расстреливать. Население Ижевска после ухода рабочих дивизий уменьшилось втрое, и на заводе некому было работать. Красным нужны были руки квалифицированных рабочих. В Сибири ижевцы и воткинцы устраивались на местные заводы, но к ним относились, как к предателям, калечили и убивали прямо в цехах. Сибиряки еще не видели красных, но зато вволю нагляделись на колчаковцев и люто их ненавидели. Ижевцы оказались между молотом и наковальней.

Рабочие дивизии с семьями отступали все дальше в Сибирь и на Дальний Восток. Численность бойцов сократилась до нескольких тысяч, и все же они сумели выбить красных из Хабаровска, Волочаевки и Спасска. Уже был расстрелян в Иркутске Колчак, и ижевцы попали в распоряжение японцев. Командир ижевцев генерал Молчанов приказал своим бойцам разойтись и служить русскому, а не японскому делу.

Пройдя от Урала до Владивостока, рабочие оказались предоставлены самим себе. Они поняли, что сражались не за тех, и 1500 рабочих перешли на сторону красных. В декабре 1921 года Ижевская дивизия была разбита Блюхером. Молчанов с оставшимися в живых соратниками ушел в Манчжурию. В эмиграции Молчанов жил очень бедно, работал сторожем и жокеем, торговал в магазине. Скопив небольшой капитал, он уехал в Америку и там тоже бедствовал.

Бывшие бойцы рабочих дивизий создали в Харбине Ижевско-Воткинское технико-промышленное товарище-

ство и столовую при Рабочем Красном Кресте. Они держались сплоченно, их золотые руки без труда нашли себе работу. Пьяниц и бездельников среди них почти не было, а если такие попадались, их быстро увольняли решением рабочего совета.

Со временем судьба разбросала ижевцев и воткинцев по многим странам Европы, Азии и Америки. Большая группа ижевцев обосновалась в Сан-Франциско. Многие рабочие после окончания Гражданской войны решили вернуться на Родину. Когда большевики объявили амнистию трудящимся — участникам контрреволюционного движения, многие солдаты белых армий и участники антибольшевистских восстаний поверили им и вернулись в Советскую Россию. Поверили и ижевцы. Они приехали в свой город, но на оборонный завод их уже не брали. Некоторые приняли участие в строительстве Ижевского мотозавода, остальные разъехались по другим городам.

Наступил 1937 год. Полторы сотни бывших бойцов-ижевцев были арестованы и сосланы в Удмуртию. Вскоре всех их расстреляли как агентов японской разведки.

Оставшиеся в эмиграции рабочие не теряли связей друг с другом и даже регулярно справляли юбилеи восстания. В Париже в 1930-е годы перед очередным юбилеем была опубликована праздничная статья, в которой говорилось: «Вам пришлось оставить родные заводы, принести неимоверные жертвы, совершить тернистый путь от Камы до великого океана и напоить собственной кровью снега Сибири. Ваши полки и батальоны героеврабочих были разбиты. Но все же враг вас не сломал. Вы не отдали врагу своих винтовок, как не отдали ему своей воли, своего сердца, своей чести».

В 1968 году немало ижевцев и воткинцев оставалось в живых, и они отметили свой 50-летний юбилей. Два года не дожил до этого события полковник Федичкин, командовавший ижевцами в 1918 году. Он умер в Сан-Франциско и оставил после себя воспоминания об ижевском

восстании. В 1972 году там же, в Америке, скончался последний командир ижевцев — полковник Авенир Ефимов, а через три года была опубликована его книга об Ижевской дивизии. До сих пор в русских церквях за рубежом можно услышать молитву: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, убиенным и погибшим рабам твоим — воинам ижевским и воткинским и сотвори им вечную память».

Якутский фронт

Колчак отстранил генерал-лейтенанта Пепеляева от командования, и уязвленный командарм с частью своего войска ушел в Манчжурию, намереваясь оттуда начать борьбу против Колчака. В Харбине многие пепеляевцы вошли в контакт с красными и приняли участие в борьбе против банд атамана Семенова и в изгнании японцев с Дальнего Востока.

До 1922 года генерал Пепеляев тихо жил в Харбине. Уже был расстрелян в Иркутске Колчак, и вместе с ним принял смерть старший брат Пепеляева Виктор — бывший депутат Государственной Думы и министр внутренних дел в правительстве адмирала. «Сибирский генерал» не мог долго сидеть без дела и в сентябре 1922 года создал из 700 своих офицеров-томичей Сибирскую добровольческую дружину, которая высадилась на Охотском побережье и двинулась вглубь Якутии. Они хотели отделить этот богатый пушниной и золотом край от Советской России и установить в нем демократическую власть. Все якутские фактории находились под контролем наместника этого края, эсера П.А. Куликовского, который снабдил Пепеляева снаряжением и даже подготовил суда для его экспедиции. К Пепеляеву начали стекаться многочисленные вооруженные отряды якутов.

Советское правительство направило из Иркутска и других городов части особого назначения, командиром одной из которых был Иван Строд, воевавший с Пепеляевым.

евым еще в 1918 году. Отряд Строда встретил повстанцев возле стойбища Сасыл-Сысыы и занял круговую оборону. 18 дней продолжалась осада ледовой крепости, и третьего марта 1923 года экспедиция «сибирского генерала» закончилась. Подошедшие части Красной Армии разгромили его дружину, остатки которой отступили в Охотск. 17 июня 1923 года Пепеляев с оставшимися в живых офицерами сдался в порту Аян командиру советского экспедиционного корпуса С.С. Вострецову. Он был доставлен во Владивосток и в Чите предстал перед судом.

Все подсудимые были приговорены к расстрелу, но ВЦИК заменил смерть 10-летним тюремным заключением. На суде Пепеляев как профессиональный военный выразил восхищение мужеством бойцов отряда Ивана Строда.

«Я с 1917 года боролся за Россию, за ее демократическое переустройство, хотел добиться автономии Сибири, а потом Якутии, — сказал Анатолий Пепеляев. — Я глубоко верил, что борюсь за родину, за народ. Теперь сквозь тюремную решетку я увидел и понял, что жестоко ошибался и что за нашей спиной и на нашей крови другие наживали деньги».

Сибирский генерал Анатолий Николаевич Пепеляев погиб в лефортовском застенке 14 января 1938 года. Вместе с ним был расстрелян кавалер четырех орденов Красного Знамени Иван Яковлевич Строд, сражавшийся с ним в Прибайкалье и в Якутии.

4. Сибирский дедушка

Имя Нестора Каландаришвили среди сибирских партизан гремело так же, как имя Нестора Махно среди украинских повстанцев. Оба принадлежали к одному политическому направлению — анархо-коммунизму, оба участвовали в революции 1905 года, оба сидели в тюрьмах, оба даже получили от большевиков ордена Красного Знамени. Но, несмотря на сходство биографий, жизненный путь двух этих людей завершился по-разному. Украинский крестьянин Махно из последних сил бился с большевиками, ушел за кордон и умер, оклеветанный в глазах своего народа, в Париже, а грузинский дворянин Каландаришвили был убит, подавляя восстание якутов и эвенков, после чего канонизирован Советской властью. Махно лежит на кладбище Пер-Лашез возле Стены Коммунаров, Каландаришвили похоронен в Иркутске на горе Коммунаров. Разные оказались коммунары.

Борец за свободу

В революционное движение Нестор Каландаришвили пришел для своего времени довольно поздно. За плечами у него была уже не только Тифлисская учительская семинария, но и служба в армии. В 24 года он становится социалистом-революционером и пробует заниматься пропагандой среди солдат тифлисского гарнизона. Успехи в пропаганде были, очевидно, скромными, да и грузинский темперамент несостоявшегося учителя требовал более активных действий, поэтому Нестор Александрович окончил нелегальные кавалерийские курсы, организованные эсерами, и в 1904 году перешел в партию социал-федералистов, в политическом спектре стоявшую тогда левее эсеров. Митинги, листовки, контрабандная перевозка оружия для боевых дружин — вот постоянные занятия революционера независимо от его партийности. Когда же наступил 1905 год, то сотням тысяч рабочих и крестьян стало тем более наплевать на то, в чем там не сошлись за границей меньшевик Плеханов с большевиком Ульяновым, а Ульянов с эсе-

ром Черновым. Что же касается Каландаришвили, то мне ни разу не случилось найти свидетельства того, что он хоть что-нибудь прочел из трудов революционных теоретиков. Он был смелым авантюристом, боевиком, мастером «террорной работы», одинаково нужным и готовым работать на любые партии, лишь бы они были против самодержавия. Он был человеком, которых в большом количестве потребовало грозное время, оно в полной мере дало выход их способностям.

Когда в ноябре 1905 года в Батуме началось восстание, Каландаришвили командовал рабочей дружиной, сражался на баррикадах, а после подавления возглавил крестьянскую «красную сотню» и продолжал борьбу против карательных отрядов в селах и деревнях. Он уже тогда стал так же знаменит, как легендарный Камо. Весь 1906 год маленький партизанский отряд Каландаришвили уходил от преследований полиции, войск, дружин грузинских помещиков и черносотенцев. Партизанская война на Кавказе стихала, и последние народные мстители вернулись в города. 30-летний бунтарь вышел из партии федералистов и вступил в Федерацию анархистов. Это было вызвано тем, что только анархисты и близкие к ним эсеры-максималисты продолжали к тому времени вести вооруженную борьбу. Террористические акты против наиболее усердных слуг царизма, экспроприации, налеты на жандармерию, перестрелки, прыжки через заборы, уходы по крышам — в общем, полный букет революционной романтики — все это с избытком вкусил грузинский Робин Гуд. Когда на Кавказе оставаться было уже невозможно, он перебрался на Украину и в Крым. Какая же борьба без тюрем? Где он только не сидел! В Батуме и Тифлисе, Сухуми и Кутаиси, Новороссийске и Керчи, Киеве и Харькове... Из киевской и керченской тюрем он убежал, из остальных его освобождали за недостатком улик. Когда же речь зашла о виселице, то Нестору пришлось навсегда покинуть родину.

В 1908 году Каландаришвили прибыл в Иркутск с намерением пробраться в Японию. Здесь он узнал, что его соратники выкупили дело своего вожака из жандармского отделения и бежать за границу незачем. Однако и возвращаться домой было нельзя, слишком уж он там наследил. В Иркутске у Нестора Каландаришвили появилась возможность жить под своей фамилией. Но нужно было начинать все сначала как в революции, так и в личной жизни — в Грузии остались жена и две дочери. Он занимается фотографией, работает в культурно-просветительском обществе «Знание», руководимом большевиками и даже играет в театре — кое-какой опыт уже был, после батумского восстания ему пришлось скрываться и побыть актером театра в Кутаиси. В Иркутске Нестор обзавелся новой семьей. В Черемхово, где на шахтах работали многие ссыльные грузинские и осетинские анархисты, он быстро нашел новых сторонников.

В Сибири его первый раз арестовали в 1910 году. Прдержали полгода, но выпустили. В 1911 году он задумал убить генерал-губернатора Селиванова, но был выдан и снова брошен за решетку, где просидел в одиночке еще полгода. Освободили и на этот раз, опять не хватило улик. В 1913 году — новый арест, теперь упрятали почти на год, но опять ничего не доказали, хотя арестовали по делу 130 человек, большинство из которых были распропагандированные анархистами ссыльные уголовники. Все они были освобождены, а Каландаришвили и пятеро его ближайших соратников предстали перед судом, но, благодаря умелой защите известного иркутского адвоката О. Патушинского, были оправданы. Сейчас можно только гадать, как же это грузинская и сибирская охранки не сконтактировались между собой. И в Сибири, и в Грузии Нестор Александрович жил под своей фамилией, и в Сибири, и в Грузии был одинаково популярен. Однако факт остается фактом: Каландаришвили оставался на свободе и продолжал портить жизнь правительству, как только мог.

Партизанский вожак

Сразу после февраля начинается стремительное сближение Каландаришвили с большевиками, хотя всю гражданскую войну над его отрядами развевались черные, а не красные флаги. Подавляющее большинство российских анархистов не обрадовались приходу к власти буржуазного Временного правительства. Ни одна проблема, приведшая к падению царизма, после Февральской революции разрешена не была: не было ни земли, ни мира, ни хлеба, а либеральные профессора и фабриканты месяцами продолжали болтать о бесчисленных редакциях бесчисленных законов. Единственными союзниками анархистов стали тогда левые эсеры и большевики. Махно создал первый на Украине крестьянский Совет, матрос Железняков вел балтийскую братву на штурм Зимнего, Каландаришвили организовал в Иркутске военную секцию, объединявшую всех левых, — «военку». Когда 8 декабря 1917 года в Иркутске начался юнкерский мятеж, Каландаришвили с отрядом в 60 боевиков пришел на помощь Совету. Вскоре к нему присоединились большая часть Кавказской дружины иркутского гарнизона и прибывшие из Черемхово шахтеры. Председателем Черемховского Совета был тогда известный анархо-синдикалист А. Буйских, который отправил на подмогу иркутским товарищам шесть эшелонов с вооруженными шахтерами.

После декабрьских боев Иркутский Совет поручил Каландаришвили сформировать кавалерийский дивизион, и командирами трех его эскадронов стали черемховский шахтер Степан Карасев, бывший кубанский есаул и политссыльный Александр Кожан и бывший каторжанин-разбойник Амзор Караев. Все трое были анархистами. Общее командование осуществлял Каландаришвили. Знамя у дивизиона было черное. На одной стороне знамени было начертано «Первый Иркутский отдельный кавалерийский дивизион анархистов-коммунистов», на другой — «Анар-

хия — мать порядка». Кроме рабочих и бывших политка-торжан в дивизионе были и освобожденные анархистами из иркутской тюрьмы уголовники, с которыми анархисты пытались вести воспитательную работу. В апреле 1918 года дивизион, насчитывающий около 500 сабель, прибыл на Забайкальский фронт сражаться против атамана Семенова.

Сейчас уже известно, что сибирское крестьянство и казачество не поддержали Октябрьского переворота. Крестьяне Сибири, не знавшие крепостного права, давно имевшие все, что обещали крестьянам России Ленин и Троцкий, не получили с большевиков никакого «навару», поэтому в 1918 году белогвардейцам и интервентам противостояли лишь немногочисленные и плохо обученные отряды красной и черной гвардии, а также интернационалисты из бывших военнопленных. Потребовался год объединенных усилий адмирала Колчака, атаманов Семенова, Красильникова, Калмыкова, белочехов и японцев со всеми их реквизициями, карательными акциями и погромами, чтобы не только крестьяне, но и казаки целыми селами и станицами побежали в лес к партизанам.

Современные любители желтых лампасов предпочитают не вспоминать о таких «подвигах» Семенова и Унгерна как сожжение станицы Куленга в Восточном Забайкалье со всеми жителями. За то, что несколько казаков этой станицы ушли в партизаны, Унгерн отдал ее в распоряжение своего татарского полка. Весь день унгерновцы насильовали женщин, а ночью, подперев двери домов, подожгли станицу со всех сторон. Людей, выскакивавших из горящих домов, убивали и снова бросали в огонь. «Вагоны смерти» атамана Семенова и тела, висящие на телеграфных столбах вдоль железных дорог, не вытравить из народной памяти никакими поддельными крестами, бутафорскими шашками и прочими фольклорными причиндалами.

Тогда, в 1918 году, семеновцы разгромили разрозненные дружины большевиков, левых эсеров и анархистов. Тяжелое положение усугублялось конфликтами между самими командирами этих дружин. Например, когда большевики распорядились передать в их часть два пулемета, принадлежавшие анархистскому дивизиону, Каландаришвили в официальном ответе пригрозил личной расправой за попытки им командовать и сопроводил ответ нецензурной бранью. Общее разложение охватило весь Забайкальский фронт, так что поступок темпераментного грузина не был исключением. Часть дружин продолжала оказывать отчаянное сопротивление семеновцам, многие же бросали фронт и занимались мародерством в тылу, а то и вовсе переходили границу и сдавались китайским властям. Отделился от Каландаришвили эскадрон Амзора Караева. Покинул свой отряд и пытался бежать анархист Ф. Лавров, но был задержан каландаришвилецами и по приказу Дедушки расстрелян как дезертир и изменник.

После разгрома отряд Каландаришвили сумел вырваться из окружения и начал долгую партизанскую войну. Три года отряд, то разгромленный и расплывшийся, то снова пополняемый добровольцами и побеждавший, ходил по Иркутской губернии и Забайкалью, через Монголию и Саяны, на Лену и Селенгу. Воевал с колчаковцами, семеновцами, унгерновцами, кашпелевцами, японцами, и не было партизана отважнее и удачливее этого косматого грузина. На Украине его называли бы «батько», в Сибири же он получил прозвище Дедушка. А было Дедушке тогда 42 года.

Вся Сибирь была охвачена партизанщиной. В этой 140-тысячной таежной армии анархисты играли далеко не последнюю роль. Ими было создано 15 крупных партизанских соединений и множество мелких отрядов. Что скрывать, были среди партизанских вожаков люди с явной примесью уголовщины, и некоторые из них назы-

вали себя анархистами. Уход с поля боя, кутежи в тылу, налеты на казначейства и грабежи бурятских дацанов быстро превращали повстанческие отряды в обыкновенные банды без всяких признаков идейности. Такими «анархистами» были бывший командир эскадрона Иркутского дивизиона Амзор Караев, отбывавший в Сибири каторгу за убийства и грабежи, разоблаченный как агент царской охранки и сдавшийся белым, бывший заместитель командующего Нижнеудинским фронтом Лавров, расстрелянный Дедушкой за измену, популярный в среде иркутских люмпенов и матросов Байкальской флотилии Пережогин, который был убит в стычке с отрядом красной гвардии, не поделив с ними деньги во время реквизиции Благовещенского банка. Но не они определяли облик сибирского партизанского движения. Тысячи и тысячи рабочих и крестьян сражались под черными знаменами за вольную жизнь и свободный труд, но имена их забыты потомками.

После падения Советов отряд Каландаришвили вернулся в Иркутскую губернию и базировался в бассейне Китоя в 70 верстах западнее Иркутска. Летом 1919 года партизаны пустили под откос восемь эшелонов с белыми и взорвали железнодорожный мост через Китой. Колчаковцы назначили за голову Дедушки награду в 40 тысяч рублей. В декабре 1919 года 500 партизан Каландаришвили двинулись на Иркутск, где началось антиколчаковское восстание.

Слуга режима

О подвигах Нестора Каландаришвили написано предостаточно. Нас же интересуют причины перерождения любимого крестьянами и рабочими партизанского командира в верного слугу большевистского режима. Ведь он не был одинок в своем выборе. Тем же закончил свой путь «последний гайдук» Бессарабии Григорий Котовский, принявший участие в подавлении Тамбовского

восстания (а ведь Котовский был в свое время социалистом-революционером, как и вождь тамбовских повстанцев Александр Антонов), и любимец черноморских матросов анархист Борис Мокроусов, через четверть века получивший звание Героя Советского Союза. Герой Балтики анархист Анатолий Железняков не успел запятнать себя участием в репрессиях против своих вчерашних товарищей — его застрелил в спину во время боя собственный заместитель-большевик, зато матрос-балтиец Павел Дыбенко залил кровью родной Кронштадт, восставший против большевиков в 1921 году. Все остальные народные вожаки, народом выдвинутые, а не Москвой назначенные, в конце концов пали жертвами троцкистско-ленинской «борьбы с партизанщиной».

Уже в марте 1919 года Иркутский комитет РКП(б) установил связь с Дедушкой и предложил ему военно-политическое сотрудничество. Видный деятель международного анархизма и его историк Макс Неттлау писал: «Победа большевиков внесла раскол в анархическое движение. Одни из анархистов соблазнились, а другие сохранили ясность мысли. Так называемые анархо-большевики, одушевленные самыми лучшими намерениями, пытались, как это делается в цирках, ехать одновременно на двух лошадях, однако их лошади скакали совершенно в разных направлениях». Совместная борьба против белогвардейцев повлияла на Нестора, и он все реже вспоминал об анархизме, хотя конфликты с большевиками еще возникали. Например, в конце декабря 1919 года Каландаришвили провозгласил себя верховным главнокомандующим всех партизанских сил в районе Иркутска, что вызвало недовольство главнокомандующего Северо-Восточным партизанским фронтом Сибири Д.Е. Зверева — ставленника большевиков. Центросовет, возглавляемый коммунистами, постановил «немедленно провести разоружение т. Карандашвили (так в тексте — И.П.) с его отрядами и подчинить признанию Верховной Власти Совета, приняв для этого срочные

и самые решительные меры». В ответ на это постановление с мест пришло несколько телеграмм, в которых районные Советы предлагали иркутским большевикам воздержаться от подобных действий, а вскоре развивающееся в Иркутске восстание затмило этот конфликт.

Однако главная причина падения Каландаришвили заключается, на наш взгляд, в том, что сибирский Дедушка никогда не был по-настоящему идейным анархистом. Кондотьер революции, он примыкал к тем, кто «забирал круче», не вдумываясь, чем это может закончиться.

В 1920 году правительство Дальневосточной республики поручило Каландаришвили сопровождать в Москву китайскую военную миссию. Тогда и состоялась встреча знаменитого партизана с Лениным, которая закончилась возгласом Ильича: «Я верю в Вас, уважаемый сибирский Дедушка!» По словам жены и дочери, Каландаришвили уже тогда ответил Ленину, что считает себя коммунистом-большевиком. Последующая карьера Дедушки не оставляет сомнений в достоверности этих слов. В январе 1921 года Нестор Александрович написал письмо Иркутскому губкому РКП(б): «Сегодня я заявляю, что больше я не анархист-коммунист, а коммунист-большевик, член РКП(б)». Правительство ДВР сделало его командующим корейскими вооруженными силами на территории Дальнего Востока и дало ему полномочия формировать и распускать партизанские части, назначать и отстранять командиров по своему усмотрению. В июне 1921 года в городе Свободном Амурской области по его приказу был разоружен и расформирован Сахалинский полк, состоявший из корейских анархистов, что стало началом разгона анархистских частей в Приамурье. Причиной разоружения стал отказ бойцов полка подчиняться назначенному Дедушкой новому командиру — бывшему семеновскому офицеру, перешедшему на сторону красных. В октябре Дедушка был награжден орденом Красного Знамени и вскоре вновь

посетил Москву. Ильич достаточно присмотрелся к Нестору Александровичу и решил, что лучшей кандидатуры на пост главаря карательного отряда, призванного подавить Якутское восстание, ему не найти.

Осенью 1921 года в Якутии началась борьба против большевиков, которую возглавила народная интеллигенция из федералистов, эсеров и конституционных демократов. Было сформировано Временное якутское областное народное управление (ВЯОНУ), власть которого быстро признали Колымский, Верхоянский, Якутский и Вилюйский округа. Якутск, в котором засел большевистский гарнизон, находился в осаде. В январе 1922 года отряд Каландаришвили вышел из Иркутска. Дойдя до Бодайбо, Дедушка предложил местным властям сформировать отряд из «тамбовцев» и поставить их в такие условия, «при которых они будут принуждены делать то, что нам нужно». «Тамбовцы» — это сосланные в Бодайбо семьи тамбовских крестьян-повстанцев, участников Тамбовского восстания, подавленного полугодом раньше. Вчерашний анархист Каландаришвили предлагал бодайбинским руководителям отделаться от тамбовцев «мытьем или катаньем». «Мытьем» он считал отправку их в Якутск в качестве пушечного мяса, «катаньем» — определение на принудительные работы в северные районы в случае отказа участвовать в подавлении восстания якутов. По его мнению, тамбовцы были экономически вредны для города, так как они «пожирали последний кусок хлеба рабочего». Как видим, далеко ушел борец за счастье всех угнетенных!

Шестого марта 1922 года недалеко от Якутска бесславно закончился путь Нестора Каландаришвили. Якутские охотники стреляли без промаха, и весь штаб красного отряда, попавший в засаду, был уничтожен во главе со своим начальником.

На Украине из поколения в поколение передаются песни и легенды о батьке Несторе Махно. В Сибири про

Сибирский дедушка

Нестора Каландаришвили песен не поют, зато фигура его украшает памятник сибирским партизанам возле Центрального парка культуры и отдыха — бывшего Иерусалимского кладбища в Иркутске.

5. Партизанская война Дмитрия Донского

Александр Солженицын точно подметил, что «по усвоенному нами правилу, все в мире, кто за нас, — “партизаны”, а все, кто убивает нас, — “бандиты”». В советской историографии даже термин специальный существует — «политический бандитизм». Его относят к повстанческому движению Махно на Украине и к крестьянской войне под руководством Антонова на Тамбовщине, к Западно-Сибирскому и к Кронштадскому мятежу, к многочисленным вооруженным выступлениям крестьян и казаков на Дону и в Сибири, к антибольшевистской борьбе народов Кавказа и Средней Азии. Все, что против большевиков, — «политический бандитизм». Слово «политический», должно быть, означает, что «бандиты» сражались и гибли не ради наживы, а ради идеи. Одним из таких «политических бандитов», оставивших след в истории Приангарья, был уроженец Евсеевской волости Балаганского уезда Дмитрий Донской. Старики до сих пор вспоминают о нем. Осторожно вспоминают. Сразу и не понять — то ли осуждают, то ли втайне восхищаются.

Партизанские тропы атамана Донского пролегли по всему Прибайкалью, хотя центром его боевых действий оставался родной Балаганский район. Бывал он и в Усольском районе, и все местные повстанцы, по словам чекистов, «входили в его оперативное подчинение». По имеющимся у автора данным, в селе Казачьем до сих пор живет старушка, которая много десятилетий назад прятала в своем доме раненого атамана.

Осенью 1920 года в селе Каменка крестьяне отказались сдавать хлеб по продразверстке. Мужикам нужен был вожак, и он не заставил себя ждать. Им стал бывший фронтовик Первой мировой, затем унтерофицер колчаковской армии Дмитрий Донской. С сохранившейся архивной фотографии смотрит на нас молодой красавец в шинели и папахе, на боку — шашка. Рукой неизвестного чекиста начертано: «Донской Дмитрий Павлович, главарь бандитов Балаганского уезда». Фото, очевидно,

времен Первой мировой войны. В 1920 году он выглядел гораздо старше. Бывший фронтовик был умелым военным руководителем и пользовался большой популярностью у своих земляков. Это отмечается даже в сводках ГПУ, недавно извлеченных из архивов.

Весной 1921 года многочисленный отряд Донского был разбит красными под Новой Удой, и крестьяне разбрелись по домам. С Донским остались самые преданные повстанцы, около 30 человек. Мобильный отряд партизан больше не вступал в открытый бой с Красной Армией и перешел к тактике террора. Непроходимая тайга, помощь местного населения и жестокая расправа с чекистскими осведомителями позволяли Донскому три года уходить от погони. Отряд повстанцев разделился на мелкие группы, которые рыскали по всему уезду, уничтожая коммунистов. Чекисты не раз пытались внедрить в банду своих агентов из числа сотрудников уголовного розыска. Однажды один из повстанцев узнал милиционера, и тот был зверски убит. В другой раз один из сподвижников Донского решил прекратить борьбу и вернулся в свой дом. Атаман разыскал его и приказал разорвать отступника на части, привязав его ноги к пригнутым верхушкам деревьев. Жестока война, особенно гражданская, а в Сибири она продолжалась до середины 1930-х годов.

Донской ждал своего часа и дождался. К лету 1922 года российскую деревню вновь захлестнула волна недовольства властью. Разразившийся в результате продразверстки искусственный голод, достигший своего пика в 1921–1922 годах, унес жизни пяти с лишним миллионов крестьян. «Если кулак останется нетронутым, — заявлял Ленин, — если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист». Он дал директиву на места: «Кулаков необходимо урезать». В ходе этих «урезаний» у крестьян было изъято 50 миллионов гектаров земли, а ее владельцы, объявленные классовыми врагами, были расстреляны, заключены в тюрьмы и концен-

традиционные лагеря (именно так они и назывались до 1930 года). Те, кто остался на воле, были обречены на голодную смерть, так как Наркомсобес РСФСР объявил о лишении всех видов пайков «для кулацких и буржуазных элементов деревни и города».

Даже после объявления НЭПа эта политика по отношению к деревне продолжалась. С мест в центр лавиной шли примерно такие запросы: «В 1917–1918 годах мы могли определить, кто буржуй, кто кулак, кому не дать слова на сходе, на кого положить чрезвычайный налог. А что нам делать теперь? Частной собственности нет, лавочки нет. Во время гражданской войны у него забрали все. Какой меркой будем мерить буржуя и бедняка теперь?» Всесоюзный староста Калинин на XII съезде партии многозначительно обронил: «Кулачность, правильнее, мелкобуржуазность, свойственны каждому крестьянину», но более вразумительных разъяснений не последовало. Поэтому грабеж начался без разбора, кто кулак, кто середняк, а кто и бедняк. Не случайно бедняков в «бандах» было больше, чем кулаков.

К лету 1922 года в Иркутском уезде действовали два партизанских отряда. Отряд Прокопьева, численностью до 50 бойцов, орудовал на Якутском тракте, грабя транспорты и уничтожая коммунистов. В партизанское формирование бывшего колчаковского полковника Шапошникова влились мелкие отряды капитана Ушакова, Татаркина-Романенко, Морозко и Брагина, и костяк активно действующих повстанцев достиг 75 человек. Они называли себя Первым Прибайкальским партизанским отрядом, установили связь с отрядом Прокопьева, были отлично вооружены и пользовались симпатией жителей сел, имели много сообщников, укрывателей и разведчиков. В отряде были офицеры и крестьяне, национальный состав — русские, татары, буряты и тунгусы.

Донской продолжал действовать в Балаганском уезде. Информационная сводка Иркутского губернского

отдела ГПУ от 1 июня 1922 года сообщала: «Населению особо доверять не приходится, ибо неуловимость банд этого уезда (в частности — Донского) в большой мере зависит от местного населения. Банда Донского (район правого берега Ангары), численностью до 40 человек, хорошее вооружение. Активность сводится к налетам на кооперативы, Советы, к убийствам коммунистов и сочувствующих. Одна из наиболее старых банд. Пользуется большой популярностью в своей колыбели — Евсеевской, Осинской и Большой Острожной волостях. Последние сведения отмечают распыление банды на мелкие отряды, оперирующие по Жигаловскому тракту, что связано с продвижением наших армейских эшелонов по тракту на Якутск. По непроверенным данным, бандой во второй половине мая разбит отряд коммунистов и милиции Бохана (30 человек)».

В Якутске в это время полыхало антибольшевистское восстание, при подавлении которого в марте 1922 года уже погиб знаменитый в прошлом партизан-анархист, ставший большевиком и героем гражданской войны, Нестор Каландаришвили. Туда и шли теперь эшелоны красных частей. В июне сводка ГПУ излагала: «Главной причиной ухудшения настроения крестьян послужило передвижение по уезду войсковых частей, вызванное якутскими событиями, оторвавшее на время крестьян от планомерной полевой работы и обессилившее гоньбой пахотных лошадей. Враждебному отношению крестьян к советской власти в немалой степени способствует и неуловимое пребывание в уезде банды под командованием Донского. Сама продолжительность пребывания в уезде банды лишний раз говорит о широкой поддержке ее крестьянами. Разные безобразия, чинимые комсоставом и красноармейцами, расквартированными в уезде частями бригады, тоже способствуют обострению».

Под влиянием якутских событий «бандиты» Иркутской губернии решили объединиться и пойти на помощь

восставшим эвенкам и якутам. Чекисты с тревогой отмечают, что «движения различных бандитгруппировок принимают форму не отдельных самостоятельных выступлений, а совместных, с отработанной тактикой, операций. Последние сведения отмечают, что наиболее активные и жизнеспособные бандитотряды вошли в оперативное подчинение к маститому евсеевскому бандиту Донскому. 31 мая бандзаставой Донского убит помкомандира 315-го полка Морозов. 15 июня отмечены налеты на улус Халы». Чувствуете слог документа? Таким слогом говорят не о борьбе с преступными группировками, а о боевых действиях против регулярной неприятельской армии.

В июле война продолжала набирать обороты. Сводка ОГПУ сообщает, что «сильнейшее влияние на банддвижение в Иркутской губернии оказали события Якутфронта, временные успехи белогвардейцев, стремящихся к полному завоеванию края и расширению своих владений на счет северо-восточных окраин Иркутской губернии. Иркутбандиты начали создавать единый антибольшевистский фронт, для чего все банды должны были слиться в компактную массу и двинуться через Верхотурский и Киренский уезды в Якутобласть. За отчетный период отмечается активность банды Донского. Характерным по удали и наглости фактом является нападение 13 июня на обоз с боеприпасами 226-го полка и его захват. Деятельность исполкомов Советов в районе операций банды замерла. Балаганский уезд по бандитизму является наиболее зараженным по всей губернии. Бандгруппировки, кажущиеся на первый взгляд малоактивными, неподвижными и безвредными, на самом деле хорошо организованы и спаяны и занимают выжидательную позицию до представившегося удобного случая, после чего соединяются и выступают под руководством одного из популярных бандитглаварей Донского. Ликвидация такого рода бандгрупп весьма затруднительна».

В ночь на 23 декабря 1922 года Донской соединился с партизанским отрядом Беляевского числом в 30 бойцов при одном пулемете и произвел налет на село Евсеево, где повстанцы разгромили потребительскую лавку, угнали скот и убили 31 коммуниста и милиционера, в том числе девять красных дружинников во главе с их командиром. После этой победы отряд повел наступление на село Восточно-Острожное. Здесь повстанцев встретила местная красная дружина. Бой продолжался пять часов. Заместитель Донского Беляевский был убит, еще девять партизан ранены. Ранен в руку был и сам Донской. Отряд временно был распущен по лесным заимкам для «зализывания ран». Зиму пересидели в тайге.

Весной следующего года война возобновилась.

«Изучая настроение крестьян, — пишется в очередной чекистской сводке, — приходится признать, что последовательные объявления тех или иных налогов, денежных сборов и обложений начинают нервировать крестьян. Крестьяне Тулуновского уезда говорят: “пусть нас расстреливают, а платить вновь объявленные денежные налоги не будем”. Заметно ухудшилось отношение крестьян как к власти, так и к коммунистической партии. Милицию крестьяне также считают коммунистической и ненавидят». Далее сводка сообщает подробности. Население открыто заявляет: «Налогам задавили. Советская власть обманывает так, как не обманывало царское правительство». В Селенгинском уезде на почве голода всюду отмечаются ропот и недовольство. В Джидинском районе голодающие числом до 40 тысяч человек питаются травой, а скот уничтожен. На почве голода свирепствуют эпидемии тифа, оспы, дифтерита. Из-за голодовки всюду грабежи и кражи, главным образом продуктов питания.

Якутское восстание было подавлено с большой кровью, но в марте 1923 года Дмитрий Донской продолжал борьбу. На его поимку был отправлен целый кавалерийский эскадрон, которым командовал Иван Строд —

знаменитый ликвидатор сибирских партизан, герой гражданской войны. Этот человек был живой легендой Сибири. Родился он в латышском городе Люцине, в 20 лет пошел на германский фронт, был разведчиком. За подвиги в Первой мировой он получил четыре Георгиевских креста. Весной 1918 года Строд со своей боевой дружиной прибыл в Иркутск и вступил в кавалерийский дивизион Нестора Каландаришвили. Сибирский Дедушка увлек бывшего прапорщика идеями безвластия, и Строд под черным знаменем отправился на Даурский фронт сражаться против казаков атамана Семенова. От анархизма Строд, впрочем, скоро отошел, но романтизм и вольнолюбие, свойственные апологетам этого учения, остались в нем до конца его жизни. Его, как «романтика и анархиста», в 1923 году даже пытались исключить из партии большевиков.

Строд сражался против Сибирской армии генерала Пепеляева, попал в плен и целый год до ликвидации колчаковщины просидел в тюрьме. После освобождения он возглавил спецотряд по борьбе с бандитизмом и воевал в Забайкалье против семеновцев и японцев. За разгром унгерновских есаулов Токмакова и Тапхаева он был награжден орденом Красного Знамени — первым из четырех. В 1921 году Строд ликвидировал банды Коробейникова, Ярыгина, Бочкарева, Дуганова и других белогвардейских офицеров и казаков-карателей в Олекминске, Амге и на Вилюе. В следующем году он вновь встречается со своим старым врагом Анатолием Пепеляевым, высадившимся со своими отрядами на охотском побережье. На сей раз эта встреча чуть не закончилась для Строда трагически. Продолав тысячекилометровый переход по заснеженной тайге и ледяной тундре, отряд Строда попал в западню в стойбище Сасыл-Сысыы. Стойбище было превращено в ледяную крепость, и Строд с отрядом, почти без еды и сна, 18 суток отбивался от наседавших пепеляевцев. А они были офицеры отборные, под бело-зеленым

знаменем независимой Сибири ходившие на Москву, а потом повернувшие против Колчака. Были пепеляевцы в основном социалистами-революционерами по убеждениям и желали вольной Сибири без царя и Ленина.

Почти все бойцы Строда были ранены, и сам он был ранен в грудь, но, едва держась на ногах, продолжал командовать отрядом. Красные дождались подмоги. Позже «сибирский генерал» Пепеляев заявил на суде: «Мы, все подсудимые, знаем о необычайной доблести красного отряда гражданина Строда и выражаем ему как военные люди искреннее восхищение». За эту почти трехнедельную ледовую оборону Строд получил второй орден Красного Знамени. Третий орден ему присвоили за ликвидацию неуловимой банды Дмитрия Донского.

Строд тоже использовал партизанскую тактику засад. Он разбил эскадрон на мелкие отряды, которые перекрыли все пути движения Донского. В то же время в банду был внедрен милицейский агент Василий Малеев, который несколько месяцев находился среди повстанцев и передавал сведения об их численности, вооружении и местонахождении. Использовал Строд, которого называли «сибирским Чапаевым», и метод перевербовки. Под угрозой расстрела семьи склонял пленного повстанца к сотрудничеству, фотографировался с ним в обнимку и засылал перевербованного в банду. При этом предупреждал, что если новоиспеченный агент не будет выполнять его заданий, то фотография вскоре окажется в руках главаря. Изменника ждет лютая смерть. В чекистских архивах сохранилось несколько таких фотографий. На одной из них он держит под руку пленного повстанца-якута Артемьева, который все же рискнул послушаться Строда и в 1925 году возглавил новое восстание в Якутии.

18 ноября 1923 года закончил свой путь Дмитрий Донской. Противник ему на сей раз попался достойный. Отряд Строда настиг повстанцев на Пущинской заимке. В бою пали почти все мятежники. По некоторым дан-

ным, Строд лично пристрелил раненого атамана, добавив к своему послужному списку еще одну победу и орден.

В 1925 году Иван Строд подавил восстание Артемьева в Якутии и на сей раз с ним не фотографировался. За новую победу он получил наградной знак героя Якутии, а вскоре и четвертый орден Красного Знамени. Четыре Георгия и четыре ордена Красного Знамени было у Ивана Строда, но от гибели они его не спасли. В 1938 году он был брошен на цементный пол Лефортовской тюрьмы в Москве. В то самое время там сидел его старый противник — генерал Пепеляев. Так злая судьба свела двух легендарных сибирских полководцев, ныне незаслуженно забытых. «Сибирский Чапаев» и «сибирский генерал» приняли смерть одновременно, через 15 лет после гибели еще одного легендарного сибиряка — атамана Донского. А тогда — зимой 1923 года — труп Дмитрия Донского долго возили по деревням и показывали крестьянам. В назидание и для доказательства, что неуловимый атаман наконец-то убит. Впрочем, так поступали не только с Донским. Так тогда было принято.

6. Заговоренный атаман

Пожалуй, самым легендарным бандитом в Иркутской губернии был Григорий Кочкин. Девять лет его имя наводило страх на сельских активистов и милиционеров, чоновцев и продагентов.

Григорий и два его брата выросли в семье потомственного конокрада, бывшего каторжника Александра Кочкина. Высокого роста, плечистый, с черной бородой на крупном скуластом лице, Григорий выделялся среди братьев физической силой, волевым характером и природным умом. По свидетельствам современников, Кочкин не пил, не курил, не употреблял матерных слов, был хитер и ловок, жесток, но и справедлив. Семья Кочкиных жила в селе Никольском.

Во время империалистической войны Григорий дослужился до вахмистра, стал Георгиевским кавалером, участвовал в гражданской войне и в начале 1921 года вернулся в родное село. Вскоре бурятские чабаны заподозрили его семью в конокрадстве и убили отца Кочкиных — старого каторжника. Вполне возможно, что убили за дело, но после этого братья начали люто мстить убийцам.

Григорий стал признанным атаманом и быстро сколотил шайку из озлобленных продрозверсткой крестьян, бывших колчаковцев и уголовников. Месть превратилась в войну против власти, и у Кочкина появилась наполеоновская мечта создать в Прибайкалье независимую крестьянскую республику. Во главе крупного отряда Кочкин двинулся на Иркутск, но в пади Топка его встретил пулеметный огонь чоновцев. Сотня повстанцев полегла в Топке, были убиты и оба брата Кочкина, но сам атаман с горсткой сподвижников скрылся в тайге.

Во многих селах он имел своих связников и осведомителей, крестьяне снабжали его провиантом, сообщали о передвижениях отрядов армии и милиции. Ни одна партизанская группа не способна просуществовать длительное время без поддержки местного населения, и такая поддержка у Кочкина была. Отлично вооруженный

отряд, имевший револьверы, винтовки, гранаты и даже пулеметы, напал на обозы на Якутском тракте, контролируя этот путь от Иркутска до Качуга, и после налетов бесследно скрывался в тайге. Крестьяне слагали о грозном атамане песни и легенды, говорили, что он заговоренный и что пуля его не берет. Многие утверждали, что сами видели, как пули впивались в мощное тело Гришки, а он только смеялся.

Сам Кочкин был отличным стрелком, никогда не пользовался пашкой. На лесных заимках забавлялся тем, что ставил рюмку на голову кого-либо из партизан и на спор с 30 шагов перебивал пулей стеклянную ножку. Эти забавы в духе Вильгельма Телля приводили в ужас самих бандитов. Гордостью Кочкина был лучший в округе вороной жеребец, угнанный у крестьянина из Урика, который не раз уносил его от погони. У него все было лучшее — цейсовский бинокль, карабин...

Вел он себя, как удельный князь, хозяин тайги. Сам решал, кого казнить, кого миловать, кого одарить, кого по миру пустить. Награбленным с крестьянами делился, особенно любил детишкам конфеты раздаривать. Чекисты по фантикам и определяли, какое село Кочкин посетил. Сами крестьяне хранили молчание, не выдавая атамана — кто из любви, кто из страха.

В своем селе Кочкин появлялся редко, его дом был заброшен, трава из года в год оставалась некошеной. Однажды участковый милиционер привел на его участок крестьян и предложил им скосить траву на корм скотине. Никто из мужиков не притронулся к косе. Тогда милиционер сам взял литовку и прошел два рядка. Через несколько дней его труп нашли за околицей.

Долгие годы Кочкин был неуловим для губернского уголовного розыска, ловко уходил из всех засад и ловушек. Засылаемые в банду агенты неизменно разоблачались, и их трупы подбрасывались на видные места. Но все на свете имеет свой конец. В июне 1929

года в дом участкового села Куяда Хатыпова прибежала соседка и сообщила, что во дворе крестьянина Михаила Михалева только что видела вооруженного до зубов человека, а младший брат Михаила, 15-летний Оська разгуливает по двору с наганом. Хатыпов догадался, кто пожаловал в село, и прокрался к дому Михалева. В щель забора он увидел опоясанного пулеметными лентами двухметрового бородача, рядом с ним лежал карабин. Хатыпов перепрыгнул через забор и бросился на атамана, заломил ему руку. Бородач зарычал от боли, и в этот момент из сарая выскочил Осип. «Что смотришь, пацан, стреляй!» — крикнул бородач. Подросток выстрелил в голову милиционеру, а Кочкин прыгнул в седло и исчез.

Пуля попала в Хатыпову в щеку и застряла в нижней челюсти, он остался жив, но арестованные братья Михалевы об этом не знали. Чекист Аркадий Барутчев, специально прибывший из Кузбасса для поимки Кочкина, на допросе поставил старшего Михалева перед выбором: либо расстрел несовершеннолетнего Осипа за нападение на представителя власти, либо убийство Кочкина. Михалев был родственником верной подруги Кочкина Аниски Саламатовой, делившей с атаманом тягости и опасности партизанской жизни. Опытный чекист Барутчев, отпрыск интеллигентной петербургской семьи и несостоявшийся художник, сразу понял, что Михалев, первый охотник на селе, знающий в тайге все тропки, как свои пять пальцев, является связным Кочкина, и вынудил его на предательство.

Неделю бродил Михалев по тайге и нашел Кочкина в одной из тайных землянок. Атаман спал. Михалев поднял его карабин и нажал на курок. Осечка! Ужас объял предателя. Неужто и вправду Кочкин заговоренный?! Григорий открыл глаза, и Михалев едва успел бросить карабин на землю. «Это ты? — удивился вожак. — Почему тебя выпустили из ЧК? Может, купили уже?» Михаил терпеливо пересказал легенду о своем бегстве, но ата-

ман был осторожным волком. Он не до конца поверил Михалеву и приставил к нему наблюдателя — крепкого деда с Георгиевским крестом на груди. После неудачного покушения Михалев наотрез отказался его повторить, но Барутчев, державший связь с ним через своего агента в Куяде, пригрозил расстрелом младшего брата Осипа, убеждал, что никакого заговора нет, просто патроны в кочкинском карабине отсырели, и даже передал Михалеву свои промасленные патроны: «Эти заговоров не боятся — в церкви освятили!»

В сентябре 1929 года Кочкин устроил засаду обозу, идущему в Иркутск, возле деревни Жердовка. Атаман сидел в седле и с косогора наблюдал в бинокль за Якутским трактом. На ближайшей сопке банда ждала его условного сигнала. Из-за поворота показался обоз. За спиной атамана сидели на конях Михалев и Аниска. Михалев понял, что более удобного момента не будет. Он выхватил обрез и выстрелил в широкую атаманскую спину. Закричала Аниска. Тело Кочкина медленно сползло с жеребца. Под видом извозчиков в обозе были Барутчев и другие чекисты. Банда была окончательно разгромлена.

Власти и раньше неоднократно объявляли о смерти знаменитого разбойника, но эти сообщения всякий раз оказывались ложью. Поэтому, чтобы убедить крестьян, что на сей раз с Кочкиным покончено, тело атамана долго возили по деревням и выставляли напоказ. Потом его заспиртованную голову поместили в Иркутском краеведческом музее в экспозиции о коллективизации, пока кто-то из начальства не понял, что такой экспонат не является украшением музея и не привлекает симпатий к колхозному строю.

Аниску Саламатову расстреляли после того, как в тюрьме сделали ей аборт. Молодой Осип Михалев получил пять лет заключения, вскоре бежал из-под стражи, вернулся в родную Куяду и убил заместителя председателя сельсовета. В 1935 году Осип был расстрелян за банди-

Заговоренный атаман

тизм. Убийца же неуловимого атамана Михаил Михалев получил свободу, участвовал в Великой Отечественной, получил орден Славы как сибирский стрелок-снайпер. Дожил он до 1970-х годов, умер в селе Куяда. Он пережил всех, даже чекистов. Односельчане говорили, что был он человеком мрачным, неразговорчивым. Знать, не раз приходил к нему во сне преданный им Григорий Кочкин.

7. Конец неуловимого главаря

Второй по опасности для большевиков в Иркутской губернии была банда жителя Заларинского района Константина Замашикова. Если отряд Григория Кочкина бесчинствовал без малого девять лет, то Замашиков воевал в тайге восемь лет. Правда, и начал он раньше. Первое сообщение о банде Замашикова появилось в начале 1918 года. Тогда в Сибири уже всюду шла гражданская война. В деревнях создавались и красногвардейские, и антикоммунистические отряды, которые возглавляли фронтовики Первой мировой. В феврале 1918 года отряд Замашикова напал на Троицкий винокуренный завод и выбил оттуда красногвардейцев. Красные отступили с большими потерями, затем, получив подкрепление, вновь захватили завод. Банда отступила в тайгу и укрылась на заимках. В период колчаковщины Замашиков себя активно не проявлял, ограничиваясь мелкими стычками с красными партизанами, охотой на сельских активистов и набегами на лавки и кооперативы. Банда вновь начала боевые действия в 1920 году.

Биография Константина Замашикова досконально не известна. Родом он был из Троицка, по-видимому, побывал на империалистической войне, где и приобрел боевой опыт. Кулаки и купцы поддерживали его отряд провиантом и оповещали о передвижениях красных. Дочь купца Надежда Галашина из села Каратаево была любовницей атамана. В сентябре 1920 года Замашиков встретился в открытом бою с красным партизаном Иваном Смолиным. Смолинцы одолели банду, и Замашиков стал избегать встреч с красными частями, действовать засадами и набегами. В тот период в банде было 30–35 человек, не считая связанных и помощников, снабжавших лошадьми, оружием и продовольствием. В сводках ОГПУ писали, что банда состоит в основном из уголовников, бежавших из разных тюрем. Это не соответствует действительности. Костяк отряда был из крестьян-кулаков и середняков, недовольных властью «голодранцев», были в банде казаки и буряты Аларского аймака.

Замашикова ловили много лет, но банда то появлялась, то бесследно исчезала. О ней неоднократно писали, что она самоликвидировалась, но всякий раз эти слухи опровергались новыми налетами и убийствами сельских коммунистов. Однажды банду вовсе сняли с учета ОГПУ, но она появилась вновь. Позже разведка частей особого назначения выяснила, что Замашиков всякий раз после налета распускал банду на группы по 2–3 человека. Они отсиживались, откармливались, заживляли раны и вновь собирались в условленном месте здоровые и готовые к действиям. В этом и заключался секрет неуловимости банды.

Последний бой с красноармейцами Замашиков провел в октябре 1923 года. Тогда банда из шести человек была настигнута чоновцами, и Замашикова ранили. Всем бандитам удалось уйти в лес, и ловить их пришлось еще два года. Осенью 1925 года охотой на партизан было поручено заняться известному красному командиру Щетинкину, в прошлом штабс-капитану и Георгиевскому кавалеру. В одном из боев красными был взят в плен бывший колчаковец, который в бессознательном состоянии назвал имя зажиточного казака с Кубани, жившего в селе. На допросе казак указал место, где скрывался Замашиков, — в тайге, где не ступала нога человека, на горе. У банды было много оружия, в том числе четыре пулемета «Максим», которые были направлены на все четыре стороны. Гора была окружена чоновцами, атамана хотели взять живым, но казак-предатель решил по-другому. Он не хотел смотреть в глаза своему главарю и выстрелил в Замашикова, как только тот вышел из избы на лай собаки. Атаман упал и быстро заполз в избу с криком: «Красные! К оружию!» Бандиты выскакивали наружу и попадали под огонь чекистов. Поняв, что это конец, Замашиков выстрелил себе в голову. Как и в случае с Кочкиным, труп Замашикова несколько недель возили по деревням и выставляли напоказ. Восемилетняя погоня была закончена.

8. Последний поход поручика Чернова

Продразверстка и раскулачивание, проводимые большевиками в Сибири, вынудили крестьян и казаков выступить против новой власти с оружием в руках. Они объединялись в многочисленные отряды под руководством опытных командиров и порой вступали в открытые бои не только с милицией и отрядами ЧОН, но и с регулярными частями Красной Армии. В каждой деревне, селе, улусе, станице повстанцы находили поддержку крестьян, и подавление этого партизанского движения исключительно карательными методами казалось невозможным. Только во второй половине 1920 года в Восточной Сибири было убито более 100 продагентов, отбивавших у крестьян хлеб, а число погибших сельских коммунистов, милиционеров и совслужащих не поддается подсчету. Хорошо вооруженные, маневренные отряды «бандитов» неизменно уходили от преследования. Стоило в округе появиться красноармейской части, как из ближайшего села в расположение банды уже мчался гонец: «Красные близко!» Крестьяне охотно давали «бандитам» продовольствие и лошадей, в то время как отряды частей особого назначения нуждались во всем, вплоть до боеприпасов. К весне 1921 года повстанческое движение приобрело такой размах, что угрожало самому существованию большевистской власти. Командиры повстанцев выдвигали разные лозунги и политические программы. Самыми популярными были эсеровское учредительное собрание и анархистские вольные советы без большевиков, но в одном все повстанцы были едины: «Долой продразверстку, комбеды и чрезвычайки!»

В феврале 1921 года в селе Каменка началось восстание под руководством бывшего офицера Дмитрия Донского. Весной его многотысячный отряд был разбит в боях под Новой Удой и ушел на Евсеевские заимки, где соединился с отрядами Чернова, Бертеньева и Татаркина. К тому времени в объединенной банде насчитывалось до 300 крестьян. Донской был избран атаманом, а началь-

ником штаба у него стал бывший подпоручик царской армии Виктор Чернов. Крестьянин-середняк, он за свою храбрость на германском фронте дослужился до офицерского звания и получил несколько Георгиевских крестов.

К Донскому и Чернову стекались уходившие от преследования красных крестьянские отряды с Приленья и Ангарских островов, до той поры почти все они скрывались на таежных заимках.

Однажды ночью атаманы собрались на совет. Нужно было решать, что делать дальше. Открытая борьба с Красной Армией была партизанам уже не по силам, уходить от погони становилось все труднее. Чекисты в деревнях арестовывали любого, заподозренного в сочувствии к «бандитам», причем вместе со всей семьей. Поддержка местного населения начала иссякать. На совете Чернов предложил уходить в Монголию к барону Унгерну, но многим повстанцам не хотелось оставлять родные места. Мужики боялись чужой стороны и готовы были лучше пойти под расстрел, чем бросать семьи и дома на произвол красных. В конце концов атаман Донской не выдержал и предложил то, что в свое время сказал казакам Тарас Бульба: «Кто хочет остаться, стройся налево, кто за то, чтобы уходить, давай направо!» Всадники разделились. Большая часть решила остаться и биться до конца. Остался и атаман Донской. Он увел свой отряд на Евсеевские заимки, чтобы спустя некоторое время встретить смерть в бою. Чернов с меньшей частью пошел в Монголию.

Разгромив станцию Головинскую, расстреливая коммунистов, отряд Виктора Чернова через Аляты вышел к Троицкому заводу. Здесь черновцы запаслись провиантом и лошадьми, готовясь к долгому походу. Перебравшись через Саяны, повстанцы встретили бурятских охотников, которые сообщили им, что на границе действует другой партизанский отряд под командованием Шубина и что в Монголии красных нет. Через некоторое время в Тункинской долине Чернов узнал, что отряд Шубина

разбит. Унгерн неизвестно где, в Монголии красные. Вскоре в Белой пади черновцев настигла погоня, и большая часть партизан была перебита. Путь в Монголию был отрезан, и Чернов решил пробираться в родные края. Обстановка в стране к тому времени изменилась. Напуганные народными восстаниями и бунтами в армии и на флоте, большевики сменили продрозверстку продналогом, объявили амнистию участникам антибольшевистского движения, добровольно сдавшим оружие. Крестьяне уже не стекались в леса, а уходили, надеясь заняться, наконец, мирным трудом. Настал день, когда с Виктором Черновым остался только один человек — бурят Василий Хулугуров. «Едем в Иркутск, — сказал Чернов. — Там раздобудем документы и уйдем хоть на восток, хоть на запад». «Мне, однако, и в Иркутске ладно будет», — ответил Хулугуров.

На лошадях, впряженных в сани, груженные мукой и мясом, спутники добрались до Черемхово, где у Чернова жила тетка Мария Андреевна. В то время по сибирским дорогам много крестьян везли на продажу в города продукты, оставшиеся у них после выплаты продналога. У тетки Чернова уже ждали. Один из чекистов явился к ней, представившись дальним родственником из деревни. Когда Чернов увидел «двоюродного брата», то не сразу поверил, но выбора у него не было. Чекист предложил вместе ехать в Иркутск, купить на толкучке паспорта и уехать во Владивосток в буферную Дальневосточную республику. Там недалеко были атаман Семенов и японцы, которые являлись единственной реальной силой, способной противостоять большевикам.

В Иркутск два повстанца и чекист прибыли в начале декабря 1921 года, поселились на улице Иерусалимской (ныне Первая Советская) в доме бывшего колчаковца. Губернские чекисты уже знали об этой явке от «двоюродного брата». Чернов купил на старом мучном рынке, называемом Манчжуркой, документы и готов был уйти

за Байкал. Уйти, чтобы вернуться. На квартире он был неожиданно схвачен и после недолгого следствия расстрелян. Та же судьба постигла его соратника бурята Хулугурова.

Поход в Монголию закончился для Виктора Чернова в Иркутске, но пуля могла бы настичь его в любом другом месте. Большинство партизанских вождей погибло не в боях, а пало жертвами провокации, попадая в засады и ловко расставленные ловушки, получив пулю в затылок от своих соратников, перевербованных чекистами под страхом смерти членов их семей.

9. Жанна д'Арк сибирской контрреволюции

Известным человеком на Лене был в начале века Андриан Черепанов. Управляющий пристанью в Верхоленске, богатый купец, крепкий и солидный мужчина, отец семейства. Его дочери выросли и уехали учиться в Петербург, сын Василий стал офицером, прапорщиком. Андриан Черепанов был вдовцом, но в его доме появилась купеческая дочь Анна Чемякина — молодая, статная, отчаянно смелая, в одиночку на медведя ходила. Была она младше Черепанова на 25 лет. Молодая жена быстро показала себя умелой хозяйкой. Успевала бывать и в доме, и на пристани, сама ходила по Лене с грузами на кораблях, ленивых и проныр самолично хлестала сыромятным кнутом и выгоняла без расчета. Жуликоватые приказчики боялись ее как огня.

Грянула революция, пришла власть большевиков. Амбары Черепановых опустели, вчерашние батраки в совдепе управляют, а хозяева в разорении. Когда весной 1918 года белочехи подошли к Иркутску, на Лене появился вооруженный отряд из купцов, кулаков и бежавших из иркутской тюрьмы офицеров. Командиром отряда стал Андриан Черепанов, но фактически управляла всем его молодая жена Анна. Бандиты свергли Верхоленский совдеп, перебили всех активистов-коммунистов и на Качугском тракте захватили отряд большевиков, среди которых оказался председатель Сибирской ЧК Иван Постолюковский — местный Дзержинский. Черепановцы отправили пленных в Иркутск и передали их новой власти, состоявшей из социал-демократов и социалистов-революционеров. Управляющий губернией эсер Павел Яковлев приговорил первого чекиста Сибири к смертной казни, и Постолюковского повесили в Глазковском предместье.

Когда в 1920 году вернулись красные, Черепанов собрал своих сподвижников и поднял восстание. К нему присоединилось много офицеров-капеллецев, участников «ледового похода», не успевших уйти в Забайкалье. Отряды ЧОН ловили повстанцев по тайге, но часто сами

оказывались в роли пойманных. Так случилось с отрядом под командованием Мишарина. Несколько раз он почти настиг людей Черепанова, но однажды чоновцы устали и решили отдохнуть. Ночью повстанцы окружили своих преследователей и перебили всех до единого.

Всюду: в деревнях и улусах, на хуторах и заимках — были у Черепанова свои люди. Стоило отряду войти в населенный пункт, тут же местные крестьяне и скотоводы-буряты снабжали его лошадьми, продовольствием, теплой одеждой. Местные жители вылавливали и приводили к черепановцам сторонников большевистской власти, и повстанцы чинили над ними жестокую расправу. Гуманизм в то время был не в чести. Окружить банду и вступить с ней в открытый бой было невозможно — сочувствующие тут же предупреждали черепановцев о приближении красных, поэтому было решено было действовать по-другому. В тайгу отправились добровольцы из бывших охотников. В задачу этих одиночек входила охота на партизанских вожаков. Однажды красным снайперам повезло. Они выследили Анну Черепанову и окружили участок тайги, где она пряталась. В тот момент атаманша была одна — тайно ездила в село Куртухай проведать свой бывший дом. Красные прочесали лес, но Анну не нашли. Оказывается, 30-летняя атаманша не растерялась, спряталась в болоте и несколько часов дышала через камышину. А еще через несколько дней чоновец-охотник увидел ее стоящей на опушке с биноклем в руках. Снайпер выстрелил из берданки. Подоспевшие партизаны унесли раненую Черепанову в лес.

Пуля чоновца попала Анне в бедро. Поправившись после ранения, она продолжала борьбу с удесятеренной яростью. Чтобы уходить от погони, она придумала новую тактику. Теперь бандиты выдавали себя за красных, входили в села под красным знаменем, созывали всех активистов и тут же казнили их на глазах у остальных жителей. Борьба с регулярными частями Красной Армии была

уже невозможна, поэтому повстанцы перешли к террору по отношению к местным коммунистам и сочувствующим. Террор неизменно сопровождается пытками и зверствами. В селе Карам черепановцы совместно с бандой кашпелевского штабс-капитана Дуганова убивали местных совдеповцев обухами топоров. В ночь на 7 ноября 1921 года Анна Черепанова ворвалась в село Заплескино и лично зарубила шашкой трех коммунистов, после чего выцарапала ножом на двери совдепа: «Пусть встречают свой праздник на том свете!»

В 1922 году банда Черепанова неожиданно распалась. Многие ее члены погибли или были расстреляны при поимке, но супруги Черепановы пропали. Вскоре их поиски были прекращены. И только через 50 лет была арестована пенсионерка Анна Прокопьевна Корепанова, казначей кассы взаимопомощи Кировского райсобеса города Красноярска. Поняв бессмысленность дальнейшей борьбы, Андриан и Анна Черепановы распустили свой отряд и поселились в селе Манзурка под другой фамилией — благо, переделать пришлось всего две первые буквы. В конце 1920-х годов, опасаясь опознания, они уехали на север и поселились в отдаленной фактории эвенкийского кооператива Нюкша. Черепанов вскоре стал заведующим этой фактории, а Анна — снабженцем. В 1936 году Анна привезла тяжелобольного Андриана в Читу, где он вскоре умер. Было ему уже 70 лет. В факторию Анна не вернулась, работала счетоводом на курорте Дарасун, потом заведующей столовой, а перед самой войной переехала в Красноярск. Здесь она начала с продавца и дошла до директора магазина и даже заведующей торгом.

В начале 1970-х годов Анну Черепанову опознал житель Приленья, приехавший в Красноярск навестить сына. 14-летним пацаном он видел атаманшу, когда она у него на глазах зарубила его родителей, и запомнил ее на всю жизнь. Следствие подтвердило, что пенсионерка Анна Корепанова и атаманша Черепанова — одно и то же лицо.

По фотографии ее опознали другие старожилы. Была и еще улика. Анна Прокопьевна прихрамывала на правую ногу. Знакомым говорила, что в молодости воевала в отряде ЧОН и ее ранила бандитская пуля. Пулю эту, выпущенную из берданки, она постоянно носила на шее на черном шелковом шнурке как память о своем партизанском прошлом. Анну Черепанову не смогли не только казнить, но даже судить — вышли все сроки давности.

10. Пугачевщина в Братском районе

Народные восстания в Сибири, казалось бы, окончательно подавленные к середине 1920-х годов, запылали с новой силой во время коллективизации. «Год великого перелома» станового хребта крестьянства ознаменовался самой настоящей войной на севере области. В деревнях по Братскому тракту одна за другой возникали повстанческие организации. Появились «блаженные», которые ходили по дворам, собирая подаяние, и предсказывали скорое падение «власти антихристов». Вскоре определились и будущие отцы восстания — кулаки Константин Серышев из деревни Антоново, отец и сын Гольские из Николаевского завода, Георгий Терпугов из Малой Кады. Весной 1930 года «блаженные» ездили по деревням уже на телегах. Подавали им щедро, но отнюдь не хлебные корочки — на дно телег клали винтовки, ружья, сабли, дробь, порох. «Блаженные», останавливаясь у бедняцких дворов, дарили крестьянам одежду, муку, сахар, при этом тянули нараспев: «От будущей власти прими, раб божий, малую толику!» Очаги восстания охватили деревни Дубынино, Антоново, Малая Када, Николаевский завод и многие другие. В самом Братске готовилась к восстанию подпольная организация под руководством бывшего белого офицера Дмитрия Храмцова.

Дата восстания — 10 июня 1930 года, пароль восставших — «Посев!», лозунг — «Россия без коммунистов». Было намечено ликвидировать за одну ночь всех представителей большевистской власти в деревнях, затем слиться воедино и двинуться на Братск, по пути обрастая новыми отрядами вооруженных крестьян. После захвата Братска повстанцы планировали развить наступление на Тулун. Конечная цель — поднять всю Иркутскую область. В бандах насчитывалось свыше 700 человек, вооруженных винтовками, револьверами, были даже пулеметы. Оружие поступало крестьянам в том числе и из Иркутска, с военных складов, где работали сочувствующие повстанцам люди.

Иркутским отделом ГПУ в ближайшее окружение вожака повстанцев Константина Серышева был внедрен чекист Игнат Колосов, который представился урядником, сподвижником бывшего казачьего есаула Бондаря, чья повстанческая организация была разгромлена за два месяца до описываемых событий. Колосов стал «делопроизводителем» Серышева и был в курсе всех его планов. Он вместе с атаманом тайно ездил в Братск к вожаку городского подполья Храмцову, который заверил, что «почва для посева вспахана». Затем вожак и чекист совершили контрольную поездку по деревням Братского района. За 10 дней до начала восстания иркутские чекисты получили шифровку от Колосова и произвели аресты в нескольких деревнях и в самом Иркутске. Они пытались захватить второго по влиянию партизанского вожака Георгия Терпугова, но ему удалось уйти со своим отрядом в деревню Грамотуха, которую он сделал своей ставкой. 7 июня банды Терпугова и Алексея Гольского объединились и приступили к выполнению плана всеобщего восстания. Они обрушились на деревню Малая Када, разнесли магазины и контору «Заготзерно». Награбленное тут же разделили между крестьянами, затем ушли в лес. Ставка Терпугова находилась в зимовье на сопках. Уставшие повстанцы перепились и легли спать, а в это время в Малой Каде продолжалась «экспроприация экспроприаторов» — крестьяне валили заборы у сочувствующих большевикам, камнями выбивали окна, громили склады и магазины.

Чекист Колосов прибыл в деревню с письменным приказом от Серышева к Терпугову. Повстанцы знали его в лицо как приближенного главаря и беспрепятственно пропустили его к зимовью-ставке. Колосов знал, что в зимовье есть подземный лаз в овраг, проник по нему в помещение и бесшумно убил спящего Терпугова ножом. Вышел он из зимовья тем же путем и быстро вернулся к Серышеву в деревню Антоново. В сводной банде после убийства Терпугова начался разлад. Терпуговцы подо-

зревали в его ликвидации Алексея Гольского — другого вожака и, бездействуя, ждали три дня, пока их не окружили сводные отряды ОГПУ. Бой продолжался весь день, и к вечеру, потеряв треть своего состава, банда вышла на Братский тракт, где попала под пулеметный огонь засады. Алексей Гольский, не желая сдаваться, застрелился. Из всего повстанческого отряда лишь четверым удалось уйти в лес.

А на следующую ночь началось восстание в селе Дубынино. Серышев и его сподвижники расстреляли из охотничьих ружей председателя Дубынинского колхоза прямо на его квартире, это стало сигналом к выступлению. Крестьяне хватили по домам активистов колхоза, расстреливали их в банях, убивали обухами топоров. На рассвете, погрузив добро колхозников на телеги, банда двинулась в Антоново — вотчину Серышева. Колосов прибыл в Антоново, когда Серышев, стоя на телеге, произносил речь. Он призывал крестьян постоять за «мужицкую Расею», и многие в толпе плакали от счастья. Добровольцам тут же выдавали вознаграждение — деньги, мануфактуру, золотые портсигары и мундштуки. Банда росла на глазах. Впрочем, сам Серышев называл ее не иначе как армией.

Вспоминает очевидец тех событий Александр Гаврилович Погодаев, уроженец села Седаново Братского района: «Когда Братской подпольной организацией под руководством бывшего белого офицера Д. Храмцова было принято решение о дне восстания, почти во всех деревнях района в одну ночь схватили членов партии, комсомольцев, председателей колхозов, работников учреждений Советской власти. Многие были расстреляны.

Не сойдясь по идейным соображениям со своим отцом, который не хотел вступать в организованный в Седаново колхоз, мне как секретарю комсомольской ячейки пришлось уйти из родительского дома и жить у знакомых. В ту пору в деревне находились в ссылке поселенцы, сосланные за участие в крестьянских мятежах

на Тамбовщине и в других западных районах страны. Они вместе с зажиточными мужиками арестовали ночью весь сельский актив и заперли в бывшей деревенской церкви, находящейся на высоком скалистом берегу Ангары. Повстанцы ждали подхода отряда Серышева.

Утром нас вывели в церковную ограду, поставили в шеренгу для расстрела, чтобы по прибытии главаря ликвидировать. По ту сторону ограды стояли наши матери, отцы, братья и сестры. Женщины голосили, мужики хмуро дымили самосадам. Солнце медленно поднималось на восточной стороне Ангарских гор. От церкви видны были близлежащие острова с зеленью посевов ржи на полях, цветущие кусты черемухи по их берегам. А нам было в то время по 18–20 лет.

Над рекой еще висел утренний туман, прижимаясь к голубизне Ангарской воды. Восставшие нетерпеливо вглядывались в излучину Ангары за деревенским погостом, откуда должны были приплыть карбасы с атаманской ватагой.

И лодки скоро действительно показались на реке, спустились вниз по мелководной шивере. Но когда они стали подплывать ближе к месту казни, где уже были приготовлены хлеб да соль для Серышева, кто-то из особенно глазастых разглядел красные банты на шапках. То подошел отряд ОГПУ, или как их тогда называли — ЧОН.

Оказалось, что один из отрядов Серышева, направлявшийся в низовья, был разгромлен чоновцами у деревни Усть-Вихоревка. Так снова в Седаново была восстановлена Советская власть. А сам я, вступив в отряд ЧОН, принимал участие в ликвидации повстанцев в Приангарье».

Чекист Колосов понимал, что малочисленный гарнизон Братска не сможет противостоять крестьянской массе, и уговорил Серышева раздробить «армию» на три колонны, чтобы охватить по пути как можно больше деревень. На самом же деле Колосов проложил маршруты бандитских отрядов по деревням, в которых уже нахо-

дились заградительные отряды милиции. Три банды Серышева двинулись к Братску, грабя колхозные магазины и убивая активистов-совдеповцев, и в полдень 12 июня встретились с войсками ОГПУ. После двухчасового боя повстанцы потеряли половину своих бойцов и отошли к деревне Матерая. Матерая была хорошо подготовлена к обороне. От дерева к дереву была натянута колючая проволока, на чердаках засели повстанцы, двухэтажная деревянная башня превращена в пулеметное гнездо. Даже женщины помогали повстанцам, перегораживая жердями улицы. Деньги, ценности, мануфактура были погружены на баржу, работой по погрузке руководил Колосов.

Когда милиция пошла в наступление, пулеметы на башне почему-то молчали. Серышев бросился на башню и увидел, что оба пулеметчика кем-то зарезаны, а замки с пулеметов сняты. Это опять-таки поработал Колосов. Милиционеры уже ворвались в деревню, и мужики начали сдаваться. Серышев швырнул гранату и выскочил на крыльцо, и тут по нему ударила пулеметная очередь. С баржи видели, что главарь упал и пополз за угол. Колосов спрыгнул на берег и кинулся за угол. Через минуту он выбежал обратно, перерезал ножом дрожащую от напряжения веревку и с трехметровой высоты спрыгнул на палубу. Река понесла баржу с добром и уцелевшими повстанцами по течению. Главарь банды Константин Серышев был найден убитым на крыльце своей ставки, а остатки его банды были ликвидированы в конце июня 1930 года.

Чекист Игнат Колосов продолжал свою работу в антибольшевистском подполье. Летом 1936 года от него поступила последняя информация о создании Новой повстанческой армии в Братском районе, о готовящемся восстании в Забайкалье и замышляемых диверсиях на Ленских приисках.

Где и как он погиб, неизвестно. Приведем свидетельство историка-краеведа Василия Федоровича Шаман-

ского: «Аграрная политика Советского государства, направленная на быстрейшее восстановление сельского хозяйства, получила одобрение широких масс, но после начала организации колхозов, а особенно после действий продотрядов, изымавших хлеб у крестьян, вызвала недовольство жителей деревни.

Во многих районах Иркутской области начались мятежи банд Донского, Кочкина, Чернова, Замашикова, которые во время своих выступлений убивали партийных и советских работников села, всех, кто поддерживал действия власти.

Мне довелось узнать о действиях одной такой банды в Братском районе. Я — уроженец деревни Владимирова Подъеланского сельсовета Братского района. Мой отец — красный партизан отряда Бурлова, после установления Советской власти работал секретарем Подъеланского сельсовета. В июле 1930 года по нашей деревне пронесся слух, что от Братска вниз по Ангаре движется банда Константина Серышева и убивает всех коммунистов, активистов-колхозников, комсомольских работников. Отца в это время дома не было, он находился в командировке в одном из сел в низовьях Ангары. Весь день и ночь мы не отходили от окна, смотрели вдоль улицы, не появятся ли какие-то незнакомые люди — ожидали появления бандитов. Наша мать состояла в колхозе под названием «Великий перелом», работала дояркой, мы, ее дети, во всем ей помогали. Командира банды К. Серышева за год до восстания мы видели в своей деревне. Он проезжал по деревням в качестве заготовителя утильсырья. Естественно, все дети старались нести заготовителю это сырье, так как за сырье он давал конфеты и пряники. Поездки Серышева по сбору утильсырья главным образом преследовали своей целью ознакомление с теми, кого надо было уничтожить или привлечь на свою сторону.

Через несколько дней к нам пришло новое сообщение: главарь банды Серышев убит, а банда разогнана.

Пугачевщина в Братском районе

Через год нашего отца взяли на работу в Братский райисполком инспектором по бюджету и сбору налогов. Мы переехали на постоянное место жительства в село Братск. Вскоре мы узнали о новом, более крупном восстании в селах, расположенных выше по течению Ангары. Братск оказался под угрозой захвата. В 1934 году наша семья переехала в г. Усолье-Сибирское. Отец стал работать на строительстве химического — завода. Еще раз фамилию Серышева мы услышали в конце 1930-х годов, когда один из жителей нашего города, в прошлом уроженец Братского района, женился на вдове Серышева, проживавшей в Иркутске».

11. Конец забайкальского казачества

В начале 1918 года впервые в сибирской истории казак рубил казака. Трагедию Всевеликого Войска Донского описал в «Тихом Доне» Михаил Шолохов. У Забайкальского казачьего войска есть свои летописцы — автор романов «Забайкальцы» и «Голубая Аргунь» Василий Бальябин и создатель эпопеи «Даурия» и «Отчий край» Константин Седых. В 1960-е годы пути и судьбы своих земляков исследовал родовой казак Н.С. Сибиряков, 26 лет проведенный в лагерях и ссылке. Его труд «Конец Забайкальского казачьего войска» написан на основе воспоминаний казаков, живших как на советской территории, так и в Маньчжурии. Автор лично беседовал с участниками Гражданской войны, красными и белыми, и пришел к выводу, что казачество само подготовило свою гибель.

Среди казаков нищих не было

Казачество не было однородным. Зажиточные казаки обычно имели по 30–40 голов скота, 20–25 лошадей, 50–100 овец. На Аргуни и Ононе у некоторых богачей насчитывались десятки тысяч овец и тысячи лошадей и коров. В обычном же хозяйстве было от 5 до 15 лошадей и коров и 25 овец. В Курской, Орловской и других губерниях такое хозяйство считалось кулацким, по забайкальским же меркам эти казаки были бедняками. Происхождение у казаков тоже было разным. Те, кто расселился в станицах и поселках по Онону и Аргуни, назывались караульцами, поскольку эти селения в прошлом являлись караулами. Это были потомки заводских и кабинетских крестьян, не относившиеся к казачьему сословию. К моменту официальной регистрации Забайкальского войска станичных, городских и пограничных казаков, не считая бурят и тунгусов, насчитывалось чуть более 10 тысяч, а оказаченных крестьян свыше 40 тысяч. Некараульцы пришли из неволи, помнили о жестоком обращении с их дедами и отцами. Когда в Забайкалье началась «золотая лихорадка», многие выходцы из заводских крестьян

пустились в старательство. Быт приисковых районов отличался от быта караульцев. Последние не разрешали открывать в станицах кабаки-монополки, а у некараульцев можно было встретить и два кабака на одно село.

Когда золотые запасы забайкальского Клондайка иссякли, прокутившиеся казаки-старатели стали сельскими пролетариями и нанялись либо на сереброплавильные заводы, либо в работники к зажиточным казакам и крестьянам. В Забайкалье и это не грозило нищетой. Зарплата батрака была не ниже жалования учителя и даже фельдшера — 25 рублей в месяц плюс хозяйская кормежка три раза в день и одежда. Мясо батраки ели вволю, хлеб без ограничений, и в этом не было ничего удивительного, ведь хозяин и работники питались за одним столом. Даже каторжники на строительстве железной дороги получали не только мясо, сало и печеный хлеб, но и винную порцию. При известной экономии наемный работник мог через несколько лет обзавестись собственным хозяйством, то есть 15 коровами и лошадьми и 20–30 овцами.

Казаки учились в военных школах, появилось и свое офицерство. Действительная служба длилась у них четыре года, и явиться в армию казак должен был на своем коне под седлом и в полном военном обмундировании. С офицерами дворянского происхождения у казаков часто бывали нелады.

Серебряков вспоминает об инциденте между военным врачом, присланным в каракульскую больницу, и 70-летним казаком Петуховым. Офицер из дворян встретил обладателя длинной бороды и возмутился тем, что старик не снял перед ним шапку. Казаки шапку даже перед царем не ломали. «Однако, чудака ты, паря! — сказал Петухов есаулу. — Это тебе, молокосос, надо при встрече со мной шапку скинуть». Когда же доктор обзвал старика мерзавцем, тот послал его по матери и спокойно пошел своей дорогой. Конфликт с другим казаком закончился уже не так мирно. Когда разъяренный доктор

выхватил из ножен саблю, казак выдернул из плетня кол, выбил им клинок из неумелой руки противника и приложил свое оружие к спине убежавшего дворянина. Когда офицер, появившись на сходе, начал обзывать казаков «хамами» и «неучами», старики распорядились: «Вывести его!» По приказу атамана здоровенный батареец взял «его благородие» под локотки и вынес его из помещения. В тот же день офицер покинул станицу.

И восстал брат на брата

К революции 1905 года казаки отнеслись по-разному. Некараульцы ждали от нее увеличения земельных владений, караульцы наблюдали за событиями со спокойным любопытством. Станичная интеллигенция интересовалась социалистической литературой, дети богатых казаков, окончившие гимназии, почитывали «Искру» и распевали «Марсельезу».

Когда в станице Дуроевской арестовали группу смутьянов и отвезли в Читу, атаман Забайкальского войска генерал И.В. Холщевников ознакомился с материалами дела, расхохотался и приказал всех освободить. Он был либерально настроенным человеком, создал при своей администрации что-то вроде совета из представителей всех политических партий, при помощи которого старался сохранить порядок и не разжигать страсти. Когда в Забайкалье прибыла карательная экспедиция генерала Ранненкампа, Холщевникова арестовали, судили, изгнали из армии с сохранением звания и заключили в крепость на год и четыре месяца. Срок атаман не отбывал, а был отозван в Петербург.

Во время Великой войны (так тогда называли Первую мировую) забайкальские казачьи части находились в основном на турецком (Кавказском) фронте, где жертвы были гораздо меньше, чем на германском. Когда в 1918 году начался развал армии, перестали выдавать продовольствие, казаки тоже снялись с фронта, но не стихийно, а це-

лыми полками и с оружием, включая артиллерию. Они ведь были не просто земляки, а одностаничники. Казаки захватывали поезда, грузили коней и пушки и тысячи километров ехали до родного дома. Во главе полков стояли не «отцы-командиры», а полковые комитеты, председателями которых были молодые офицеры, колеблющиеся между эсерами и большевиками.

Возвращались через Украину, зигзагами. Красная гвардия пыталась разоружить казаков в Самаре, Миассе, Златоусте, Челябинске... Уже перед Иркутском, на станции Забитуй их пытались запереть в теплушках, а в Черемхово казакам пришлось применить пулеметы.

В начале 1918 года из Маньчжурии выступил Семенов с двумя кавалерийскими полками и двинулся к Чите. Против него вышел отряд, сформированный из рабочих читинского депо, прибывших с турецкого фронта казаков Первого Аргунского полка под началом Фрола Балябина и выпущенных из тюрьмы уголовников. Командовал объединенным отрядом Сергей Лазо, а начальником штаба стала эсерка-максималистка Нина Лебедева-Кияшко. Она была племянницей и приемной дочерью военного губернатора Забайкальской области, училась в читинской гимназии, входила в Амурскую группу эсеров-максималистов. Эта 20-летняя девушка пользовалась большой популярностью у блатарей, выражалась нецензурной бранью, поощряла погромы и грабежи. Черноволосая, глазастая, с огромным маузером на боку, она шла впереди уголовников, постукивая каблучками офицерских сапог и поигрывая бедрами. Своя в доску!..

Когда красногвардейцы взяли Даурию, молодчики Лебедевой устроили погром, грабили, измывались над населением. Казаки-аргунцы подступили к Балябину и Лазо: «Это что?»

Балябин, опустив голову, помалкивал, а Лазо говорил о стихийности революции, об основной задаче — разгроме Семенова, о необходимости терпеть эксцессы. Не убе-

дил. Как только Семенов убрался в Маньчжурию, казаки, забрав винтовки и шашки, отправились в родные места. Лазо и Балябин уговаривали их остаться, вдруг атаман снова выскочит. «Выскочит — позовете», — сказали казаки.

Первая кровь уже пролилась. Впервые казак стрелял в казака, рубил казака. В начале апреля 1918 года с Кавказа вернулся Второй Аргунский полк под командой сотника Александра Пинигина. Большевики уговаривали его отправиться в Даурию, но казаки тоже разъехались по домам, пообещав в случае нужды явиться в строй. Пинигин говорил: «С большевиками я не согласен, а семеновцев ненавижу». Когда Семенов вновь пришел в Забайкалье, Пинигин дрался на стороне красных, потом вернулся домой. Советская власть пала, атаман укрепился в Чите и объявил призыв офицеров. Пинигин прибыл по призыву, был арестован и сразу же расстрелян. Он был сыном богатого казака, окончил гимназию и был в числе тех станичных мальчишек, которые в 1905 году мечтали о создании новой России.

Нина Лебедева со своими блатарями бесчинствовала на Амуре еще два года. После падения первой советской власти летом 1918 года она ушла в подполье, была избрана большевиками в Военно-революционный штаб партизанских отрядов и стала начальником штаба в банде некоего Тряпицына. Этот грабитель и погромщик называл себя анархистом, но на самом деле им не являлся. Такие как он дискредитировали анархизм в глазах многих трудящихся. Двигаясь вниз по Амуру, банда поголовно истребляла сельскую интеллигенцию, расстреливала целые воинские подразделения белых, перешедшие на сторону партизан или сдавшиеся в плен. Захватив Николаевск-на-Амуре, Тряпицын объявил себя диктатором. Многие русские бежали под защиту японцев. Когда японцы высадили десант для защиты своих граждан (на 15 тысяч жителей города приходилось 2,5 тысячи иностранных граждан), красные бандиты устроили резню.

Почти все мирное население Николаевска и пленные японцы были истреблены, а сам город предан огню. Николаевские события стали поводом для оккупации Японией Сахалина. Наконец, Тряпицын настолько распоясался, что приказал расстрелять несколько видных коммунистов. Тут уж и у большевиков терпение лопнуло. В июле 1920 года Тряпицын, Лебедева и еще несколько уголовников были отданы под суд и расстреляны.

Забайкалье в крови

В 1919 году в станицах по рекам Унде, Газимуру, Онону и Борзе произошло несколько восстаний. Казаки начали уходить в партизаны. Потери в боях с обеих сторон были невелики, страдало местное население. Если станицу захватывали семеновцы, то расправлялись с семьями партизан, если входили партизаны, уничтожали семьи ушедших к атаману.

У Семенова армия снабжалась японцами, партизаны добывали все сами — накладывали контрибуции на богатых казаков, отбирали деньги, драгоценности, скот и лошадей. Очень часто конфискация была обыкновенный грабежом.

Самыми крупными партизанскими отрядами были Онон-Борзинский из трех кавалерийских полков и Богдатский из четырех. Командиром Богдатского полка был Павел Журавлев. Он окончил Иркутское военное училище и в чине прапорщика попал на Румынский фронт. После ранения в полк не вернулся и приехал домой, в Александровский Завод. Весной 1918 года участвовал в боях против Семенова, после падения Советов скрывался, а в 1919 году стал командующим Восточно-Забайкальским фронтом. Его партизаны контролировали территорию между Шилкой, Аргунью и Манчжурией.

Жестокость была свойственна и красным, и белым. В станице Дуроевской пятеро партизан, войдя в дом богатого казака, изнасиловали хозяйку и ее 17-летнюю

дочь. В другом месте озверевшая толпа партизан растерзала 12 пленных бурят-семеновцев. С другой стороны, семеновцы устроили мясорубку в застенке на станции Маккавеево. Партизаны и семеновцы нередко перебежали друг к другу целыми полками. Так, в мае 1919 года из двух партизанских полков произошло массовое бегство, а в июле того же года на сторону партизан перешел Первый семеновский полк.

На территории Забайкалья сражались представители многих народов. Под началом Лазо воевали китайцы и почти тысячный отряд из бывших военнопленных венгров, австрийцев и немцев. У Журавлева была китайская пехотная рота. На стороне Семенова были китайцы, сербы, монголы-харачины и буряты. Агинская аймачная дума от имени бурят обратилась к японскому императору: «Молим признать маленький бурятский народ как отдельную самобытную нацию, сохранить его жизнь и защитить от большевиков, отбирающих землю, поругивающих дацаны. Просим остаться в пределах Забайкалья до очищения его от последних».

В 1920 году создается «буферная» Дальневосточная республика, премьером которой стал большевик Петр Никифоров. Коммунисты захватили в правительстве ДВР все силовые структуры: МВД, Главную политическую охрану, Верховный суд, Военное министерство, а также Министерства иностранных дел и земледелия. Меньшевикам, эсерам и народным социалистам они оставили только юстицию, промышленность, просвещение и финансы.

После гибели Журавлева Богдатскую партизанскую дивизию возглавил казак Второго Аргунского полка Яков Кортаев, а Амурскую — бывший сельский учитель, большевик с 1905 года Степан Шилов. Оба главаря отказались подчиняться командованию Народно-Революционной армии — официальной вооруженной силы ДВР. Большевики пока поглаживали партизан по головке,

рассчитывая использовать их в боях против японцев, а затем расформировать.

От безделья партизаны развязали террор по отношению ко всем неудобным. Они арестовывали зажиточных казаков и под конвоем сопровождали их в тюрьму, а по дороге убивали «при попытке к бегству». Так партизаны Коротаева убили казака Дуроевской станицы Якова Гантимурова. В 1905 году Гантимуров принимал активное участие в революции, вступил в партию эсеров, отбывал Нерчинскую каторгу. Освобожденный февральской революцией, вел активную политическую работу и был выдвинут в Учредительное собрание ДВР партией эсеров от приаргунских станиц. Когда Гантимуров приехал в станицу Зоргол, чтобы выступить на митинге, в горницу вошли двое в масках и застрелили его прямо за столом. Убийцами были Абрам Федоров и Трофим Пинигин. На выборах победил оставшийся единственным большевистский кандидат, а преступление осталось нераскрытым, хотя убийц опознали. После подобных расправ аргунские и ононские казаки начали массами уходить в Китай и селиться по рекам Хаулу, Дербулу и Гану. Эти места получили название Трехречье. Так тысячи казаков лишились своей родины. За кордон ушло 15% казачьих семей, и это продлило им жизнь.

Карательные набеги на Трехречье

После массового переселения казаков в Маньчжурию большевистские власти закрыли русско-китайскую границу. Но казаки знали все лазейки лучше пограничников, поэтому продолжали уходить за кордон, увозя имущество и угоняя скот. Тогда с советской стороны были предприняты грабительские набеги на поселения эмигрантов.

Первый набег был произведен уже весной 1921 года. Бывший командир Второго партизанского полка Абрам Федоров, сам в свое время живший в Китае, прошел с двумя отрядами по рекам Ган, Хаул и Дербул и напал

на селения Красный Яр, Цаплинное, Стрелка, Городок, Курьер и Сератуй. Это было абсолютно безопасно, так как китайская администрация отобрала у эмигрантов винтовки и шашки. Грабители захватили скот, лошадей, золотые украшения и расстреляли около 20 наиболее богатых казаков. В Новом Цурухайтуе федоровские подручные казнили девять человек, причем после расстрела один отрядник с наганом в руке обходил трупы, проверяя, нет ли кого в живых. Один казак, Илья Баженов, все же уцелел благодаря высокой шапке. Пуля пробила ее, не задев голову. Казакам Василию Перебоеву и Сергею Куницину удалось бежать из-под расстрела.

Абрам Федоров позже был отправлен учиться в Академию Генерального штаба, и в 1937 году его арестовали в Москве. Он отсидел 10 лет и после заключения встретился с семеновским полковником Иваном Пинигиным, тоже отсидевшим.

На вопрос последнего: «Меня понятно, а тебя-то за что?» — Федоров ответил: «Шили подготовку убийства Кирова».

Еще один грабитель, казак Эпов, тоже дождался возмездия. В 1922 году его по заданию советской разведки отправили в китайский город Хайлар, где он был опознан спасшимся от его пули Василием Перебоевым. Эпова осудили на три с половиной года за убийство с целью грабежа. Срок он отбывал в харбинской тюрьме и вернулся в Забайкалье. После китайской каталажки долго не живут, и Эпов вскоре после возвращения умер.

Второй набег на Трехречье произошел в 1929 году и был частью советско-китайского конфликта на КВЖД. Эмигрантская разведка узнала о съезде маньчжурских сотрудников Коминтерна в Харбине, и извещенная ею китайская полиция произвела обыски и аресты в советских консульствах в нескольких городах. В руки полиции попали документы, свидетельствовавшие о деятельности коммунистов, направленной на установление в стране

советского строя. Власти произвели массовые аресты среди советских служащих на КВЖД. Тогда СССР выдвинул к границе Особую Дальневосточную армию (ОДВА) и предъявил Китаю трехдневный ультиматум.

В этой обстановке белоэмигранты совершили нападение на советскую территорию, и ОДВА провела бои на озере Ханка и осуществила десантные операции, захватив города Лахухасу, Фугдин, Хайлар. На сей раз набег на Трехречье носил не только грабительский, но ярко выраженный карательный характер. Он был организован Хабаровским пограничным управлением, отряд состоял из жителей приаргунских станиц. В его составе были будущий председатель колхоза в Ново-Цурухайтуе Александр Лыткин, пятеро Мунгаловых, тунгус Николай Баалиев и другие агенты ОГПУ. «Страшные вещи творились в Трехречье, — вспоминал в 1935 году в Каргопольской тюрьме бывший служащий КВЖД Михаил Шитов. — Уничтожали поголовно всех, вплоть до грудных детей». Много позже односельчане говорили о Лыткине: «Трезвый Саша Лыткин ничего, пьяный же плачет, по щекам себя бьет: “Все прошу себе, но грудного ребеночка, за ножки, о рубленный угол головой! Не могу забыть! Не могу забыть!”» До какого же озверения доходят люди в классовой борьбе за светлое будущее! Интересно, что комиссаром и проводником карательного отряда являлся чекист Жуч, в прошлом служивший у барона Унгерна и отличавшийся там исключительной жестокостью. Этот бывший белогвардеец как нельзя лучше подходил для такой «операции». Отряд Жуча был сформирован хабаровским ОГПУ задолго до пограничного конфликта, переправился через Аргунь и прошел огнем и мечом по Трехречью. В селении Тынха советские палачи расстреляли 64 человека, среди них шесть 12-летних мальчиков. В Чанкыре были убиты 140 человек, включая женщин и детей. Сами селения были разграблены и сожжены. Свыше 600 казаков с семьями были насильно угнаны в Советский Союз,

часть их была расстреляна, остальные попали в тюрьмы и лагерь. Японское консульство на станции Маньчжурия пыталось защитить русское население, но ничего не смогло сделать. Не сумел помочь землякам и отряд самообороны под командованием хорунжего Ивана Пешкова, созданный еще после первого набега. У дружинников было всего 50 сабель, даже винтовки имелись не у всех. А у нападавших — численное превосходство, запасные лошади и пулеметы.

Эмигранты провели в Харбине массовую демонстрацию протеста против советских бесчинств в Трехречье. Американский Красный Крест пожертвовал пострадавшим 2000 долларов, на призыв Харбинского комитета помощи беженцам откликнулись многие общественные организации. Многие западные газеты опубликовали жуткие фотоснимки на первых полосах с траурными заголовками «Трагедия Трехречья». Еще одна деталь: представитель Хабаровского пограничного управления, руководивший карательной операцией, вернулся в Советскую Россию и застрелился.

Жизнь в эмиграции

До 1932 года в Харбине шла обычная эмигрантская сумятица. Жившие там казаки вспоминали, что в Китае существовали 22 русские политические партии, каждая из которых считала себя единственной законной представительницей России в Поднебесной империи. Японцы вскоре покончили с этой неразберихой, запретив все партии и разогнав их карликовых вождей.

Казаки почти не участвовали в этой мышинной возне, они придерживались древней мудрости: каждый должен возделывать свой сад. Они поднимали целину Трехречья, сеяли пшеницу, разводили отары овец и пасли табуны лошадей. Мало было семей, где насчитывалось меньше восьми детей, а в некоторых росли и 15. Многие казаки-эмигранты имели сенокосилки и даже

трактора, жили уже не в землянках, а в шести- и пятистенных домах.

Наладив хозяйство, понастроив школ и церквей, казаки вернулись к привычному быту. На работе себя не жалели, но и веселиться не забывали. На Рождество ходили ряжеными, на Масленицу целыми кавалькадами разъезжали на тройках, лошадях и верблюдах, на Пасху строили высоченные качели. Налоги китайскому правительству Чжан Цзолина платили исправно и жили хлебосольно. Как сказал один из старожилы, Трехречье было золотым дном.

Когда пришли японцы, стало хуже. Японской армии были нужны лошади, мясо, кожа, хлеб. Казаков лишили возможности самостоятельно продавать сельхозпродукты, на каждое забиваемое животное требовалось разрешение. «Руки нам отбили», — жаловались трехреченцы.

Но совсем плохо стало, когда возник Красный Китай. Мао Цзедун обложил сельское хозяйство непосильными налогами, а когда при Хрущеве дошло до разногласий с СССР, заподозрил в русских эмигрантах будущих советских шпионов и диверсантов. Он решил избавиться от возможной пятой колонны Советов и предложил казакам вернуться на родину.

Три четверти эмигрантов дали согласие на выезд, а СССР было выгодно получить большое число рабочих, не подверженных пьянству и вкалывающих на совесть. Мао решил оставить у себя все нажитое казаками богатство. Недвижимое имущество, стада — все должно было быть продано переселяемым в Трехречье китайцам. Казакам предлагали за новый трактор всего 70 рублей (в юанях). Один смысленный казак догадался разбить свой трактор на куски и сдал как металлолом, выручил 200 рублей. Началось движение казачьих луддитов — массовое разрушение машин, но китайцы спохватились и запретили уничтожать сельхозтехнику. Реэмигранты махнули рукой и распродали свое добро за бесценок. Деньги с собой не брали, по советским меркам каждому полагалось для

обмена около 90 рублей, поэтому все загоняли в тряпки — одели каждого члена семьи на 20 лет вперед.

Третью уезжавших коммунист Мао задержал еще на два года, чтобы они обучили китайцев ведению хозяйства в Трехречье. Последние «наставники» уехали в 1956 году, а в 1960 выехала и та четверть, которая поначалу отказывалась возвращаться.

Почему казаки не поехали в Америку, Австралию, Новую Зеландию, а предпочли вернуться в Совдепию? Конечно, в США им было бы трудно конкурировать с теми же китайскими или мексиканскими люмпенами, готовыми за ломаный цент выполнять самую грязную работу. Их не привлекали нищета и бесправие. В Трехречье они являлись самоуправляющейся автономной русской общиной, их было от 20 до 30 тысяч человек, а уехать за океан означало обречь себя на судьбу эмигрантов-одиночек, да еще и «без языка». Это в Забайкалье казаки быстро забыли родную речь и научились излагать мысли на советском новоязе, сдобренном матерщиной, а трехреченцы свой язык сохранили, поэтому и до английского им дела не было. Казаки вернулись домой.

Лишь семьи пострадавших в 1945–1946 годах, когда Советская Армия, придя в Китай, арестовывала эмигрантов, решились уехать в Америку. Например, уже упоминавшийся хорунжий Пешков, отряд самообороны которого не смог защитить Трехречье, в 1945 году пошел на службу к японцам. Тогда в отряде было уже 200 человек, но японцы поголовно уничтожили его перед капитуляцией Квантунской армии. Жену Пешкова в 1946 году изнасиловал целый взвод советских воинов. Врач-кореец выходил женщину, и когда ей предложили вернуться на родину, она сказала: «Очень хочу в Россию, сердцем рвусь к ней, но как подумаю, что увижу солдата в советской форме, содрогаюсь от ужаса». Она с сыном-подростком уехала в США, где младший Пешков, сын забайкальского хорунжего, стал владельцем заправочной станции.

Вернувшихся казаков не репрессировали, их просто расселили по совхозам Красноярского края, Иркутской, Омской, Новосибирской областей и Казахстана (Акмолинская область). Начальство сначала их опасалось — беляки, враги народа, затем зауважало, а «товарищи по работе» завидовали. Дети, внуки и правнуки забайкальских казаков не пили, не крали и больше зарабатывали.

Оставшихся в Трехречье казаков китайские коммунисты уничтожили. Мужиков связывали и опускали головой в колодезь, прорубь или реку. Последние эмигранты бежали из КНР в середине 1960-х годов, предпочитая нелегальный переход советской границы и лагерный срок ужасной смерти в Китае. Только и у председателя Мао ничего не вышло. Животноводство в Трехречье исчезло — не научились китайцы скот разводить, большинство селений развалилось, а огородничество там нерентабельно — рынки сбыта далеко. И опять превратилось Трехречье в необжитый район Китая.

На советской стороне

Судьба тех, кто после Гражданской войны остался в Забайкалье, намного трагичнее, чем у трехреченцев. Поначалу казакам давали «твердое задание» — внести в райфинотдел 5000 рублей. Продаст казак жеребца, тройку лошадей, десяток коров, заплатит деньги, а с него на следующий месяц уже 10 тысяч требуют. «Не внесешь, арестуем!» Продаст казак все, что подороже, а ему через неделю — 15 тысяч! Теперь уже и метаться не надо, приговор — три года лагерей общего режима. И вешались казаки на вожжах, и стрелялись, у кого винтовка припрятана.

Вывозили раскулаченных на станцию Борзя, сажали в теплушки, где помещаются восемь лошадей или 40 человек, набивали вагоны сверх всякой нормы. Затем везли несчастных в баржах по Ангаре и Енисею до северных лагерей. В первую волну раскулачивания сослали 8000 человек, которые осели в Северо-Енисейске (тогда Совруд-

ник), Аяхте, Новой Коломе и Новой Еруде. Горбатились казаки и их жены на лесоповале и на земляных работах. Потом собрали семьи, в которых много детей и стариков, и отправили в Иркутскую область, расселили на реках Чуна и Вихоревка. Забайкальцы оказались выносливыми, а вот ленинградские финны, которых было 500 человек, крымчане и волжане вымерзли почти поголовно.

Два года мыли казаки золото, и с голоду уже никто не умирал. Когда началась в стране золотая лихорадка, следователи вызывали к себе старушку или казачьих детей и по-своему допытывались, попросту пытали жаром возле раскаленных печей, не давая присесть сутки и более: «Все умирают от голода, вы — нет, значит, у вас золото припрятано». Случалось, теряли дети и старушки сознание и падали на раскаленную бочку.

После ликвидации кулачества как класса началась сплошная коллективизация, в результате которой население Забайкалья сократилось примерно наполовину. Кто не умер, того выслали, а тут еще 1932 год оказался засушливым, за все лето ни одного дождя не выпало. Забайкальцы на голод ответили восстанием. Повстанцев было около 5000, к ним присоединились 100 эмигрантов из Китая. Вооружение у повстанцев — шашки да винтовки, но подавляли их мятеж больше года.

Руководил казаками бывший есаул Кукушкин, подражавший не то красному Чапаеву, не то легендарному русскому генералу Скобелеву — красовался перед своим воинством в черной бурке и на белоснежной лошади. На второй год коммунисты начали с повстанцами переговоры, обещая полное прощение сдавшимся. Большинство опять поверило красным, а Кукушкин с 70 казаками ушел в Китай.

Потом всех поверивших постепенно арестовали: кого сразу расстреляли, кого по лагерям развезли. К 1941 году никого в живых не осталось. В канун 1937 года в Северо-Енисейском районе всех раскулаченных погрузили в бар-

жи и буксиром поволокли вниз по реке. Было на тех двух баржах 5000 казаков. Официально о них больше ничего не известно, но месяца через два с низовьев слух пришел: затоплены баржи с людьми в устье Енисея.

После войны вернулся из заключения казак Ефим Лыткин в родную Дуроевскую станицу, так ничего и не рассказал, прожил до смерти немтырем. На всю жизнь человека запугали.

Оставшихся в живых казачьих детей, родители которых умерли от голода в 1930-х годах, поместили в детские дома закрытого типа. Большинство их сложило головы на фронтах Великой Отечественной. Однажды в начале 1960-х годов начальник отдела кадров строительства Братской ГЭС Анцепович на партикулярной пьянке упился до потери контроля и сболтнул: «Их было не то 50, не то 70 казачат-сирот, детей вымерших поселенцев. Специально обученных. Посылали их на особо опасные задания, знали, что не вернуться. И не возвращались! Вдруг один вернулся, вот был кипеж! Всех на ноги поставили...» Сидевшие рядом начальники стройки заинтересовались пьяным рассказом старого гэбэшника, но тот вмиг протрезвел: «Я ничего не говорил, вы ничего не слышали». На какую гибель отправляли чекисты казачьих детей?

Остальных постигла смерть духовная. Потомки казаков еще иногда работают, не воруют, официантки в сельском ресторане еще отказываются от чаевых: «У нас это не принято», но казачества больше нет. На одной из площадей Лондона стоит памятник донским казакам. Когда и где поставят памятник забайкальским?

12. Бунтующий ГУЛАГ

Про восстания в лагерях Кенгире и Экибастузе подробно рассказал А. Солженицын. Выступления заключенных были потоплены в крови, но они расшатали сталинскую лагерную систему и в итоге привели к ее ликвидации. После смерти тирана лагерные бунты прокатились по всей стране, но первый произошел еще во время Великой Отечественной войны.

Поход на Воркуту

В январе 1942 года в Воркутинском лагере заключенные «контрреволюционеры» впервые за всю историю ГУЛАГа вырвались на свободу. Начальником лагерного пункта был вольнонаемный Марк Ретюнин, ранее отсидевший 10 лет за «бандитизм», то есть за участие в вооруженной борьбе против большевиков. По этой статье судили крестьян-повстанцев во время коллективизации.

Восстание в Воркуте готовилось заранее. 24 января 1942 года Ретюнин распорядился, чтобы бойцы военизированной охраны отправились в баню. На посту оставался только малочисленный наряд. С активистами подпольной группы, состоявшей в основном из осужденных по статье КРТД (контрреволюционная террористическая деятельность), Ретюнин напал на казарму, разрушил охрану и завладел оружием. Затем повстанцы вывели из бани помытых вохровцев и заперли их в овощехранилище. Во время налета на казарму один из охранников был убит, другой ранен, поэтому пути назад не было.

Ретюнин обратился к заключенным лагпункта с призывом примкнуть к восстанию, его соратники открыли вещевой и продовольственный склады и выдали всем теплое обмундирование, а продукты погрузили на восемь подвод. Далеко не все зеки согласились участвовать в вооруженном восстании. Одних удержал страх, других — преданность системе, но 82 человека вышли из лагеря и двинулись к райцентру.

Кроме Ретюнина вождями восстания были прораб Михаил Дунаев, завхоз Иван Зверев, заведующий лесобиржей Алексей Макеев, инженер Василий Соломин, заведующий гужевым транспортом Цветков и заключенный Абакьян.

В тот же день повстанцы подошли к райцентру Усть-Уса, прервали телефонную связь и, разбившись на штурмовые группы, одновременно напали на отделение связи, контору Госбанка, отделение НКВД, казарму охраны Печорского управления речного пароходства и камеру предварительного заключения. Одна из групп пыталась захватить аэродром, где находились два самолета, но была встречена огнем охраны и отступила. Из КПЗ повстанцы освободили около 40 заключенных, треть из которых примкнула к восстанию. Одному милиционеру удалось добраться до другого лагеря, отряд стрелков охраны которого вышел на подавление. В Усть-Усе завязался бой.

К полуночи 41 повстанец на 10 подводах вырвались из райцентра и ушли по берегу Печоры к другим населенным пунктам. В бою погибли девять повстанцев, а 60 попали в плен. Охранники потеряли 14 человек убитыми и 11 ранеными.

Война в тундре

После боя повстанцы разделились на две группы: под командованием Цветкова и Дунаева. По пути отряды захватывали оружие и продовольствие, а дунаевской группе даже удалось настигнуть оружейный обоз, направлявшийся в Воркуту. Забрав с одного склада продукты, предводитель повстанческого отряда Макеев оставил продавщице расписку с подписью «Отряд особого назначения № 41». Спустя несколько дней повстанцев настигла погоня, и произошел второй бой. Охранники потеряли 17 человек убитыми, семь были ранены и 50 получили обморожения, потому что несколько часов пролежали в снегу под огнем повстанцев. Понеся такие потери, ох-

ранники отступили. У повстанцев тоже погибли 16 человек, но все же это была победа.

Поняв, что дойти до Воркуты не удастся, руководители восстания приняли решение разделить на несколько мелких групп и разойтись в разные стороны. Первоначальный план заключался в том, чтобы идти от лагеря к лагерю, обрастая людьми и оружием, захватить Воркуту и, погрузившись в самолеты, улететь в Америку. Через неделю после начала восстания, 31 января, была разгромлена первая группа. Четверо повстанцев погибли, пятый взят в плен. Вторая группа приняла неравный бой 2 февраля — снова четверо убитых и один пленный.

Отряды повстанцев выслеживались самолетами и обстреливались с воздуха, потом подходила погоня и окружала их. И все-таки они сопротивлялись больше месяца. Последние группы были уничтожены 3 и 4 марта. Никого из вожаков не удалось взять живым. Ретюнин и Цветков погибли в бою, Макеев, Дунаев, Соломин, Зверев и Абакьян, оказавшись в окружении, покончили с собой. Результаты таковы: 48 повстанцев были убиты, шесть застрелились, в плен попали только восемь человек. Охранники потеряли 33 человека убитыми, 20 — ранеными и 52 — обмороженными.

Почти все вожаки имели политический опыт борьбы с большевизмом, в чекистских бумагах их называли троцкистами, хотя эту кличку использовали тогда сплошь и рядом. После подавления по всему Воркутлагу начались аресты и расстрелы. Всего были осуждены 68 человек, 49 из них расстреляны. Все казненные имели 58-ю статью, уголовники получили от пяти до десяти лет.

На допросах чекисты выяснили, что у повстанцев действительно была политическая программа. В нее входили такие пункты как свержение советской власти, свобода всех партий, слова, печати, вероисповедания, освобождение политзаключенных, роспуск колхозов и развитие частной собственности во всех отраслях экономики.

Для достижения этих целей повстанцы намеревались создать регулярную армию на основе добровольного набора. Конечной целью повстанцев была «подлинная свобода личности».

Норильская забастовка

В конце 1943 года была ликвидирована подпольная повстанческая группа на комбинате «Воркутауголь». Ядро организации под названием «Комитет народного освобождения» планировало начать восстание зимой 1944 года. Было арестовано 15 человек. В 1944 году на том же комбинате арестовали еще две группы общей численностью 29 человек, но подполье возрождалось вновь и вновь.

Интересно, что большая часть повстанцев были вольнонаемными или уже отбывшими сроки зэками, осужденными по политическим статьям. Антибольшевистское подполье действовало в Воркуте до 1949 года, когда были арестованы последние повстанцы. Послевоенный виток репрессий на время пригасил подпольный огонь свободы. Новые восстания вспыхнули в 1953 году после смерти Сталина, когда Берия объявил амнистию для уголовников, а политические остались за колючкой.

В мае 1953 года в Норильском лагере № 5 началось восстание, которое было поддержано десятками тысяч узников других лагерей и продолжалось около 100 дней. Организаторами его стали западные украинцы — бывшие бойцы Украинской Повстанческой армии, с оружием в руках сражавшиеся против сталинского режима. Прибыли они из Караганды, откуда их перевели за участие в тамошнем бунте заключенных. Вскоре после прибытия в Норильск бандеровцы убили четверых стукачей, что нагнало страху на всех лагерных доносчиков.

7 мая часовой, придравшись к пустяковому нарушению режима, ранил заключенного. Толпа зэков сгрудилась над раненым, и охрана открыла огонь. Появились новые жертвы, и лагерь забастовал. На следующий день

к забастовке присоединился женский лагерь № 6, причем женщины объявили двухнедельную голодовку в поддержку требований мужчин.

А требовали забастовщики амнистии для политзаключенных, введения восьмичасового рабочего дня, смещения коменданта лагеря, снятия номеров с одежды, улучшения условий труда, увеличения денежной суммы, которую разрешалось пересылать домой, снятия решеток с окон бараков и прекращения заковывания эзков в цепи. Вскоре к забастовке присоединились еще четыре лагеря, всего бастовало 20 тысяч человек.

Начальство решило прибегнуть к испытанному способу подавления восстаний — ввело в лагеря уголовников. Когда урки-каратели вошли на территорию лагеря № 2, стачечный комитет принял решение ликвидировать блатных. Уголовников перерезали почти поголовно, уцелевшие блатари вместе с охраной спаслись бегством. Власть перешла в руки восставших.

Черные флаги над зоной

Повстанцы выставили охрану и приготовились к обороне. Начальником обороны Горлага стал украинец Семен Головка. Над всеми лагерями были подняты черные флаги — флаги свободы. Заключение строили баррикады, делали ножи и пики, заливали бутылки зажигательной смесью. При помощи воздушных шаров и змеев они отправляли листовки жителям Норильска и солдатам: «Солдаты войск МВД! Не допускайте пролития братской крови! Да здравствует мир, демократия и дружба народов! Каторжане Горлага».

К лагерям стянули войска из Норильска и Красноярска. Первый удар приняли женщины. 12 июля вооруженные пожарными топорами и саперными лопатками солдаты ворвались в лагерь № 6, и женщины пытались оказать сопротивление. В результате 30 женщин были убиты и 80 тяжело ранены. Легко раненных никто не счи-

тал. Затем были захвачены три мужских лагеря, и здесь уже применялось огнестрельное оружие. Общее число погибших — около 60 человек.

Но самая кровавая бойня произошла 4 августа в лагере № 3, который держался дольше других. Лагерь был окружен более чем тысячей солдат, которые открыли огонь из автоматов. В две-три минуты 120 повстанцев погибли и 200 были тяжело ранены. Над уцелевшими озверевшие солдаты учинили расправу: 50 заключенных были заколоты штыками.

Кровь героев-повстанцев пролилась не зря. После Норильского восстания многие их требования были удовлетворены: перестали запирают бараки, сняли решетки, разрешили свидания с родными и ежемесячные письма домой вместо прежних двух в год. Без лагерных восстаний не было бы и знаменитого XX съезда, который дал свободу миллионам узников. Повстанцы, конечно, не читали Гёте, но поступили согласно его стихам: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!»

Ярослав Леонтьев
Последний анархист
Сибири

8 августа исполняется девять лет со дня гибели Игоря Подшивалова. Он стал легендой еще при жизни. Популярный в Восточной Сибири журналист, лауреат первого конкурса российских журналистов им. Ларисы Юдиной «Вопреки-98», проводившегося «Новой газетой» и «Яблоком». Известный в России и за ее пределами анархист, командовавший в августе 1991 года «баррикадой № 6», с развевавшимся над ней черно-красным знаменем. С его именем связана первая в истории современной России оборона жилого дома, предназначенного чиновниками на выселение. Одним из первых он в открытую провозгласил себя анархистом и сибирским «областником». Большое влияние Подшивалов оказал на становление Станислава Маркелова.

Вехи его биографии — длинная приключенческая повесть. В ранней юности, учась одновременно в средней и художественной школах, Игорь участвовал во Всесоюзном конкурсе, посвященном 150-летию со дня рождения Льва Толстого, и за свое сочинение, украшенное циклом иллюстраций, был удостоен первого места. Этот случай и это лауреатство в каком-то смысле предопределили его дальнейшую жизнь пламенного публициста-пропагандиста и бунтаря.

В 1979 году Подшивалов поступил на филфак Иркутского госуниверситета. От корки до корки проштудировал «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Государство и революцию» Ленина, и отыскивавшиеся в университетской библиотеке «Речи бунтовщика» Петра Кропоткина. Еще раньше, в школе, он прочел книгу Натальи Михайловны Пирумовой «Михаил Бакунин». Интерес к анархизму был неслучаен. «В те годы более или менее живые люди от беспросветности ударялись кто в пьянство, кто в религию, — вспоминал сам Игорь. — Я отдал предпочтение первому. Надравшись двухрублевого вермута, я в общежитии декламировал Некрасова: „Душно! Без счастья и воли ночь бесконечно

длинна. Буря бы грянула, что ли?! Чаша с краями полна“. Или орал во всю мочь: „Как за Черным Яром...“.

По филфаку ходили слухи о студенте-анархисте, который ходит с бутылкой в одном кармане и с конспектом Кропоткина — в другом. Однажды к третьекурснику Подшивалову подошла девушка с младшего курса и протянула газетный сверток. Игорь развернул его и обомлел: перед ним лежал самиздат — «Литературные тетради» Вампиловского книжного товарищества. Руководителем товарищества был писатель по призванию и сторож по роду деятельности Борис Черных, а девушка, Юлия Пушкина, позже стала женой Подшивалова, матерью его детей. «Я залпом прочел три выпуска „Литературных тетрадей“ и понял... Ребята из этого кружка тайно читали „Собачье сердце“ Булгакова, „Чевенгур“ и „Котлован“ Платонова, „Окаянные дни“ Бунина, „Несвоевременные мысли“ Горького, „1984“ Оруэлла, „Новое назначение“ А. Бека и даже „Ленин в Цюрихе“ Солженицына. В основном за эти книги Черных и получил пять лет».

На очередное собрание Вампиловского товарищества Игорь не успел попасть, поскольку в конце мая 1982 года Борис Черных был арестован, а в марте 1983 года ему был вынесен приговор по 70-й статье УК. Буквально на другой день после его ареста к Подшивалову подошли двое приятелей и сказали: «Ну что, пора заменять павших борцов?» Через непродолжительное время в Иркутске возник новый кружок, приступивший к изданию в пяти экземплярах альманаха «Свеча». Эпиграфом издания стали слова из песни «Машины времени»: «...Пока не меркнет свет, пока горит свеча». В обращении к читателям альманаха был представлен как «самиздат». (Спустя полгода этот термин был поставлен в вину редакции как доказательство намерений вести антисоветскую пропаганду.) Помимо «Свечи» участники кружка занялись наглядной агитацией в виде политических плакатов, приуроченных к замалчиваемым знаменательным датам: в октябре

1983 года ребята вывесили в университете плакат к годовщине гибели Эрнесто Че Гевары, в декабре — плакат ко дню рождения Кропоткина. Вывешенный портрет князя-анархиста лично сорвала секретарь партбюро филфака и передала его в КГБ. Но «Свеча» продолжала выходить вплоть до марта 1984 года (всего вышло три номера). А дальше деканом факультета стала парторг Баканова, и в тот же день на доске объявлений появился приказ о лишении стипендии студентов, принимавших участие в издании альманаха. Затем начались проработки на комсомольских собраниях... «Я попросил слово и высказал все, что думаю об этом собрании, — вспоминал Игорь. — Заявил, что это „черносотенное собрание“, а травля „Свечи“ — провокация. Меня лишили слова». У него уже был написан диплом на тему «Идея революционного народничества в произведениях русских писателей второй половины XIX века», и вот-вот должна была состояться защита. Однако защита была отменена, и декан заявила, что у нее на столе лежит проект приказа об отчислении бунтаря «за гражданскую и политическую незрелость». Масла в огонь подлило выступление начальника областного управления КГБ полковника Лапина на идеологическом совещании, в котором он негативно высказался в отношении «Свечи» (текст выступления был напечатан в «Восточно-Сибирской правде»).

И тогда Подшивалов пошел ва-банк, то есть — в Управление КГБ по Иркутской области. «Меня приняли два капитана... Оба они были кураторами университета. Это был разговор немого с двумя глухими. Один задавал мне вопрос, и не успевал я еще на него ответить, как второй перебивал меня другим вопросом. Наконец мне это надоело: — Если вы считаете меня антисоветчиком, то судите и садите меня, если же нет — допустите к защите диплома!».

Уходя от чекистов, Игорь пообещал найти правду в вышестоящей инстанции, то есть на Лубянке. Как ни странно, это сработало — «кураторы» от госбезопасности

побывали в университете и посоветовали допустить Подшивалова к защите диплома. Но вместо намечавшейся по распределению работы в школе его временно трудоустроили в университетскую библиотеку.

О дипломе стоит сказать особо. Подшивалов замысливал выпускное сочинение об идеях анархизма в произведениях русских классиков, но хорошо понимал, что никто не позволит ему защищать такой диплом. Пришлось видоизменить тему, сохранив стержень и не забыв сказать о тургеневском Рудине, писанном с Бакунина. Но чуть ли не основное внимание было уделено теперь Степняку-Кравчинскому и его героям.

После защиты Игорю пришлось поменять много мест работы: декоратора в драмтеатре, грузчика, художника-оформителя в кинотеатре, дворника, корреспондента газеты Байкальского пароходства «Ударная вахта»... Долго он нигде не задерживался, так как вскоре после очередного трудоустройства отделы кадров получали соответствующие «ориентировки» КГБ. Сохранилась очень романтическая фотография Игоря той поры, с жидкой еще бородкой, в штормовке и тельняшке, с которой он стал неразлучен на всю оставшуюся жизнь, на фоне написанного им портрета Бакунина. «Частая перемена работы, длительные периоды вынужденной безработицы и безденежья, переезды из города в город продолжались вплоть до 1990 года, пока я не стал работать в газете „Советская молодежь“, — вспоминал Подшивалов.

Но еще раньше летней ночью 1988 года у сторожа Богоявленского собора (бывшего тогда филиалом иркутского краеведческого музея) Игоря Подшивалова собралось несколько активных «неформалов» и коллективно сочинили исторический документ — организационный договор политической группы, целями которой объявлялось создание многопартийной системы, свободных профсоюзов и свободы печати. Уже через день, 4 июля, документ был оглашен на собрании, которое прошло

на стадионе за Политехническим институтом. Эта дата вошла в историю как день рождения первой в Иркутске «перестроечной» политической организации «Социалистический клуб».

До этого в столице Восточной Сибири уже действовали клуб избирателей в Академгородке и экологи, объединившиеся в борьбе против строительства трубы, по которой сточные воды должны были течь в Ангару. Также велась отчаянная кампания за «чистый Байкал». Но собственно политических требований до 4 июля неформалы не выдвигали.

Не прошло и недели, как Игорь был задержан сотрудниками КГБ прямо на рабочем месте в сторожке и доставлен для допроса в областное управление на улице Литвинова. Нашелся доносчик, наболтавший всякий вздор о создании чуть ли не террористической организации с партизанскими базами и списками приговоренных к уничтожению партфункционеров. На всякий случай чекисты ограничились вынесением Подшивалову через прокуратуру официального предостережения о «недопустимости нарушения Конституции СССР и советских законов», а «Восточно-Сибирская правда» выступила с заказной статьей под названием «Наследники фиаско». Как вскоре выяснилось, статья сделала Соцклубу великолепную рекламу. В считанные дни в клуб записалось свыше двухсот человек. Были сформированы группы по разным направлениям деятельности. Соцклуб стал своего рода политшколой, из которой вышли представители позднейших политических партий и движений.

Весной 1989 года произошли события, в результате которых клуб стал известен не только в области, но и за пределами СССР. Как-то раз на заседание клуба пришли жильцы дома № 2 по улице Фурье и сообщили, что их кварталом решила завладеть контора производственного объединения «Востсибнефтегазгеология», а их самих «переселить к черту на кулички». Подшива-

лов и его единомышленники решили помочь забаррикадовавшимся жильцам. Утром 30 марта к дому по улице Фурье подошли судебные исполнители и сотрудники милиции. Переговоры успеха не имели, начался штурм... Вскоре прокуратура возбудила уголовное дело на восьмерых защитников дома. Игорю вменялись три статьи: организация массовых беспорядков, сопротивление представителю власти, нанесение телесных повреждений сотруднику милиции. Оказывается, при проникновении в здание через окно лейтенант Маханёк порезал себе мизинец, а судебная исполнительница Дядченко обнаружила на своей ноге синяк. Две судебно-медицинские экспертизы подтвердили, что палец блюстителя порядка поврежден «тяжелым острым предметом», а «свидетели» показали, что оборону возглавлял «бородатый мужчина в очках», орудовавший ломом. Игорь отличался потрясающим чувством юмора. «Конечно, я не считаю себя Голлиафом, – шутил он, – но, если бы в моих руках оказался лом, милиционер не отделался бы порезанным пальцем».

В итоге четверо анархистов и трое жильцов дома по улице Фурье объявили голодовку с требованием прекращения фабрикация уголовного дела, а также расследования всех фактов нарушений в распределении жилья и фактов нарушения законности сотрудниками милиции при выселении людей. Протестующие уселись на скамейки в сквере Кирова возле обкома КПСС, выставив плакаты с изложением своей правды. Голодовка продолжалась шесть суток. Ее ход освещался на радиостанциях «Свобода» и «Немецкая волна», в парижской газете «Русская мысль», а местная студия документальных фильмов сняла 15-минутный сюжет, который дважды демонстрировалась по иркутскому телевидению. В итоге протестная голодовка закончилась полупобедой: жильцы получили квартиры там, где хотели, но уголовное дело закрыто было далеко не сразу. Лишь в декабре 1989 года преследование в отношении Подшивалова и его поделщиков

было прекращено с формулировкой «вследствие изменения обстановки». Как раз перед этим в Румынии был казнен коммунистический диктатор Чаушеску, президентом Польши вместо Ярузельского стал лидер «Солидарности» Лех Валенса, а в Германии пала Берлинская стена. Позже выяснилось, что на закрытие дела повлияли протесты «леваков» в Париже, начавших пикетировать советское посольство с требованием прекратить репрессии против иркутских анархистов.

А в мае 1989 года Игорь Подшивалов стал одним из основателей широко известной в эпоху «перестройки» и первые постперестроечные годы Конфедерации анархо-синдикалистов. Как вспоминают теперь ее бывшие вожди Андрей Исаев и Александр Шубин, именно Подшивалов, участвуя перед этим в недолговечной Федерации социалистических общественных клубов и кратковременных «Альянсе федералистов-социалистов» и «Союзе независимых социалистов», принципиально отстаивал придание пришедшей им на смену организации анархистского характера и названия. Сам он вспоминал в статье «По стопам батяки Махно» к 10-летию созданию КАС: «Для нас, анархистов 1980-х годов, необходимо было сказать правду о каталонских рабочих и кронштадтских матросах, гданьских докерах и украинских крестьянах, которые не были теми исчадиями ада, какими их рисовала государственная пропаганда... Когда пятнадцать лет назад меня исключили из университета за самиздат, я искренне думал, что являюсь единственным приверженцем этого учения. Как я был самонадеян! Через пять лет я увидел людей, которые заплатили за свои убеждения годами неволи. Всегда буду помнить участника рабочего восстания в Темир-Тау в 1959 году Анатолия Анисимова, прошедшего лагерь и Благовещенскую спецпсихбольницу, одного из лидеров Новочеркасской забастовки 1962 года Петра Сиуду, шесть лет проведенного в Коми, бывшего тихоокеанского моряка Владимира Чернолиха, к 100-летию

со дня рождения Ленина расклеившего в зоне антикоммунистические листовки. Теперь иных уж нет, а те – далеко. Эмигрировал в Голландию братчанин Анисимов, убит в мае 1990 года старый бунтарь Сиуда, умер в Приморске флотский капитан Чернолих. Для этих людей анархизм был не данью моде, а смыслом жизни».

В итоге КАС стала играть заметную роль в общественной жизни страны, а Подшивалов сделался одним из ее признанных вождей. Время диктовало новые задачи, и на выборах в начале 1990 года иркутский Академгородок выдвинул Подшивалова кандидатом в депутаты областного Совета. Он выступал перед многочисленными аудиториями, пытаясь донести до нее идеи самоуправляющегося общества. Ведь когда-то, в 1918 года, анархисты тоже имели небольшое представительство во ВЦИК и использовали эту трибуну, хотя и не принимали участия в голосованиях. «Анархизм — это не анархия», — любил повторять Игорь. «Мне удалось провести более 30 встреч с избирателями, в том числе на предприятиях и в воинских частях, и трижды выступить по телевидению. Всюду я начинал с того, что представлялся активистом КАС и как можно подробнее излагал нашу программу. В результате прошел во второй тур выборов и набрал около 40% голосов. Я не попал в областной Совет, но цель была достигнута. Анархизм в Иркутске перестал быть пугалом». Позже была еще одна удачная кампания по сбору средств в помощь семьям бастующих шахтеров Кузбасса. 11 тысяч рублей и свыше тонны продуктов были доставлены в Кемерово на грузовике за трое суток. Транспорт был предоставлен облисполкомом, а одним из сопровождающих был Подшивалов.

В августе 1991 года Игорь опять приехал в Москву для участия в Федеральном совете КАС, в котором он представлял Восточно-Сибирский регион. Форум закончился 18 августа, а утром в квартире, где он остановился, раздался телефонный звонок.

– Игорь, включи телевизор! Горбачев отстранен, власть взяли Крючков, Язов, Пуго. Президентом называют Янаева. Сегодня в двенадцать митинг на Манежной...

Со стихийного митинга «касовцы» вместе с толпой другого народа двинулись в сторону Белого дома.

«Навстречу группа юнцов с черным флагом... — писал Игорь в статье „Украденная победа“. — Из толпы политизированных панков появляется старый знакомый — кольцо в ухе, голова повязана платком по-пиратски.

— Здорово! Записывайся в наш анархический батальон!

Что ж, батальон так батальон. Составляю список, набирается шестьдесят человек. Иду в штаб обороны. Первому сводному анархистскому отряду поручен шестой участок, самый оголенный. Это лестница, примыкающая к зданию СЭВ... Отряд у нас получился интернациональный: кроме русских панков и идейных анархо-синдикалистов с нами анархист из Барселоны Игнасио де Льюренс и Янек из польского движения „Свобода и мир“... Это был момент истины и самый счастливый момент в моей жизни. Тогда мы были братья и сестры — свободные люди, преодолевшие страх».

Никаких медалей и привилегий за участие в защите Белого дома Игорь, разумеется, не имел, если не считать почетного титула «Батько», как его стали называть в анархистских рядах. Да еще одного курьезного эпизода, когда областное отделение «ДемРоссии» летом 1993 года делегировало его вместе с другими иркутянами... на Конституционное совещание в Кремль как «ветерана» демдвижения. А дальше все пошло по-прежнему. В одном из писем более чем десятилетней давности Подшивалов писал мне: «Никогда я не буду жить по-другому, никогда не буду гоняться за большим заработком, выколачивая квартиры, машины, барахло. Я просто по-другому живу и не собираюсь менять свою жизнь. Поэтому жилья у меня в Иркутске снова нет, как два и три года назад. Видно, судьба у меня такая».

В его и такой уж долгой жизни случилось еще участие в экологических лагерях в Волгодонске, о чем подробно рассказал Стас Маркелов за полтора года до собственной гибели на «Прямухинских чтениях», посвященных памяти Н.М. Пирумовой и Игоря Подшивалова; на Кольском полуострове, в чешском Темелине, где Игорю пришлось познакомиться с местным полицейским участком. Подшиваловым были опубликованы сотни статей по истории анархизма и просто на злобу дня. Он успел активно потрудиться в «вольной артели» на восстановлении мемориального комплекса в усадьбе Бакуниных Прямухино, о чем тоже успел порассказать Стас Маркелов. (Это выступление Маркелова было опубликовано дважды — в сборнике «Прямухинских чтений» и в книге «Никто кроме меня», посвященной самому Стасу.)

Не раз голос Игоря гремел с трибун митингов (последние из них в 2006 году опять касались защиты Байкала) и академических конференций, посвященных «апостолам» анархии Михаилу Бакунину и Петру Кропоткину. Он не только пережил кризис и упадок анархистского движения на рубеже веков, но и успел дождаться молодой смены, даже сам присоединился к организации «Автономное действие» (в которую накануне своей гибели вступила и Настя Бабурова) и в очередной раз загремел в милицейскую каталажку. Отдельной строкой в биографию Подшивалова вписано его участие в сибирских областных инициативах и намерение создать движение «вольных казаков». Забайкальский казак по происхождению, гордившийся прадедом — героем Первой мировой, Игорь на дух не переносил ряженных черносотенных казачков. История его конфликта с иркутскими казаками «имперцами» слишком длинная для того, чтобы уделять ей тут внимание.

Вместо этого лучше напомнить, что лауреатом журналистской премии «Вопреки-98», которому было присвоено имя посмертной лауреатки, зверски убитой незадолго

Ярослав Леонтьев

до окончания конкурса в Элисте отважной журналистки Ларисы Юдиной, Игорь стал за публикацию в газете «Ангарские новости и мировые репортажи» смелого и честного расследования «Ангарские рабыни» — о девочках-сиротах, подвергшихся принудительной стерилизации. Это расследование принесло Игорю не только угрозы, но и судебную тяжбу, в который уже раз в его недолгой жизни. Но эта же история проложила для него путь к членству в Союзе журналистов России.

Незадолго до гибели упрямый анархист из Иркутска побывал на военных сборах, на которых ему было присвоено очередное воинское звание капитана. Но повоевать больше не пришлось: менее чем через месяц после «дембеля» он умер в реанимации, не приходя в сознание, на третий день после того, как его сбила машина на Шелиховском шоссе, и на пятый день после того, как ему исполнилось 44 года. Он пережил своего любимейшего героя Че Гевару, портретами которого были увешаны все стены в его ангарской квартире, и недотянул совсем немного до возраста, в котором ушел из жизни другой любимец — ц батька Махно.

Обдумывая этот мемориальный материал, я вдруг отчетливо увидел еще одну параллель. 23 декабря 1895 года также нелепо погиб под поездом, когда переходил железнодорожный путь, Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский. Легендарный террорист-народник, заколовший кинжалом шефа Корпуса жандармов графа Мезенцева, и популярный в революционных кругах писатель, автор «Подпольной России», «Домика на Волге», «Андрея Кожухова», участвовавший в молодости в повстанческих выступлениях в Герцеговине и в Италии, а на закате жизни создавший в Лондоне Фонд вольной русской прессы, Сергей Кравчинский интересовал Игоря Подшивалова со студенческой скамьи. В момент гибели Степняку было 44 года.

common place

издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Смена», «Все свободны», «Бакен», «Фаренгейт
451», «Пиотровский», книжном клубе «Петровский»,
а также заказать с доставкой на сайте www.librooom.ru
Больше информации о проекте: vk.com/common_place

Игорь Подшивалов Анархия в Сибири

Рисунок на обложке — Мария Киселева
Редактор, корректор — Катя Пгавда
Выпускающий редактор — Алина Кораблева
Верстка — Алевтина Никонова

В основу данного издания положена рукопись Игоря
Подшивалова, которую автор начал готовить для публикации
в виде книги, но не успел довести до конца.

Участники проекта благодарят Жанну Райгородскую и Ярослава Леонтьева
за помощь в подготовке и издании данной книги.

Подписано в печать 04.06.2015
Формат 84x108/32
Тираж 500 экз.
Заказ No 161

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80

